

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ШКОЛА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник студенческих работ

ВОСТОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Выпуск 1

Москва, 2014

Редколлегия:
Демина М.О. (ответственный секретарь),
Ким Н.Н., Новикова А.А., Царегородцева И.А., Целуйко М.С.

Сборник студенческих работ «Восточная перспектива». Выпуск 1. – М.: ООО «Адвансед солюшнз», 2014.– 152 с.

ISBN

В данном сборнике представлены статьи студентов бакалавриата НИУ «Высшая школа экономики», в том числе и лауреатов I научной студенческой конференции «Восточная перспектива», которая состоялась в Москве на базе Отделения востоковедения НИУ ВШЭ 25 апреля 2014 года. Тематика статей затрагивает широкий круг вопросов, связанных с развитием Японии, Китая, государств Корейского полуострова и арабских стран, в том числе в области истории, философии, религии, политических институтов, этнических и этно-политических процессов, экономики, социально-экономического развития, международных отношений.

ISBN 978-5-906722-16-4

УДК
ББК

9 785906 172216 4

ИСТОРИЯ

- Махмутова М.И.* Формирование идеологии и практик джихада в эпоху крестовых походов. 4
- Матросов В.А.* Территориальное размежевание Сирии в период французского мандата 18
- Заводиленко А.В.* Современный китайский школьный учебник: трактатов древнейшего периода истории Китая (до II тыс. до н.э.). 31
- Квитко Е.М.* Корейский полуостров во внешней политике Японии в IV—VII вв. 44
- Большова Е.В.* Особенности земельно-правового регулирования в государстве *рицурё*: (VIII—XII вв.). 55

КУЛЬТУРА

- Пасивкина С.А.* Роль топонимов в стихотворениях «Дневника шестнадцатой ночи» монахини Абуцу (1221(?)—1283) 63
- Ячник М.М.* Автостереотип Южной Кореи в южнокорейской русскоязычной прессе 2000-х гг. (на основе анализа журнала «Кореана») 73
- Беляева А.В.* Этнокультурные традиции в современной телевизионной рекламе КНР. 85

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гершинкова Ю.В.* Исламский фактор как неотъемлемый компонент современного европейского общества 93
- Шипилов А.Ю.* Перспективы ирано-американского сближения после прихода к власти Хасана Роухани 104
- Маркелов А.А.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении коллективной безопасности в Центральной Азии. 121

ЭКОНОМИКА

- Корзов Н.Н.* Экологическая безопасность энергетической политики Китая 131
- Чижова П.С.* Китайская и японская официальная помощь развитию в Африке южнее Сахары: сходства и различия. 140

Махмутова М.И.

Формирование идеологии и практик джихада в эпоху крестовых походов

Аннотация

В данной статье автор рассматривает на основе источников формирование идеологии Священной войны в период крестовых походов на Ближнем Востоке, который складывался под влиянием менталитета и религиозной приверженности. Помимо этого, изучается практическое применение джихада, послужившее единению мусульман Леванта, Месопотамии и Египта против внешней агрессии со стороны европейского мира.

Ключевые слова: джихад, Священная война, ислам, Ближний Восток, Средневековье.

Священная война для приверженцев ислама во времена Крестовых походов стала отправной точкой сопротивления в борьбе за родные земли, которые довольно стремительно оказались под властью латинян. Само понятие джихад дословно переводится как усердие или рвение; согласно Корану, существует несколько видов: «джихад сердца» предполагает борьбу с собственными недостатками, «джихад языка» — повеление одобряемого и отрицание порицаемого, «джихад руки» означает принятие особых мер в отношении преступников и нарушителей законов святого писания, «джихад меча» — борьба с неверными [11]. Последний может объявляться исключительно религиозным лидером и в случае притеснения приверженцев ислама в религиозном аспекте.

В начале XI в. пилигримы, пришедшие из Западной Европы, заняли побережье Средиземноморья на Ближнем Востоке, основав там четыре христианских государства: графство Эдес-

ское, княжество Антиохии, графство Триполи и Иерусалимское королевство. Стоит учесть, что о начинающемся крестовом походе франков большая часть мусульман, проживавшая на территории Леванта, практически, ничего не знала, за исключением правящей верхушки. Примерно в 1095 г. или 1096 г., ей поступило сообщение от византийского императора, угрожавшего своим соперникам [5] применить новую силу, дабы прекратить постоянные нападения на его земли. Точно об этом были осведомлены представители властей в Алеппо, но доподлинно не известно, знали ли что-нибудь о надвигающейся опасности Фатимиды¹, правившие в долине Нила. Элита, в целом, имела свои причины для нераспространения полученных сведений и абсолютно не поспособствовала защите мирного населения [14, с. 60].

Основная масса, участвовавшая в постоянных боевых стычках, не располагала никакой информацией, а следовательно, восприняла новых захватчиков не как жителей Западной Европы, а как хорошо известных им доселе византийцев. Во-первых, с Восточной Римской империей у арабов были многочисленные военные конфликты с доисламских времён [12]; во-вторых, первые крестоносцы изначально прибыли в Константинополь и уже оттуда принялись пробивать дорогу к Иерусалиму.

Первому крестовому походу в мусульманских хрониках, в отличие от европейских, уделено крайне малое внимание. Более того, долгое время даже учёные люди средневековой эпохи совершенно не могли понять цель франков, воюющих на их земле. Лишь некоторые из них догадывались о том, что их враги стремились покорить Священный город, такими были ас-Сулами [1], автор «Книги о Священной войне», и Ибн аль-‘Асир, составивший «Полный свод истории».

Как сообщает другой хронист — Ибн аль-Каланиси в книге «История Дамаска», франков, прибывших из-за моря, было бесчисленное множество, что наводило ужас и страх на всех людей. Помимо этого, они, по его свидетельствам, при захвате городов разграбляли все округа и уничтожали население, которое не успело спастись. В связи с этим, желание сохранить свою жизнь толкало людей на сговор с врагами [5]. Особые зверства

крестоносцы проявляли при захвате Антиохии, согласно источнику [6]. Повествуя о захвате Ма'арат ан-Нумана², автор делает акцент на том, что удар был нанесён во время вечерней молитвы, а это является оскорблением религиозных чувств; тогда же было убито практически всё население, в том числе и женщины, и старики, и дети [6]. Рассказывая о падении упомянутых городов, средневековый историк отмечает: это была совместная кампания византийского императора и франков. Жестокость по отношению к их жителям запугала население окружающих областей, а сдача городов в Сирии была воспринята мусульманами как позор [9, с. 59]. Продолжая свой путь к Иерусалиму, франки в ходе боевых действий истребляли население и оскверняли святые места, как мечети, так и могилы. А в городе трёх религий, согласно описанию его взятия, европейцы не пощадили никого: ни мусульман, укrywшихся в аль-Аксе³, ни евреев, спрятавшихся в синагоге, которых они заживо сожгли. Спасти удалось лишь тем, кто успел бежать из города до его падения [6].

Всё это позволяет сделать вывод о том, что в глазах жителей Ближнего Востока, как мусульман, так и иудеев, пришедшие крестоносцы были подобны каре свыше. Более того, они проявляли абсолютное неуважение к религиозным чувствам и ценностям покорённых народов, а это порождает почву для подготовки к ответному удару.

Ибн аль-'Асир в своём труде «Полный свод истории» отмечает, что европейцы стремились покорить не только Иерусалим, но и Андалусию, а также Сицилию и Северную Африку [9, с. 25]. Помимо всего прочего, правители Египта призвали прийти франков в Сирию и встать между Фатимидами и Сельджуками, а также тюркским эмиром Аксисом⁴ [3], но у крестоносцев также был договор с Алексеем Комнином, желавшего заполучить Антиохию, используя военную силу пилигримов. Мусульманский правитель Антакии Баги-Сиян, узнав о приближении латинских захватчиков, вёл себя мужественно и опекал как братьев по вере, так и христиан, проживавших на его землях. Перед тем, как он бежал из Антиохии, франки сразу захватили и разграбили его город, убив многих жителей [3].

Затем они подчинили Акку и после подошли к стенам Святого города, который осаждали несколько дней, а потом предложили его жителям сдаться, с условием сохранения им жизни. Тем не менее, обещание не было выполнено, и победители утопили город в крови, а их грабёж, по свидетельству Ибн аль-'Асира, не поддаётся счёту[3].

Таким образом, согласно средневековому автору, приход европейцев был связан не только союзом между двумя христианскими центрами, но свою лепту также внесли Фатимиды, боявшиеся усиления своих соседей на Ближнем Востоке, как турецких правителей, так и Сельджуков. Помимо этого, пришедшие франки не исполняли заключённые ранее соглашения, а в ходе битв и войн с жителями Большой Сирии⁵ они проявляли истинное варварство, разграбляя и уничтожая всё в округе, что наводило ужас на всех участников событий.

До наших дней также дошла работа аль-Азими «История Алеппо». Как и предыдущие историки, он описывает зверства и убийства, которые совершали франки в Алеппо, Антиохии, окрестностях Дамаска; причём, согласно его описанию, местное население само открывало двери в каждый из городов захватчикам, а те, в свою очередь, были одолены непомерной жадностью [11, с. 368—372]. В связи с этим выжившие мусульмане пытались найти хоть какой-нибудь выход из данной ситуации, что толкало их на попытку заключения не долгосрочного мира с европейцами.

Из этого можно сделать вывод о том, что для Ближнего Востока приход крестоносцев грянул как гром среди ясного неба [14, с. 84], они испытывали постоянный страх, поскольку не желали повторного столкновения с сильным противником. Дабы сохранить свою жизнь и жизнь семьи, многие открывали двери захватчикам, истреблявшим их и осквернявшим их святыни. Более того, подобная картина застала турецких лидеров врасплох, поскольку они абсолютно не могли договориться между собой и дать отпор врагу. Потеря одного города за другим воспринималась как позор; вдобавок, первое время большая масса жителей тех мест не понимала, что они воюют не с византийцами, давним конкурентом, а с совершенно другой силой. В повествовании

средневековых хроник сложно найти чёткие цели крестоносцев, и чаще всего авторы описывают их как варваров, бесцельно уничтожающих мусульман и разграблявших их святыни.

Придя на Ближний Восток, европейцы смогли ударить в самое слабое место мусульманских народов, где царили их распри и раздор между многочисленными сирийскими эмирами и султанами. Нанеся неожиданный удар, они, по сути, смогли парализовать своего недруга, не способного в первое время оказать должное сопротивление.

Как в ходе завоеваний, так и после входа в заветный город трёх религий, крестоносцы продолжали уничтожать и осквернять чужие храмы, а также превращали некоторые мечети в свои церкви. В частности, это касается аль-Аксы, ставшей храмом Святого Соломона, а Купол Скалы — храмом Господним. Фактически, после падения Иерусалима в 1099 г. все мечети на Храмовой горе были превращены в христианские святыни и место поклонения пилигримов. Подобные вещи не могли быть замечены во времена средневековья, когда религия была основным стержнем общества. Более того, массовая резня в мечетях сформировала мысли об ответном ударе; но в первые годы крестовых походов начались массовые миграции мусульман из Леванта на территории Междуречья и Долины реки Нил. К слову, многие известные люди того времени отнюдь не воспринимали это как предательство Родины, а наоборот видели в этом шанс на спасение от франков и голода [7], как сообщает Ибн Муясар в рукописи «История Египта».

Фатимидский халифат на тот момент попытался дать отпор крестоносцам, поскольку его правители тоже претендовали на Иерусалим и прибрежные города Палестины. Данные территории всегда имели важное стратегическое и торговое значение, и именно от них зависело значение Египта как морской державы. Но удар был нанесён уже после захвата мусульманских святынь, и армия Фатимидов, не способная противостоять европейцам, отступила назад, в свои земли, а после старалась не вмешиваться в дела Большой Сирии [9, с. 119].

Иная реакция была среди Сельджуков, и стоит отметить, что именно на их землях зародилась идея о Священной войне. При-

мерно в 1097 г. или 1098 г., буквально за год до падения Святого города, среди основной массы и правящей верхушки несколько раз разрабатывались планы о начале войны с франками; также была объявлена мобилизация войск, как сообщает Ибн аль-Джаузи [4]. К тому же, не раз поступали жалобы и от самих жителей Леванта. По приказу султана Баркиярка собрались все представители властей в Багдаде, но, постепенно их энтузиазм стих. Даже рассказы сирийцев, бежавших из осаждённых городов, никак не повлияли на равнодушные соседей [4].

Как сообщает средневековый проповедник 'Али ибн Тахрир ас-Сулами в книге «Китаб аль-Джихад», этим были озабочены правители Сирии, а также богослов Абу Хамид Мухаммад аль-Газали, который, по сути, представлял Священную войну как совместный отпор угнетённого населения, а также их соседей под знаменем ислама, что предполагало освобождение осквернённых святынь [1].

Необходимо отметить: именно ас-Сулами стал проповедником джихада в эпоху крестовых походов, поскольку сам являлся свидетелем кровавой войны. В первую очередь он призывал объединиться всем мусульманам в борьбе с внешним врагом, так как франки были наказанием Всевышнего за распри и распри среди тюркских правителей. Более того, в джихаде необходимо проявление искренности в борьбе и послушания Аллаху. Цель Священной войны — защита себя, своих родных от европейцев, за что в будущем каждому воздастся. К тому же, согласно его концепции, Пророк обещал победу приверженцам истинной веры, а в данной войне он избрал сирийцев, которые вели своё происхождение из Иерусалима, что стало причиной для отвоевания Святого города. Иноземные захватчики в сознании ас-Сулами — первое предупреждение Аллаха за человеческие грехи, поэтому выжившие в кровавой бойне за родные земли, были обязаны в будущем беспрекословно следовать предписаниям Корана и внимать каждому слову свыше [1].

Довольно активная экспансия крестоносцев, не чувствовавших отпора от мусульман на территории Большой Сирии, продолжалась всю первую четверть XII в. Они присваивали себе всё новые и новые земли на побережье Средиземноморья,

а также смогли подойти к границам империи Сельджуков, основав Эдесское графство. Многие пострадавшие бежали, спасаясь от смерти и грабежа, но уже в феврале 1111 г. сирийцы публично попросили о помощи в султанской мечети у своих соседей, основавших государство на территории Междуречья. Согласно источнику Ибн аль-Каланиси «История Дамаска», — франки помешали провести мусульманам пятничную молитву, прогнали из мечети проповедника с кафедры, а её разломали на куски. За этим последовали очередные убийства и захват детей и женщин в рабство. В следующую пятницу повторилась аналогичная ситуация, что заставило дочь султана, по имени Исфахана, отправиться в Багдад и просить военной помощи у халифа. К тому же, её приезд совпал с аналогичными мольбами о помощи сирийских беженцев [5].

После многочисленных просьб султан Гияс ад-Дунья начал проводить в Багдаде мобилизацию войск [5], и уже весной 1111 г. атабек Мосула Шараф ад-Дин Мавдуд по его приказу возглавил Священную войну [9, с. 195]. Джихад, начатый атабеком Мосула, воодушевил многих угнетённых, но, первые походы окончились полным провалом. Фактически, все средства сельджукского султана были затрачены понапрасну, так как не принесли никаких плодов [14, с. 99—101]. Более того, это повлекло разочарование среди сирийцев, которые попросили помощи у своего соседа.

Тем не менее, разразившийся экономический кризис в Леванте отразился на единстве христиан. Армяне начали вменять резкий упадок в вину франкским правителям и рассматривали возможность своего возвращения под крыло тюрков. В целом, в этом и заключалась тактика мусульман, которые при помощи экономической нестабильности хотели посеять раздор среди своих противников [9, с. 197]. Но как мусульманские лидеры, так и крестоносцы больше всего боялись вмешательства Константинополя.

Как только Шараф ад-Дин Мавдуд вернулся в свои земли после нескольких военных провалов, тюркские правители Алеппо (поддерживающие лозунг местного населения, суть которого состояла в том, что земли Большой Сирии должны принадле-

жать её жителям) заключили тесный союз с правителем Дамаска примерно в 1112/1113 гг. и создали блок, ставший на защиту мусульманского населения [9, с. 198].

Именно после этих событий можно сказать, что был создан уже некий союз, исповедовавших ислам правителей, готовых бороться на стороне своих единоверцев. К тому же, теперь в сознании угнетённых народов чётко сформировался образ врага в виде пришедших с запада франков, разграбивших их святыни и уничтоживших всех мусульман на территории Леванта. На данный момент жители Большой Сирии увидели, что они воюют отнюдь не с византийцами (такая мысль присутствовала массовом сознании на протяжении всего первого крестового похода), а с совершенно иной силой, с которой доселе не имели военного контакта.

Вскоре после того, как атабек Мосула вернулся в свои владения в 1113 г., ему пришло известие из Дамаска от атабека Тугтекина с просьбой о помощи, поскольку иерусалимский король Балдуин I постоянно обирал его земли, оскверняя святыни ислама. После этого произошло очередное военное столкновение между армиями мусульман и христиан; на этот раз Мавдуд одержал первую победу. Этот момент можно назвать определённой точкой начала успехов, впервые угнетённое население почувствовало, что оно способно сопротивляться своему врагу.

Европейцы в глазах мусульман выглядели варварами, не почитающими праведную веру, а также грабителями и разорителями, мешающими их благостному процветанию. Причём, подобная мысль прослеживается во многих источниках того времени. Например, Ибн аль-Каланиси сообщает об убийствах и грабежах, которые они не раз учиняли на территории Сирии. Но чаша весов перевернулась перед доблестной победой 1113 г., как отмечает средневековый автор, сами христиане начали испытывать страх перед мощной армией полумесяца [6]. Что же касается средневекового историка Ибн аль-‘Асира, то он проводит мысль об освобождении земель Леванта от несущей разорение армии франков и благосклонности Всевышнего к армии правоверных мусульман, особенно после первых побед [3]. К тому же, практически вся книга Мухаммад бен Али аль-Азими

аль-Хальби «История Дамаска» пронизана ненавистью к европейцам, постоянно совершающим нападения на мирных жителей с целью грабежа и осквернения святынь.

В рукописи Камал ад-Дина «Сливки истории Халеба» также просматривается отношение к франкам как к захватчикам, желающим погубить мирных жителей и разорить земли мусульман. Стоит также отметить победу эмира Алеппо над Антиохийским княжеством в 1119 г., и отношение приверженцев ислама к блестящей победе. Безусловно, автор текста горд долгожданным триумфом и отнюдь не скрывает своего презрительного отношения к европейцам, грабившим мусульманское население [8], но, тем не менее, просвечивается и опаска перед сильным противником. А Ибн аль-Каланиси выделяет эту победу как одну из самых блестящих для мусульман [14, с. 102].

Несмотря на всё негативное отношение к европейцам, возрастающий национализм среди восточных народов, рост религиозного экстремизма, всё же правители Большой Сирии стремились к более прагматичному подходу, так как, понимая свою беспомощность, они заключали постоянные недолговечные соглашения с баронами и иерусалимским королём, с целью сохранения подвластных им территорий и налаживания торгового оборота [14, с. 103]. Следовательно, среди самих мусульман продолжала сохраняться разобщённость как и в период, предшествующий крестовым походам.

Что касается европейцев, то народам Большой Сирии было известно: их враги исповедуют католицизм; а, следовательно, имели представление об иных ритуалах и обрядах, отличающихся от исламских норм. В частности, историк Ибн аль-‘Асир не раз в своём сочинении «Полный свод истории» подчёркивает их нечистоту. К слову, в средневековой Европе вообще не было принято поддерживать гигиену, в отличие от Ближнего Востока. Более того, поедание свинины и падали⁶ тоже отражено в источниках, и франки, таким образом, предстают варварами перед приверженцами ислама, которым по канонам религии запрещено употреблять подобную пищу.

Стоит отметить, что мусульмане не раз поднимали восстания против иноземных оккупантов, в частности, в 1130-х и

в 1180-х гг. они вспыхнули в районе Джабал-Бахры⁷. Помимо этого, бунты были в Трансиордании, подчинённой франкским баронам, в 1130-х и 1140-х гг.; также они поднимались с разной периодичностью в Леванте, а особый националистический подъём произошёл в 1150-е гг. Основные недовольства опять же были связаны с непомерным обиранием мусульман в тех землях, где происходили прямое вымогательство и грабёж. Более того, любые восстания подобного рода постоянно совпадали с активной деятельностью предводителей джихада, а именно атабека Мосула Имад ад-Дин Зенги, затем Нур ад-Дина; а бунты в конце XII в. пришлось на время военных походов Салах ад-Дина, которому удалось отвоевать Иерусалим в 1187 г. [10]

Таким образом, можно предположить, что перед очередным столкновением мусульман и франков на землях, принадлежавших к тому времени уже европейцам, восстания приверженцев ислама на этих территориях финансировались извне, дабы увеличить вероятность перехода земель под исламское владычество. Впрочем, для населения это тоже была выгодная позиция, так как за довольно продолжительное время господства крестоносцев они уставали от бесконечных поборов и ущемления их прав.

Стоит также отметить, что упомянутый выше Салах ад-Дин стал первым и единственным лидером на Ближнем Востоке, которому удалось собрать и сплотить в своих руках все ресурсы, дабы создать свою империю, способную уничтожить латинское господство. Но данную идею он всё же заимствовал у своего предшественника Нур ад-Дина, проложившего первый путь к созданию великого государства. Будучи мудрым правителем и правоверным мусульманином египетский султан изначально выбрал путь единения всех приверженцев ислама. Ради данной цели, он пошёл на соглашение с иерусалимским королём в 1180 г., подписав договор о перемирии и временном приостановлении джихада [9, с. 314]. Через шесть лет талантливый полководец уже смог окружить латинян и вновь начать военную кампанию под знаменем ислама; в 1187 г. состоялась знаменательная победа при Хиттине, которую довольно ярко описывает средневековый биограф Салах ад-Дина Баха ад-Дин

[2, с. 108—114]. Армия крестоносцев была полностью разбита, и мусульманский лидер практически беспрепятственно вошёл в Святой город после непродолжительной осады.

На протяжении военного контакта в сознании восточных народов шёл процесс формирования «образа другого». За долгое время битв и противостояний они стали воспринимать религиозный символ креста, не только как главный образ христианства, но и как военное отличие, поскольку франки носили его в своём военном облачении. К слову, осквернение мечетей происходило не только путём грабежа, но и установления на них крестов [14, с. 315]. Следовательно, их разбивание, уничтожение и снятие с некогда мусульманских святынь означало конец владычества иноземцев. В частности, после возвращения Иерусалима в руки приверженцев ислама с Купола Скалы был снесён крест, и, как сообщает Баха ад-Дин, он был снят не аккуратно, а сброшен, что говорит об окончательной победе над врагом [2, с. 116]. Во время очередных столкновений с европейцами крест опять же носил образ несчастья для мусульман.

В целом, стоит сказать, что образ европейца за всё долгое время ведения джихада сформировался довольно чётко в представлении мусульман и фактически особо не менялся: для восточных людей он был варваром, который принёс совершенно иные устои и иную цивилизацию для основной массы населения. Его появление символизировало разрушение и несчастье, грабежи и смерти; очень многие хроники тех времён пронизаны ненавистью к крестоносцам. Тот же биограф Салах ад-Дина использует постоянные проклятия при каждом их упоминании, также автор произведения «Книга Назидания» Усама Ибн Мункыз абсолютно не стесняется в своих выражениях по отношению к иноземному врагу, так как являлся свидетелем тех событий.

Таким образом, после первого крестового похода многие мусульмане видели во франках безжалостных осквернителей святынь, уничтожающих всё на своём пути. Более того, европейцы выглядят нечестивыми людьми, которые не имеют понятия о гигиене, о дозволенной пище. Подобное описание и представление отныне господствовало в сознании средневековых жителей ближневосточного региона, которое абсолютно не поме-

нялось за время всего военного противостояния в течение всех крестовых походов между Востоком и Западом.

В связи с этим, джихад стал представлять собой военное сопротивление под знаменем ислама на территории Леванта против иноземного оккупанта. Идея религиозной войны была всего лишь оболочкой для прикрытия истинных целей, так как менталитет средневекового мусульманина не мыслился без поклонения своему Богу и почитания истинной веры; вся его жизнь, от рождения до самой смерти, тесно переплеталась с религией и её догмами. Поэтому, используя данный рычаг, правители Междуречья, а затем и Долины реки Нил смогли примерно за сто лет сплотить вокруг себя всё мусульманское население, провозгласив Священную войну за веру и родные земли. Благодаря данной идее, со временем все территории Леванта были утрачены европейцами и отошли под власть мусульманских правителей. Безусловно, крестовые походы часто рассматриваются как война христианства и ислама, но на самом деле в данном конфликте постоянно преследовались экономические и политические интересы с обеих сторон.

На настоящий момент подобные эпизоды мы можем наблюдать и в современном мире, в частности, разворачивающийся на наших глазах конфликт в Ираке и Сирии, где исламские экстремисты объединились, провозглашая Джихад и единую империю; но под этим опять же скрывается война за земли и ресурсы на Ближнем Востоке. Также ярким примером является бесконечное противостояние между Израилем и Палестиной, где на маленькой территории столкнулись интересы двух государств и двух религиозных систем. В целом, в истории именно благодаря идеям, способным охватить умы народов, выигрывались многие битвы на полях сражений, проводились блестящие кампании и создавались великие государства, некоторые из которых уже прекратили своё существование, а некоторые продолжают проходить свои собственные стадии развития на сегодняшний день.

Примечания:

¹*Фатимиды* — династия мусульманских халифов, правившая в Фатимидском халифате с 969 г. по 1171 г.

²*Ма'арат ан-Нуаман* — город в современной Сирии, между Хамой и Алеппо.

³*Аль-Акса* — мечеть на Храмовой горе в Иерусалиме, является третьей святыней ислама после мечети аль-Харам в Мекке и Мечети Пророка в Медине.

⁴*Аксис* — турецкий эмир, захвативший за два десятилетия до описываемых событий Палестину и предпринявший неудачную попытку завоевать Египет.

⁵*Большая Сирия* — территории современной Сирии, Ливана, Израиля, Палестинской автономии и Иордании.

⁶По представлению мусульман употребление в пищу мяса неправильно убитого животного может быть приравнено к поеданию падали, что запрещено по Корану.

⁷*Джабал-Бахра* (ныне — Джабал Ансарийа) — горный район между Хама и побережьем Средиземного моря.

Источники и литература

Источники:

1. As-Sulami. Kitab al-Jihad. // A translation of extracts. — <http://www.arts.cornell.edu/prh3/447/texts/Sulami.html>. Дата обращения: 22.04.2014.
2. Баха' ад-Дин Абу-л-Махасин Йусуфибн Рафи' ибн Тамйим Саладин. Саладин: Победитель крестоносцев / пер. с араб. — СПб.: ДИЛЯ, 2009.
3. Ибн аль-'Асир. Полный свод истории. // [Электронный ресурс]: http://www.al-eman.com/%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%A8/%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%A7%D9%85%D9%84%20%D9%81%D9%8A%20%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%AE%20**/%20%D8%B0%D9%83%D8%B1%20%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B1%D8%A8%20%D8%A8%D9%8A%D9%86%20%D8%B7%D8%BA%D8%AA%D9%83%D9%8A%D9%86%20%D9%88%D8%A7%D9%84%D9%81%D8%B1%D9%86%D8%AC%20%D9%88%D8%A7%D9%84%D9%87%D8%AF%D9%86%D8%A9%20%D8%A8%D8%B9%D8%AF%D9%87%D8%A7/i46&d51354&c&p1#s10. Дата обращения: 22.04.2014.

4. Ибн аль-Джузи. История правителей и наций // [Электронный ресурс]: http://www.al-eman.com/%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%A8/%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%86%D8%AA%D8%B8%D9%85%20%D9%81%D9%8A%20%D8%AA%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%AE%20%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%88%D9%83%20%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%85%D9%85%20**/%D8%AB%D9%85%20%D8%AF%D8%AE%D9%84%D8%AA%20%D8%B3%D9%86%D8%A9%20%D8%A5%D8%AD%D8%AF%D9%89%20%D9%88%D8%AA%D8%B3%D8%B9%D9%8A%D9%86%20%D9%88%D8%A7%D8%A8%D8%B9%D9%85%D8%A7%D8%A6%D8%A9%20/i50&d53953&c&p1#s4. Дата обращения: 22.04.2014.
5. Ибн аль-Каласини. История Дамаска // [Электронный ресурс]: <http://century12-14th.ru/qalanisi/490q.shtml>. Дата обращения: 22.04.2014.
6. Ибн аль-Каласини. История Дамаска // [Электронный ресурс]: http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Kalanisi_2/text11.phtml?id=12828. Дата обращения: 22.04.2014.
7. Ибн Муяссар. История Египта // [Электронный ресурс]: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k515803/f44.image.r=Recueil%20des%20Historiens%20des%20Croisades.langFR>. Дата обращения: 22.04.2014.
8. Камал ад-Дин. Сливки истории Алеппо // [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Kamaladdin/text3.phtml?id=639>. Дата обращения: 22.04.2014.

Литература:

9. Виймар П. Крестовые походы: Миф и реальность священной войны / Пьер Виймар; пер. с фр. Д. Л. Журавлевой. — СПб.: Евразия, 2006.
10. Ирвин Р. Ислам и крестовые походы // [Электронный ресурс]: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Irvin/01.php. Дата обращения: 22.04.2014.
11. Мухаммад бен Али аль-Азими аль-Хальби. Крестовые походы на Ближнем Востоке и Магрибе. — Тунис: Дар аль-гарб аль-исламий, 1982.
12. Резван Е. А. Зеркало Корана. // [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru:8080/zvezda/2008/11/re9-pr.html>. Дата обращения: 28.06.2014.
13. Пигулевская Н. В. арабы у границ Византии и Ирана IV—VI веках // [Электронный ресурс]: http://www.ereading.me/bookreader.php/44696/Pigulevskaya_-_Araby_u_granic_Vizantii_i_Irana_v_IV-VI_vekah.html. Дата обращения: 26.07.2014.
14. Хиллендбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. — СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2008.

Матросов В.А.

Территориальное размежевание Сирии в период французского мандата

Аннотация

В XX в. европейские державы разделили Ближний Восток и создали государства, чьи границы имели мало общего с историческими рубежами. Раскол подмандатных Франции территорий Сирии на шесть государств повлёк всплеск национализма и унионизма со стороны арабо-мусульманского населения, а также сепаратизма со стороны христиан и турок, что привело к формированию современной политической карты региона.

Ключевые слова: *Сирия, Ливан, Левант, мандат, унионизм.*

Современная политическая карта Ближнего Востока во многом определена событиями первой половины прошлого столетия и вмешательством европейцев. Одним из искусственно созданных Великобританией и Францией государств стала Сирия, чьи рубежи устоялись лишь к 1938 г. после ряда крупных территориальных преобразований.

Исторически, понятие Сирии (Великая Сирия, или Левант) охватывало куда более крупные территории. Как пространство между Средиземным морем и Тигром, включая всю Месопотамию, она упоминается уже в Библии (1 Пар., 18:5, 19:6) [1], а античная традиция чётко описывает её границы — от Коммагены (юго-восток нынешней Турции) на севере до Красного моря на юге, от Синайского полуострова на западе до Евфрата на востоке — исключение Месопотамии, по-видимому, было связано с проходившей по Евфрату границей между Римом и Парфянским царством, хотя Плиний Старший относил к Сирии все земли до Тигра [6, с. 270].

Тем не менее, хотя широкое понимание термина имело место и в ранней христианской традиции [3], и во времена византийского владычества, неким самоназванием, национальным индикатором он стал лишь после арабских завоеваний, превративших «билад аш-Шам» — эквивалент Великой Сирии в арабском языке — не столько в географическое, сколько в геополитическое понятие. С началом Крестовых походов и развитием концепции джихада подобный «национализм» использовался для объединения местных эмиратов перед общим врагом [5]. В то же время, строгая суннитская ориентация джихада, достигшая пика в правление Салах ад-Дина, породила и сепаратистские тенденции среди представителей наиболее политически активных несуннитских конфессий.

Речь идёт о исмаилитах-низаритах, представителях радикального направления шиизма, известных как ассасины, а также христианах-маронитах; обе общины решили выйти из состава суннитской Сирии и примкнуть к католическим королям Иерусалима.

Первыми предприняли попытку низариты — не желая терять свои владения, сеть горных крепостей между Хамой и побережьем, в 1173 г. они начали переговоры с королём Амальриком. Лидер общины Синан обещал монарху, что ассасины примут христианство, а все их земли войдут в состав латинского государства [8, кн. XX, гл. 32] — однако в следующем году Амальрик умер, и переговоры сами собой стихли. После неудачной попытки Синана договориться с христианами Северной Сирии, низаритские крепости одна за другой угасли и попали в руки суннитских султанов.

Но если первый всплеск сепаратизма окончился неудачей и может быть интересен лишь в связи с тем, что из числа исмаилитов в то время выделились друзья, ставшие особой замкнутой диаспорой, то второй был не только успешен, но и заложил основы европейского проникновения в Сирию. В 1182 г. марониты, придерживавшиеся миафилитской доктрины, обратились к крестоносцам за помощью, поскольку их земли, горный Ливан, были прекрасной базой для военного вторжения в Антиохийское княжество и в графство Триполи, и маронитам грозила

суннитская экспансия. В том же году марониты заключили унию с Римом и признали религиозное главенство Папы Римского [13, с. 119], а в 1250 г. местный патриарх написал письмо французскому королю, признавая Ливан частью Франции [14, с. 40].

В 1260-х гг. Сирия оказалась объединена мамлюками Египта, но после османского завоевания региона Франция начала проникновение. В 1535 г., в рамках договора о праве свободной торговли в Леванте, король получил разрешение султана на основание в Ливане католического протектората, и к XIX в. культурная экспансия, представленная миссиями и внедрением европейской системы образования, шла полным ходом (не говоря о попытке военной оккупации, предпринятой Наполеоном [2, с. 197—234]).

В 1840 г. Франция вмешалась в административное устройство региона: при её содействии Ливан был отчуждён от Дамасского вилайета и разбит на две части, маронитскую и друзскую. Однако в 1859—1860 гг. на ливанских землях начался бунт мусульманского крестьянства против христиан, перекинувшийся на Дамаск и закончившийся массовой бойней христианского населения. С мая по июль 1860 г. было вырезано более 20 тыс. человек, сожжено и разрушено 560 церквей и 40 монастырей, и тогда Франция ввела войска.

Франции выдался шанс оккупировать страну и закрепить её за собой в исторических границах — однако вмешались другие державы. На севере Сирия граничила с Арменией и попадала в сферу российских интересов, на южные регионы претендовали британцы, а крупные порты, Латакию и Александретту, собирались поделить между собой Пруссия и Австрия, контролировавшие к тому времени морскую торговлю Анатолии [14, с. 36]. К тому времени Египет был практически под полным контролем Англии, а поскольку Лондон имел также виды на Ирак, Кувейт и Хиджаз, Палестина могла бы служить мостом между Египтом и этими территориями, могла бы обеспечить безопасность товарных потоков из Индии. Таким образом, целью Британии стало раздробление Сирии и присвоение южных областей — Палестины и Иордании.

Франция была вынуждена вывести войска и ограничилась лишь вводом на территории Ливана режима мутасарифийи

с христианским правительством [10, с. 97]. Но важно, что к началу нового столетия Ливан уже обладал своими институтами и ориентирами и не входил в османскую административную систему.

В 1914 г. Париж воспользовался слабостью Османской империи и издала Органический статут, предполагавший проведение на территории всей Сирии реформ с целью подготовки страны к включению во Францию в статусе заморской территории [14, с. 112]. Британии пришлось приложить все усилия, чтобы предотвратить такой шаг, и в 1916 г., при заключении соглашения Сайкса—Пико, они успешно отсоединили под свой мандат необходимые им территории [7], к которым в 1920 г. при пересмотре соглашения добавился изначально французский вилайет Мосул.

Однако Британия имела обязательства перед Хашимитами, династией шарифов Мекки, предоставивших англичанам помощь во время Первой Мировой войны в обмен на обещание сделать главу рода Хуссейна «королём арабов». Договор предполагал, что королевство будет простираться от границ с Арменией до Адена, и когда Лондон выделил сыну Хуссейна Абдаллаху лишь Иорданию, Хашимиты предъявили свои претензии на Сирию.

В 1918 г. брат Абдаллаха Файсал был приглашён в Лондон, где ему предложили поддержку в военной кампании против Дамаска, в обмен на обещание передать независимость Ливану и автономию Джабал ад-Друз — горному региону к югу от Дамаска, населённому друзами [12, с. 94]. Британцы провели в сирийских городах прохашимитскую пропаганду, что вызвало некоторое охлаждение в англо-французских отношениях, но Сирия была готова к принятию монархии.

В декабре 1919 г. Файсал выбил французов из долины Бекаа и северных регионов страны, взял под контроль железные дороги, а вскоре занял Дамаск. Однако уже в марте он совершил роковую ошибку, созвав конференцию по делам Палестины и провозгласив, что главной целью Сирии является борьба с сионизмом и последующее включение Палестины в её территорию (затем предполагалось и присоединение Иордании [12, с. 99]). В результате, Файсал лишился поддержки Лондона, и Париж приступил к активным действиям.

6 марта Файсал принял титул короля, в пятничной хутбе прозвучало его имя, в ближайшие десять дней был составлен проект текста конституции — первой арабской конституцией в мире, — а в социальные и политические институты начали внедряться новые, западные модели. В апреле Файсал готовился предоставить независимость Ливану и автономию друзам, но 20-го числа, на конференции в Сан-Ремо, британцы поддержали право Франции на мандат, и Париж начал наступление. 25 июля Дамаск капитулировал, Файсал выехал в Ирак, а Сирийское королевство оказалось ликвидировано [12, с. 103].

Французам достался необычайно разнородный в этническом и конфессиональном плане регион: помимо общин десятка разнообразных христианских течений, можно отметить, что северо-запад, Александреттский санджак (нижнее течение р. Оронт с Антиохией и Александреттой), населяли турки, восточнее них на болотах проживали племена туркоманов, ещё восточнее — курды; в Антиохии и вокруг приморских Латакии и Тартуса стояли поселения алавитов, а в горах Джабал ад-Друз, Ливане и по берегам Евфрата жили друзы. Многие диаспоры отличались политической активностью — кроме, как ни странно, курдов, которые до 1930-х гг. не вмешивались в политику и не имели сообщения с курдским населением соседних регионов [12, с. 7].

Разнородность региона и не до конца изжитые последствия резни христиан в Ливане и Дамаске и геноцида армян в турецком регионе, в Александретте [14, с. 55], поставили перед французами тяжёлую задачу определения дальнейшей политики, и к концу лета Париж принял решение воспроизвести уже испробованный в Марокко принцип «разделяй и властвуй», после чего в самое ближайшее время Сирия оказалась расколота на шесть государств.

Первым был отделён Ливан, причём к историческому горному Ливану оказались добавлены части вилайета Бейрута, долина Бекаа, исторически дамасский санджак Триполи, а также побережье с Суром и Сайдой (Тир и Сидон) [12, с. 123]. Таким образом, французы, решившие использовать Ливан в качестве плацдарма для проникновения в Сирию и далее, предоставили ему довольно крупную территорию.

1 сентября 1920 г. Верховный комиссар Анри Гуро провозгласил разделение Сирии на мусульманскую и мусульмано-христианскую части — на Алеппо и Дамаск, однако такая мера не была достаточно эффективной, и государство Алеппо обладало формальной независимостью менее пяти лет. Хотя северной столице досталась большая часть плодородных земель и выход к морю — через Александреттский санджак, тогда ещё не получивший автономию, — центр мандатного управления остался в Дамаске. Более того, французские власти обещали создавать на каждой отделяемой территории институты управления на местной основе, однако сил и средств на это не хватало, и во главе Алеппо был поставлен старый османский чиновник-генерал, при котором созывался состоявший из представителей прежней турецкой бюрократии конгресс [12, с. 126]. Вскоре генерал умер, а на рубеже 1924—1925 гг. состоялось воссоединение северного государства с Дамаском.

2 сентября два санджака, Латакия и Тартус, были объединены в качестве «самостоятельной» алавитской территории, но поскольку номинально призванное защитить этно-конфессиональные меньшинства от давления суннитов разделение воспринималось как попытка предоставить больше прав христианским общинам, концепция алавитской территории не была принята самим алавитами. Кроме того, сама алавитская диаспора составляла не более 1/3 населения области, и «самоуправление» не могло обходиться без значительной французской поддержки.

В 1921 г. из государства Алеппо на правах автономии был выделен Александреттский санджак, однако, обладая турецким большинством в населении, он ещё с Османских времён находился под значительным влиянием турецкой идеологии, поэтому и политическая деятельность региона проходила в русле паносманской пропаганды начала века. Из-за такой ориентации Александретта породила множество проблем для французского правительства; особый оттенок придавало то, что на территории санджака находилась Антиохия, историческая столица Сирии, отчуждение которой от страны казалось многим сирийским националистам немислимым. Также следует учитывать экономическую взаимозависимость между Александреттой и Алеппо,

поскольку при отделении санджака Алеппо лишился выхода к морю, и необходимость сохранения старых хозяйственных связей мешала передаче территории полноценной автономии [11, с. 59].

Наконец, в ноябре 1920 г. требование о предоставлении автономии предъявили и друзские шейхи, и 4 марта 1921 г., после соглашения между шейхами и французской администрацией на совещании в Канавате, горцам была предоставлена область Джабал ад-Друз. Париж дал согласие на выдачу «государству» автономии, французы сразу ввели для контроля свой гарнизон, однако территориальная проблема решена полностью не была — между Джабал ад-Друз и Дамаском так и не появилось чёткой границы [12, с. 125].

Итак, с одной стороны, вмешательство французов в самоуправление всех шести государств было довольно велико, с другой, Парижу не хватило сил и средств создавать и развивать на территории каждого из них свои политические институты, поэтому контроль был скорее номинальный и сводился к наличию военных подразделений на территории региона. Финансовые, административные и законодательные трудности решались медленно, во многих областях действовали отдельные статьи конституции Файсала, при Верховном комиссаре и губернаторах государств состояли как сирийские чиновники, так и турки. Французы надеялись опереться на этно-конфессиональные меньшинства, но это повлекло активное сопротивление Турции, настаивавшей на передаче Александретте особых привилегий [12, с. 127].

В конце концов, предпринятые французами меры не были восприняты в регионе: реальная независимость от Дамаска была нужна лишь сепаратистам, то есть ливанцам, ориентированным на непосредственную связь с Парижем, и населению Александреттского санджака, стремившимся наладить более близкие отношения с Турцией. Жители Алеппо в течение последнего века испытывали влияние панарабистических настроений (даже в новом тексте мандата от июля 1922 г. вся территория называлась «Сирия и Ливан», так что административное дробление не повлияло на осознание единства Сирии [4]); алавиты, несмотря на поддержку позиций Ливана в силу нежелания

участвовать в профранцузской политической и экономической модели Сирии, не имели большого влияния, а позиция друзов не была политически чёткой и постоянно менялась, что привело к восстанию, в литературе часто называемому революцией.

В 1924 г., после смерти османского чиновника-генерала, стоявшего во главе Алеппо, сирийские националисты одержали победу: французы согласились на воссоединение Алеппо с Дамаском, и с 1 декабря страна вновь была воссоединена, при этом в сирийское государство на правах автономии вошли Джабал ад-Друз и Александретта, в то время как Ливан и Алавитское государство не включались. В 1925 г. друзы заявили, что хотя автономия полностью соответствует их интересам и требованиям, во главе неё должен стоять не французский губернатор, а «сын горы» [11, с. 517], а поскольку на население давил экономический кризис — голод и безработица, возникшие из-за массовой миграции друзов с земель Ближнего Востока в Джабал ад-Друз, — друзы легко поднялись на восстание.

Поначалу бунт не имел определённого политического русла: одни просто выступали против французского руководства, другие требовали объединения с Дамаском, третьи, напротив, придерживались линии сепаратизма и утверждали, что потенциальное процветание Джабал ад-Друз кроется в полной независимости государства. Однако унионистское направление было поддержано националистической интеллигенцией как крупных сирийских центров (Дамаска и Алеппо), так и городов мусульманского Южного Ливана. В результате, восстание, длившееся до осени 1927 г., не затронуло лишь Северный Ливан, Александретту и Латакию. Если в первых двух случаях роль сыграл чистый сепаратизм, то алавиты, как и прежде, старались избежать вхождения в общесирийскую экономическую и политическую систему, хотя и не были националистами-сепаратистами [11, с. 205]. К тому времени Париж снабдил многих алавитских шейхов деньгами и землями, и хотя классическая сирийская плантация-латифундия в качестве основы хозяйства постепенно изничтожалась, местная элита предпочитала стоять во главе экономики своей страны, а не участвовать на равных с другими в крупной хозяйственной структуре [11, с. 521].

Переменчивая позиция друзов запутала ход революции: в начале французы прислушались к требованиям большей автономии и пообещали предоставить как широкий набор привилегий, так и собственную конституцию, однако в тот момент преимущества оказались на стороне унионистов. В ответ на уступки Парижа в направлении развития автономии, практически полной независимости от Дамаска, друзские шейхи запросили полного объединения Французской Сирии (включая Ливан), передачи Дамаску реального самоуправления и вывода с территории страны французских войск. Поскольку в дальнейшем дипломатия не помогла, и друзы продолжали насаждать с разнообразными требованиями, восстание окончилось лишь после налётов французской авиации, бомбившей поселения Джабал ад-Друз [12, с. 166].

Сирийская революция имела два последствия: развитие местного национализма-унионизма с одной стороны и укрепление позиций ливанского сепаратизма с другой. Ливан считал себя независимым с марта 1920 г., когда король Файсал сообщил о своём намерении в скором времени сформировать на христианской основе отдельную страну. Присоединение к французскому мандату воспринималось населением положительно, тем более что ливанская территория в текстах мандатов упоминалась отдельно от сирийской, но в ходе революции 1925—27 гг., когда встал вопрос об объединении с Дамаском, христианская верхушка перешла к активным действиям.

23 мая 1926 г. страна провозгласила саму себя Ливанской республикой. Политическая система республики была калькирована с французской, а после просьбы о помощи, направленной в Париж, при президенте-арабе сформировался кабинет министров-европейцев. Поскольку восстание укрепило общий дух национализма, в 1928 г. Ливан объявил о создании собственного правительства, состоявшего из премьер-министра, министров образования и здравоохранения [12, с. 201]. Тогда же сложилась политическая система, при которой президент избирался из сиро-православных христиан, премьер-министр из маронитов, а спикер парламента — из суннитов (в 1943 г. из-за нарушения демографического баланса система была изменена).

Впрочем, до 1936 г. самостоятельность республики была крайне ограниченной, поскольку президента из числа наиболее лояльных христиан избирали сами французы.

После отсоединения Ливана остались три образования — Государство Алавитов, Александретта и Джабал ад-Друз. Вместе с тем, список проблем французской администрации пополнился активизацией бедуинского населения в Шамийе (север и центр Сирийской пустыни) и населения заевфратских областей (ныне — провинция Камышли), курдов и христиан. Вопрос кочевого бедуинского фактора был решён в ближайшее время: Верховный комиссар образовал при себе Управление по делам бедуинов и начал проводить политику оседлости, внедряя среди пустынных племён образование. Также он постарался встроить бедуинов в политическую систему, дав им представительство в организованном в Дамаске парламенте французского образца [12, с. 213].

К концу 20-х гг. на передний план вышел старый Александреттский вопрос, и по договору с Турцией французы согласились предоставить санджаку больше привилегий, чем любой другой территории [9, с. 40]. Следовательно, когда в 1930 г. администрация издала закон об уравнивании прав всех народов и конфессий, по образцу иракского, турецкие власти начали серию нападков, утверждая, что права населения Александретты были ущемлены. В рамках пропаганды в СМИ журналисты доходили до того, что даже турецкому языку на территории санджака в школах учат лишь черкесские и курдские старики, знающие только собственные говоры [9, с. 48]. К концу того же года французам пришлось выработать для каждого минигосударства свою конституцию и свой политический подход [12, с. 211], однако после событий 1935 г. нападки турецкой прессы возобновились с удвоенной силой.

В 1933 г. в Ираке умер король Файсал, а поскольку его сын не освоился в политическом поле, власть, несмотря на официальное снятие мандата, взяли в свои руки англичане. Результатом этого стал массовый исход курдского и ассирийского населения на территорию Сирии, и к 1935 г. оказался остро поставлен вопрос курдского национального самосознания, после чего

курды, друзы и алавиты практически одновременно потребовали предоставления новых полномочий их общинам и общинным центрам [12, с. 213].

Сепаратистские настроения к тому времени поддерживались абсолютным меньшинством, и такие требования не могли привести к выходу Латакии, Джабал ад-Друз и Заевфратья из состава Сирии, однако французское руководство, которое к тому времени окончательно перестало справляться с подмандатными территориями посредством лишь административных мер, жестоко подавило все выступления меньшинств. Реакцией на это стала новая волна турецкой пропаганды и требований правительства Анкары защитить права турецкого большинства населения — правда, статистика Парижа и Анкары рознилась. По данным Ататюрка, турки составляли 70 % населения санджака, по французской статистике лишь 39 % [9, с. 42], что давало Верховному комиссару право настаивать на защите интересов арабов как большинства.

В 1936 г. Париж обратил внимание на друзскую проблему и решил её, присоединив Джабал ад-Друз к Дамаску и лишив его всяческих прав на самоуправление — правда, три года спустя область вновь отпала и была возвращена лишь в ходе Второй Мировой войны (тогда же, в рамках выработки концепции единой независимой Сирии, была окончательно подчинена Латакия).

В 1937 г. французы переформатировали Сирию в три штата (Сирия, Ливан и Александреттский санджак), однако даже предоставление штатам больших полномочий не удовлетворило турок [9, с. 62], и они недвусмысленно намекнули на возможный союз с фашистской Италией. Поскольку война неизбежно приближалась, Турция рассматривалась французами как плацдарм для продвижения фашистов на Ближний Восток, что ставило подмандатную Сирию в тяжёлые условия. Годом спустя Париж согласился дать Александретте независимость и превратил санджак в марионеточное государство, республику Хатай [9, с. 112], — фактически, буферную зону между французскими и турецкими территориями. При этом, идеологией и политикой в Хатае заведовали турки, а военный контроль оставался за французами, и поскольку осуществлять управление было для

Парижа сложно, в 1939 г. Франция передала Хатай Турции, заручившись обещанием последней не выступать на стороне Италии в войне.

В 1940 г., после капитуляции Франции перед немецкими войсками, Ливан заявил о своём выходе из мандата, однако армия Шарля де Голля заняла и Бейрут, и Дамаск, и генерал осуществлял мандат до 1943 г. За это время он успел присоединить к Сирии Государство Алавитов и Джабал ад-Друз [11, с. 524], после чего подтвердил независимость Сирии и Ливана друг от друга и от Франции. Таким образом, в 1943 г. Сирия сложилась в современных границах — если не считать израильской оккупации Голанских высот.

Концепция Великой Сирии оказалась разбита — отчасти, из-за проявления сепаратизма среди самих арабов, отчасти из-за расхождения интересов Франции и Британии. Границы современного сирийского государства не охватывают и половины исторического региона — и не исключено, что современные тенденции, нынешний сепаратизм и нынешнее внешнее вмешательство, положат конец наследию единого культурного прошлого Леванта.

Источники и литература

Источники:

1. Библия. Чикаго: SGP, 1990.
2. Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб.: Азбука, 2012.
3. Павел Орозий. История против язычников. URL: <http://www.e-reading.me/book.php?book=143248> (дата обращения: 18.09.2014).
4. Французский мандат на Сирию и Ливан. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1075> (дата обращения: 16.09.2014).
5. As-Sulami. Kitab al-Jihad // A translation of extracts. URL: <http://www.arts.cornell.edu/prh3/447/texts/Sulami.html> (дата обращения: 18.09.2014).
6. Pliny. Natural history. V.2. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1961.
7. The Sykes — Picot Agreement. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Sykes%20%80%93Picot_Agreement (дата обращения: 18.09.2014).

8. William of Tyre. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*. URL: <http://thelatinlibrary.com/williamtyre.html> (дата обращения: 17.09.2014).

Литература:

9. Güçlü Y. *The Alexandretta question 1936—1939*. Helsinki: Yliopistopaino, 1994.
10. Hakim K. *The Origins of the Lebanese National Idea*. London, Los Angeles: The University of California Press, 2013.
11. Khoury P.S. *Syria and the French mandate. The politics of Arab nationalism, 1920-1945*. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 1987.
12. Longrigg S.H. *Syria and Lebanon under French mandate*. London: Oxford university press, 1958.
13. Moosa M. *The Maronites in history*. New Jersey: Gorgias Press, 2005.
14. Shorrock W.I. *French imperialism in the Middle-East. The failure of policy in Syria and Lebanon, 1900—1914*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1976.

Заводиленко А.В.

**Современный китайский школьный учебник:
трактовки древнейшего периода истории Китая
(до II тыс. до н. э.)**

Аннотация

В статье рассматриваются способы изложения и трактовки событий древнейшего периода истории Китая (от формирования человека современного типа до становления первых крупных государств) в школьном учебнике, изданном в КНР. Автор показывает, что главной из политических задач учебника является внедрение в сознание подрастающего поколения идеи исторического и культурного первенства Китая в мире.

Ключевые слова: *древняя история Китая, школьный учебник истории КНР.*

В системе образования любого государства школьные учебники национальной истории призваны заложить в сознание обучаемых такое ее видение, которое считается желательным в данном государстве и обществе. Это тем более справедливо для такой страны, как Китай, где, во-первых, унифицированная идеология правящей партии является основанием государственной идеологии, а во-вторых, история всегда рассматривалась в контексте текущих политических нужд государства. Соответственно, изучение китайского школьного учебника истории даст возможность точнее определить не только особенности ныне востребованной парадигмы восприятия национальной истории, но и политические и идеологические потребности китайского государства, обуславливающие специфику этой парадигмы, а также перспективы эволюции общественного сознания в Китае.

В данной статье рассматривается изданный в КНР в 2006 г. учебник истории Китая для седьмого класса средней школы [1, с. 135]. В нем содержатся специфически организованные сведения по истории развития человека и общества на территории современного Китая за период от появления ранних гоминид до начала эпохи Троецарствия (220—265 гг. н. э.).

Архантропы, культурные герои и традиционная китайская историческая концепция

Изложение учебного материала начинается с вопроса: «Как зародилось человечество?». Ответ на этот вопрос задает стилистику последующего изложения — заисторизованным еще в древности китайским мифом следует рациональное объяснение исторического факта.

Так, после изложения мифа о том, как богиня Нюйва вылепила людей из глины, рассматриваются артефакты, которые позволили выделить самую раннюю археологическую культуру Китая. Она была обнаружена на территории современной пров. Юньнань. Там китайские ученые нашли зубы и кости человекообразных существ, несколько грубых каменных орудий, большое количество древесного угля, что расценено как свидетельство умения пользоваться огнем. «Юньнанские люди» жили примерно 1,7 млн лет назад [1, с. 2].

По утверждениям авторов, на территории Китая обнаружено самое большое количество стоянок древнего человека по сравнению с другими странами мира.

Первой такой находкой стали обнаруженные в 1929 г. к юго-западу от Пекина, в пещере Чжоукоудянь, останки «пекинского человека», в западной литературе известного как синантроп. В учебнике отмечается, что «пекинские люди», жившие 200—700 тыс. лет назад, изготавливали и использовали орудия труда, умели пользоваться огнем, сохраняя его после природных пожаров; в их коллективах, уверяют авторы, существовало разделение трудовых обязанностей [1, с. 3]. Учебник сообщает также о «шаньдиндунском человеке», схожим с современными людьми; он проживал в регионе обитания «пекинского человека»

примерно 30 тыс. лет назад. Кости представителей этой популяции были найдены в пещере Лунгушань. по внешнему виду «шаньдиндунский человек» был схож с современным. Он пользовался изготовленными из камня шлифованными орудиями труда. Составители учебника не применяют термин «человек разумный», но подчеркивают, что «шаньдиндунский человек» умел добывать огонь, занимался собирательством, охотой и рыболовством; по мнению составителей (доказательствами, впрочем, не подкрепленному), насельники этой стоянки занимались товарообменом с первобытными людьми других поселений.

Информация о следующем этапе развития китайской культуры снова предваряется мифом: о культурных героях — «первопредках» (или «государях») *ди*, учителях человечества. В соответствие с мифом, основатель китайской цивилизации Фуси научил народ готовить еду, вязать сети, ловить рыбу, Шэньнун (Божественный Земледелец) — сеять «пять злаков» (основные виды продовольственных культур).

Историческая интерпретация включается в канву повествования, начиная с сообщения о «государях» Яньди и Хуанди. Древний миф о битве Хуанди и меднотелого великана Чию объясняется как отражение межплеменных войн. С тех пор, по версии авторов учебника, народы, которые возглавляли Хуанди и Яньди, образовали племенной союз, который дал начало сложившейся впоследствии этнической группе *хуася* — предкам современных китайцев. С именем Хуанди предание связывает целый ряд культурных изобретений, в том числе тех, которые, по другим мифам, принадлежали его предшественникам или «государям», жившим после него: строительство, ткачество, рытье колодцев, создание повозок и т.п. [1, с. 13]; его жене Лэй Цзу приписывается изобретение шелководства, его сановнику Цан Э — письменности, а другому приближенному — Лин Луну — составление пентатонического нотного ряда [1, с. 14].

Доказательствами того, что древний миф отражал действительные события, создатели учебника считают такие археологические находки, как коконы и шелковые ткани четырех-пяти-тысячелетней давности, а также пиктограммы на коже и

керамической посуде — реалии, спроецированные на миф об «иероглифических знаках ЦанЦзе».

Следующий этап мифа, отражающего древнейшую историю Китая, создатели учебника связывают с именами пришедших на смену Хуанди государей Яо, Шуня и Юя. Они пользовались любовью народа, отличались благородством, скромностью и щедростью. Подавая пример скромности и требовательности к себе, они жили в простых домах, носили одежду из мешковины, ели суп из риса с дикими овощами, использовали примитивную керамическую посуду, при этом заботясь о благополучии народа [1, с. 14]. Подчеркивается соответствие древнего мифа научным данным об организации управления племенными союзами. В частности, их вождями могли становиться люди, не связанные родственными узами с предыдущим вождем, добровольно уступавшим свой пост преемнику. Так, в мифе состарившийся Яо, посоветовавшись со старейшинами, избрал наследником Шуня, а последний таким же образом выбрал Юя, отличившегося в борьбе с постигшим Поднебесную наводнением [1, с. 15]. В учебнике утверждается, что Юй стал вождем племенного объединения, и как исторический факт приводится версия древней и средневековой китайской историографии, согласно которой за 2070 лет до н. э. он основал династию Ся — первую, по версии авторов учебника, правящую династию в истории Китая [1, с. 15].

Подчеркивание «историчности» китайского мифа оставляет многие его существенные детали за рамками изложения (например, особенности облика «первопредков» — их зооантропоморфность, и т.п.) [6, с. 158]. Возможно, потому, что излишние мифологические детали могут поставить под сомнение в глазах школьников статус национального мифа как исторического источника. То обстоятельство, изложение истории Китая начинается с рассказа об очагах сапиентации на территории страны, по-видимому, должно подчеркнуть два важных для создателей учебника положения — об автохтонном характере ранних культур в Китае, начиная с палеолита, и о подтверждении излагаемых в учебнике концепций строгими научными фактами. При этом концепция становления китайской государственности

в III тыс. до н. э. соединяет эвгемеризованный миф с современностью, укладывая его в русло нынешней исторической доктрины. Последняя требует максимального «удревнения» китайской государственности и внедрения идеи о его беспрецедентной древности в сознание населения. Кроме того, данная концепция предполагает, что первые государственные образования на территории страны были созданы непосредственными предками современных китайцев (ханьцев).

Неолитические культуры в Китае

При описании неолитических культур акцент в учебнике вновь ставится на историческом первенстве Китая, теперь в области земледелия: подчеркивается, что он является страной, в которой впервые появилось рисоводство. Это подтверждается археологическими находками на неолитической стоянке Хэмуду (около V тыс. до н. э.) в южной части бассейна Хуанхэ. Жители этого поселения уже использовали орудия из шлифованного камня и кости для возделывания земли, здесь были обнаружены в большом количестве остатки рисовых стеблей и необрушенного риса. В Хэмуду, утверждает учебник, рис начали выращивать на три-пять тысячелетий раньше, чем где бы то ни был. Свайные деревянные хижины Хэмуду, вообще-то обычные для жителей влажных районов Китая и Юго-Восточной Азии, объявляются значительным вкладом в историю строительных технологий [1, с. 15].

Другая описанная в учебнике неолитическая культура — культура Баньпо (на территории совр. пров. Шаньси) — существовала примерно пять-шесть тыс. лет назад. Основной продовольственной культурой там было просо. Это обстоятельство также является для составителей учебника поводом для гордости — в Китае возделывают самое большое число разновидностей проса в мире [1, с. 8]. Здесь были найдены сохранившиеся семена капусты и горчицы, что, по мнению авторов, доказывает историческое первенство Китая и в овощеводстве.

Третья неолитическая археологическая культура, с которой составители учебника знакомят школьников — Давэнькоу —

существовала четыре-пять тыс. лет назад в пров. Шаньдун. Здесь применялись шлифованные каменные орудия труда, в том числе сельскохозяйственные, но ремесло достигло более высокого уровня, чем в описанных выше культурах (в частности, изготавливалась тонкостенная керамика с помощью гончарного круга). Авторы отмечают признаки социального расслоения в ту эпоху: в одних захоронениях найдены только останки умерших, другие содержат многочисленные нефритовые изделия и даже скелеты принесенных в жертву рабов или военнопленных [1, с. 10].

Примечательно, что, демонстрируя многообразие культур неолита на территории современного Китая и прогресс в развитии ремесел и социального устройства от более ранних культур к более поздним, составители учебника ничего не говорят об их этнических корнях, и школьнику, читающему этот учебник, должно представляться, что все описанные культуры принадлежали предкам современных китайцев. Между тем, современные исследования доказывают, что не все неолитические культуры, существовавшие на территории Китая, принадлежали народам сино-тибетской группы.

Так, российские синологи Д.В. Деопик и М.Ю. Ульянов показывают их принадлежность народам, относившимся к разным этно-языковым группам [3]. Они реконструируют процесс этнического развития региона Восточной Азии в III — первой половине II тыс. до н. э., основываясь как на анализе археологического материала, так и на данных лингвистики. Они отмечают, что, «согласно лингвистическим представлениям, исконное население Восточной Азии говорило на языках древней австрической языковой семьи, точнее, гипотетической макросемьи языков. В VI тыс. до н. э. в регион приходят предки сино-тибетцев и оседают в бассейне Верхней Хуанхэ, откуда постепенно проникают на Среднюю Хуанхэ и Верхнюю Янцзы, а позже — на юг Древнего Приморья» [4, с. 38]. До прихода сино-тибетцавустрические народы были разделены на «крупные этнические группы: на юго-востоке Восточной Азии (Нижняя Янцзы) — аустроазиаты (видимо, предки вьетов); на востоке — аустроазиаты и предки аустронезийцев; на юге (Средняя

Янцзы) — предки хмонг-миенов; на дальнем юге (Верхний и Нижний Сицзян) — предки пара-тайских народов. Исконное население Верхней Янцзы (вероятно, как и Среднего Меконга) — аустерическое (предки мон-кхмеров), и только к I тыс. до н. э. первая зона заселяется отделившимися от сино-тибетцев тибето-бирманцами (царства Ба и Шу)» [3, с. 12]. Соответственно, рисоводческая культура Хэмуду, достижениями которой так гордятся составители китайского учебника, скорее всего, не принадлежала народу сино-тибетской группы, т.е. не участвовала непосредственно в создании протокитайской этнической общности, о чем в учебнике умалчивается.

В целом освещение «доисторического» периода развития цивилизации Китая в рассматриваемом школьном учебнике, подчинено двум главным задачам: убедить учащихся в беспрецедентной древности китайской цивилизации, ее историческом первенстве в целом ряде областей культуры, а также, найти опору традиционным представлениям об истории, основанной на эвгемеризованном мифе, в современных общественных науках и археологии.

Особенно отчетливо тенденция к историзации мифа проявляется в способах решения современным китайским государством и официальной наукой проблемы становления китайской государственности.

Вопрос об историчности «династии Ся» и проект «Центра изучения цивилизации»

В 1996 г. в КНР на государственном уровне была инициирована серия широкомасштабных исследований, получившая название «Проект хронологии [династий] Ся — Шан — Чжоу». Целью проекта было уточнение датировок и периодизаций истории Китая для широкой общественности и научного общества, начиная с «первой династии» [7, с. 124]. Целью проекта было заведомое удревнение «исторического» этапа развития китайского общества и государства. В 1999 г. в Пекинском университете на факультете археологии был создан «Центр изучения цивилизации», который разработал исследовательскую программу, состоящую из 11 тем. Данная программа должна

была проводить «дальнейшее изучение поселений городского типа культур позднего неолита типа Луншань, неолитических поселений в южной части пров. Шаньси и на севере пров. Хэнань» [7, с. 124].

Особенность этих проектов в том, что в процессе их реализации исследователи использовали традиционную китайскую историографическую модель. Например, как пишет Н.П. Мартыненко, «в исторический контекст вводится эпоха «Пяти первопредков» (*У ди*), именуемых в западной науке «культурными героями»» [7, с. 124]. Этой мифологической эпохе посвящен начальный раздел первого в Китае исторического свода «Ши цзи» («Исторические записки», II—I в. до н. э.), ставшего классическим. Далее в «Ши цзи» описано правление «династии Ся».

В 2000 г. были представлены результаты реализации проекта. Началом эпохи Ся предложено считать 2070 г. до н. э., временем прихода к власти династии Шан — 1600 г. до н. э., началом правления шанского Пань Гэна, т.е. «иньского периода», когда столица была перенесена в г. Инь — 1300 г. до н. э., а годом воцарения династии Чжоу — 1046 г. до н. э. Помимо этого, точную датировку получили периоды правления государей эпохи Западной Чжоу (XI — VII вв. до н. э.) и была определена четкая хронология династии Шан [7, с. 124].

Таким образом, под переосмысленную в духе современной политики историографическую традицию была подведена научная база.

Аргументация китайских историков, отыскивающих научные подтверждения свидетельствам традиционной историографии, находит своих сторонников и за пределами Китая. Так, Н.П. Мартыненко, соглашаясь с официальной концепцией истории Китая, пишет, что эвгемеризация (историзация) мифа в традиционной китайской историографии способствовала тому, что в «общекультурном сознании китайцев древние мифы и легенды давно переплелись с реальной историей событий» [7, с. 126]. Об этой черте китайского исторического сознания свидетельствуют старательно обновляемые из поколения в поколение храмы и гробницы, в которых, согласно преданиям, покоятся останки героев древности, например, усыпальницы

легендарного Хуан-ди (Желтого Императора) и мифического основателя династии Ся — Юя.

В учебнике прямо декларируется, что создание династии Ся, якобы управлявшей центральной частью западного региона современной пров. Хэнань и югом пров. Шаньси, «означает рождение нашей страны» [1, с. 21]. Легендарные свидетельства о том, что Юй устроил столицу в городе Ян, где были возведены крепость, царский дворец и здания государственных учреждений, проецируются на открытие археологами остатков древнего города у населенного пункта Эрлитоу (пров. Хэнань). Составители учебника уверенно утверждают, что в государстве Ся господствовал рабовладельческий строй, а рабы трудились в государственных мастерских.

Падение династии Ся китайский учебник объясняет ее одряхлением в тот период, когда в низовьях Хуанхэ постепенно набирало могущество государство Шан. Миф рисует последнего правителя Ся — Цзе — жестоким деспотом и тираном, погрязшим в грубых удовольствиях и притеснявшим подданных [1, с. 21]. Шанский Тан победил Цзе, предварительно вступив в союз с мелкими государствами — так около 1600 г. до н. э. утвердилась династия Шан.

Между тем российские синологи не разделяют уверенности китайских историков в существовании в III тыс. до н. э. в бассейне Хуанхэ крупных централизованных государственных образований и сомневаются в историчности династии Ся. Так, М.Е. Кравцова считает, что древнейшим крупным государственным образованием на территории Китая была династия Шан-Инь. О возможности существования династии Ся она пишет так: «Одни ученые склонны считать эту династию легендарной. Другие, напротив, доказывают достоверность письменных сведений о ней, содержащихся в последующих памятниках, и предпринимают активные попытки идентификации этой династии путем ее отождествления либо с культурой Луншань, либо с тем или иным из региональных комплексов, установленных для XIX—XVIII вв. до н. э. в бассейне р. Хуанхэ» [6, с. 46]. Л.С. Васильев уверен в мифологичности «династии Ся», которая не упоминается в шанских письменных памятниках [2, с. 144].

Между тем, создатели школьного учебника истории Китая пытаются убедить учащихся, что древнейшее государство на территории Китая созданы непосредственными предками китайцев (*хуася*) в среднем течении Хуанхэ. Тем самым государство и общество *хуася* фактически объявляются наиболее развитым очагом культуры и главным источником культурных достижений на территории Китая, распространявшим свое цивилизующее влияние на другие народы региона. Так в сознание подрастающего поколения китайцев внедряется идея «китайской нации» (*чжунхуаминаьцзу*), «стволом» которой является ханьская нация (этнические китайцы), а «ветвями» — другие народы страны.

Вопрос о происхождении государства и культурных взаимовлияниях на территории Китая

Китайский школьный учебник не прослеживает никаких культурных взаимовлияний на территории Китая. Для создателей этого пособия существует преимущество культур и государств исключительно на Великой равнине.

Однако российские синологи считают, что культура *хуася* на разных этапах подвергалась сильному влиянию культур других этноязыковых групп.

Так, О.Е. Непомнин и Н.А. Иванов в книге «Типология азиатских обществ», описывая китайскую модель общественного и культурного развития, делают акцент на том, что главным в процессе расселения, переселения и ассимиляции этносов в Китае «было взаимодействие китайской (ханьской) нации с другими народами. На первой стадии этого взаимодействия существовала некая статика и баланс двух сил. Одной из них были протоханьцы и ханьцы эпох Шан-Инь и Чжоу, второй — «варвары» [8, с. 216].

Д.В. Деопик и М.Ю. Ульянов, основываясь на данных археологии последних лет, признают существование на территории Китая государственных образований уже в III тыс. до н. э. Однако древнейшими из них они считают не те государства, что создавали *хуася*, а номовые государства австралонезийских народов на юго-востоке Китая, в нижнем течении Янцзы (например, «царство Мо» на территории совр. пров. Чжэцзян). Более того,

основываясь на сравнении ритуальных изображений, орнаментов и древнейших форм письменности, эти исследователи утверждают, что важнейшие религиозно-культурные представления и сакрально-обрядовые мотивы распространялись на районы расселения *хуася* с Юго-Востока, прежде всего благодаря контактам социальных элит [3, с. 18—27]. Д.В. Деопик и М.Ю. Ульянов не отрицают того факта, что приход предков сино-тибетцев в бассейн Верхней Хуанхэ оказал влияние на австралонезийские народы, тем более что лингвисты выявили «взаимные заимствования в языках австралонезийцев и сино-тибетцев» [3, с. 33—39]. Названные синологи считают, что «двуединый» Регион, а позднее и «двуединая империя» не сложились бы без историко-культурного сближения двух этнических групп, и, тем не менее, на этапе становления государственности и общекультурных представлений *хуася* преобладающее влияние на них оказывали, прежде всего, более ранние государственные образования австралонезийских народов. Л.С. Васильев отмечает, что, по крайней мере, колесницы и лошади были привнесены в Китай извне, уже поэтому нельзя говорить об автохтонном развитии древнего Китая [2, с. 145].

Указывая на несостоятельность узкого китаецентризма (столь ярко проявляющегося в рассматриваемом нами школьном учебнике), М.Е. Кравцова пишет, что хотя главенствующее положение на протяжении «исторического» периода в Китае занимали непосредственные предки ханьцев и сами ханьцы, сводить историю китайской культуры, общества и государства исключительно к истории этого этноса — значит отрицать существование «общечеловеческих историко-культурных универсалий», а это «приводит к утверждению о возможности познания и понимания культуры Китая исключительно исходя из нее самой и вне каких-либо типологий или аналогий с историко-культурными традициями других народов мира» [3, с. 12].

Выводы

В рассматриваемом школьном учебнике истории Китая способы изложения, акценты в отборе и подаче материалы свиде-

тельствуют о том, что перед создателями данного пособия стояли некие политические задачи, поставленные властями КНР. Главной из таких задач является внедрение в сознание подрастающего поколения идеи исторического культурного первенства Китая в мире и на этой основе — органичное соединение в умах учащихся традиционной имперской концепции китайской истории с современным пиететом к данным науки.

Создатели рассматриваемого учебника, начиная историю страны с рассказа об архантропах на ее территории и об очагах сапиентации, фактически калькируют древнюю традицию, согласно которой зарождение человеческой культуры с самых ее истоков происходило в Поднебесной, т.е. в Китае, благодаря древним культурным героям. При этом данные палеоантропологии перемежаются с изложением содержания древних мифов, которым дается марксистская социально-историческая интерпретация.

Авторы учебника подчеркивают автохтонность развития китайской культуры, убеждают учащихся в том, что государственность в Китае зародилась в бассейне Средней Хуанхэ. Они подчеркивают преемственность государственности Ся (XXI—XVII вв. до н. э.), Шан-Инь (XVII—XI вв. до н. э.) и Чжоу (XI—III вв. до н. э.), чтобы убедить подрастающее поколение в историческом первенстве китайской культуры в Восточной Азии и «удревнить» историю китайской государственности. При этом полностью игнорируется тема влияния на культуру и государственность ханьцевинных этно-языковых групп.

Следует отметить, что те же политико-идеологические задачи, которые стоят перед авторами учебника, выполняют и инициированные государством научные проекты, такие как «Проект хронологии [династий] Ся — Шан — Чжоу» и другие, формально призванные уточнить хронологию древней истории Китая на основе комплексных научных данных. Но фактически результаты таких проектов должны закрепить в сознании нации основные контуры традиционной концепции национальной истории, исходящие из идеи исключительности и исторического первенства китайской цивилизации, подкрепить положения этой концепции авторитетом современной науки.

Источники и литература

Источники:

На китайском языке

1. Чжунго лиши: Циняньцзи. — Шанцэ (История Китая: Учебное пособие для учащихся 7-го класса средней школы. — Ч. 1) / Под ред. Ван Хунчжи. — Пекин: Жэньминьцзяоюйчубаньшэ, 2006. — 135 с.

Литература:

На русском языке

2. Васильев Л.С. Древний Китай. В 3 т. Т. 1. Предыстория. Шан-Инь. Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Вост. лит., 1995. — 389 с.
3. Деоник Д.В., Ульянов М.Ю. Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X-I тыс. до н. э. // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLII. Ч. 1. — М.: ИВ РАН, 2012. — с. 39-62.
4. Деоник Д.В., Ульянов М.Ю. Исторические процессы в древней Восточной Азии в III — первой половине II тыс. до н. э.: складывание «двуединого» Региона // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLII. Ч. 3. — М.: ИВ РАН, 2012. — С. 7—39.
5. История Китая: Учебник / под ред. А.В. Меликсетова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. — 736 с.
6. Кравцова М.Е. История культуры Китая. — СПб.: Лань, 1999. — 416 с.
7. Мартыненко Н.П. Загадка «династии Ся» и символика сельскохозяйственного календарного цикла // Проблемы Дальнего Востока. — 2009. — № 6. — С. 124—136.
8. Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. — М.: Вост. лит., 2010. — 440 с.

Квитко Е. М.

Корейский полуостров во внешней политике Японии в IV—VII вв.

Аннотация

Статья посвящена внешней политике Корейского полуострова в период IV—VII вв. и формам взаимодействия Трёх корейских государств (Пэкче, Силла, Когурё) с Японией, в частности, рассматриваются влияние и распространение материковой культуры на культуру Японии, участие Японии в военных конфликтах с Корейским полуостровом и причины и итоги военных нападений Японии на территорию Корейского полуострова.

Ключевые слова: Пэкче, Силла, Когурё, Ямато, японо-корейские отношения, японо-корейский культурный обмен.

Введение

Говоря о японо-корейских отношениях, необходимо отметить то, что они являются предметом довольно живого интереса со стороны историков-востоковедов, и многие аспекты данного вопроса являются глубоко изученными.

Однако главной проблемой в работе над этой темой является фрагментарность её изучения и отсутствие комплексного подхода. Особое внимание традиционно уделяется наиболее известным событиям японо-корейских отношений — периоду японской оккупации Кореи 1910—1945 гг., а также периоду завоеваний Тоётоми Хидэёси в конце XVI в. Разумеется, это не единственные значимые события в истории развития этих государств, однако можно заметить, что основное внимание историков сконцентрировано на относительно позднем историческом периоде.

Тем не менее, истоки отношений между этими странами, несомненно, лежат в древности, и чтобы понять их особенности и причины, нужно обратиться к корням.

Период начала наиболее активного взаимодействия между Японией и Кореей — IV век, эпоха становления государственности и в Ямато, и в Трёх государствах Корейского полуострова. Наиболее плодотворное сотрудничество установилось между Ямато и корейским государством Пэкче, которое оказало существенное влияние на развитие государства на Японском архипелаге.

Влияние Пэкче, Силла, Когурё на культуру Японии в IV—VII вв.

Расположение Кореи по отношению к Японии определило её роль культурного «моста», соединяющего материк и Японские острова.

Прежде всего, распространение культуры происходит в связи с миграцией населения одного государства на территорию другого. Именно это и произошло с Ямато: уже с глубокой древности там появляются переселенцы из Кореи.

До середины VII века происходило активное заимствование племенами Японских островов культурных ценностей племен Корейского полуострова. Этот процесс начался ещё с периода развития на островах культуры дзёмон (13 000 до н. э. — 300 до н. э), когда между Японией и Кореей существовал сухопутный мост. Чуть позднее, в период яёй (300 (900) г. до н. э. — 250 (300) г. н. э.) происходит заимствование способов земледелия, керамического производства, знакомство с металлом.

С IV века заимствование Японскими островами культурных достижений Трёх корейских государств — Когурё, Пэкче и Силла — становится масштабнее. Теперь распространение материковой культуры происходит не только в западной и центральной частях островов, но и на восточной и северной территориях. Этот период характерен интенсивным ввозом железных орудий. Среди них были как оружие (наконечники стрел, мечи, латы, щиты), так и сельскохозяйственные приспособления и

орудия, используемые в строительстве (серпы, ножи, топоры, резцы, лопаты).

Главным экспортером железа был племенной союз Кая, находившийся на юге Корейского полуострова, который в японских летописях встречается под названием «Сунара», что переводится как «страна железа» [7, с. 112—122].

Одним из наиболее ярких примеров заимствованной материальной культуры являются древнеяпонские погребения в курганах, причем не только типы курганов, но и инвентарь, используемый при захоронениях. Практически все виды курганов, обнаруженных на территории Японских островов, встречаются на Корейском полуострове: круглые, квадратные курганы, сооружаемые в Когурё; каменные горизонтальные камеры, распространенные и в Когурё, и в Пэкче, и в Силла.

Единообразие погребального инвентаря наиболее ярко прослеживается между украшениями японских курганов и курганов Силла. Серьги, пряжки, короны, подвески, браслеты, лошадиная сбруя, бронзовые утюги, а также упоминаемые ранее мечи и наконечники стрел демонстрируют практически полное сходство, за исключением некоторых случаев использования японцами других материалов. К примеру, такие украшения, как короны или серьги, силасские мастера изготавливали из золота, тогда как материалом для найденных на Японском архипелаге изделий служили бронза и железо.

Роспись стен в погребальных камерах, для которой использовались краски шести цветов, а также глиняные скульптуры ханива, изображающие людей и животных также схожи с теми, что использовались в захоронениях Когурё. Ханива в виде людей изображались в характерной для северокорейских племён одежде: узкие рукава кафтана, расширяющиеся кверху и свободный покрой штанов, пояса и высокие сапоги из кожи, короткие доспехи из некрупных пластин, головные уборы, прически.

Значительное влияние оказали корейцы на распространение ткачества в Ямато. Из Пэкче был доставлен ткацкий станок, и началось развитие ремесленных объединений (или корпораций). Заимствовались и способы окраски ткани, а также основные типы узоров. Так, в 610 г. вместе с когурёским монахом

Донтё в Ямато попал новый способ окраски одежды, а также в том же году приехал монах Тамчжин, умевший изготавливать мельницы, работающие за счет силы падения воды. С того времени в Ямато начали использовать такие мельницы [1, с. 102].

Роль корейского влияния неоспорима и тогда, когда мы говорим о формировании представлений о науке в Японии. В V—VII происходит активное заимствование основ медицины, причем в этот период не китайская, а традиционная корейская школа медицины доминировала на Японских островах. Корея являлась источником медицинской литературы и лекарств. Корейские медики и врачи приезжали в Японию по приглашению японских правителей. В 414 г. в ответ на просьбу заболевшего императора Ингё из Силла прибыл врач по имени Ким Бу. Кроме того, в 458 г. приехал когурёский врач Ток Нэ, который осуществлял медицинскую практику и имел учеников, а в 686 г. — врач из Пэкче Ок Ин, который являлся лечащим врачом императора Тэмму (673—686 гг.) и был удостоен титула «короля врачей».

Разумеется, широким пластом культуры, заимствованной из Кореи, является буддизм. Распространение буддийской культуры началось в VI в. и государством, наиболее повлиявшим на этот процесс, было Пэкче. В «Нихон сёки» («Анналы Японии») встречаются упоминания о том, что в 552 г. король Пэкче Сонван преподнёс японскому правителю буддийские сутры, несколько стягов, зонтов и позолоченное бронзовое изваяние Будды [1, с. 53]. В 584 г. из Пэкче была привезена каменная статуя Будды Майтрейи (Мироку) [1, с. 77], позднее — Будды Авалокитешвары (яп. Кудара Каннон), которая сейчас находится в храме Хорюдзи. В настоящее время этот храм, расположенный в Киото, входит в число семи крупнейших храмов юга. Там находится ещё одна статуя Будды Майтрейи из красной сосны, которая, что примечательно, растет только в Корее, т.е. статуя была изготовлена, скорее всего, пэкческими мастерами.

Корейские мастера прибывали в Японию для обучения местных ремесленников, которые начали активно воспроизводить скульптурные образцы. Это положило начало разделению дворцовой и культовой архитектуры, так как до проникновения

буддизма в Ямато дворцовая и храмовая архитектура практически не имели различий.

Начинается строительство буддийских храмов в новом стиле, отличительной чертой которого была простота планировки. Для этого из Кореи отправлялись отряды зодчих, которые строили пагоды и храмы. Первый буддийский храм был построен мастерами из Пэкче в 586 г., а первая пагода — в 593 г [1, с. 90].

Древнейшим из сохранившихся храмов считается храм Хорюдзи в Нара, который является полным аналогом корейских буддийских храмов по принципу планировки и по образу внутреннего убранства храма: в стенописи, декоративном оформлении и узорах на черепице [7, с. 40]. Стенопись в Хорюдзи, выполненная монахом Тамчжином, считается положившей начало буддийской живописи в Японии.

В VII веке популярность буддизма стремительно растёт, а вместе с ней — и число буддийских храмов. Согласно летописи «Нихон сёки», в 624 г. на Японских островах насчитывалось более 46 храмов [1, с. 111]. Отличительной чертой их расположения было то, что все храмы находились в местах корейских поселений. Это свидетельствует о том, что корейские иммигранты принимали непосредственное участие в распространении буддизма в Ямато.

Первым храмом, построенным по приказу японского императора, был храм Кудара-но дайди («Великий храм Пэкче»), который является воплощением развития культуры Пэкче на Японских островах. Храм был построен в честь принца Сётокутайси (574—622 гг.), который содействовал распространению буддийской культуры.

Один из великолепнейших образцов буддийского зодчества — храм Тодайдзи («Великий храм Востока») превосходил в размерах даже дворец императора в Китае. Зачинателями его строительства были пэкческий монах Нан Бён, монах Гёки (при содействии которого в Ямато было построено 49 храмов), потомок пэкческого ученого Ван Ина, и японский император Сэйму (сер. IV века). В Тодайдзи находится шестнадцатиметровая статуя Будды Вайрочаны, отлитая из бронзы. Для этой работы в Ямато прибыли литейщики с Корейского полуострова, скульп-

торы, мастера по золоту и плотники. Строительством также руководили потомки пэкческих родов.

Период VI—VII веков характеризовался активным заимствованием китайского культурного наследия, и главным посредником в этом являлась именно Корея. Она стала «просветителем», своеобразным «мостом» в передаче информации на острова, оказывая, в свою очередь, влияние на этот процесс. Корейский полуостров был тем местом, где элементы различных культур перемешивались и затем, под влиянием этно-социальных особенностей самих корейцев, трансформировалась в нечто новое. Поэтому Ямато усваивало уже изменённые традиции.

Вклад корейских ученых и мастеров во все аспекты духовной жизни на Японском архипелаге сложно переоценить, и правители Ямато осознавали это. Именно поэтому потребность в расширении информационного канала с материка стала одним из основных мотивов военных походов Ямато на Корейский полуостров.

Участие Японии в военных конфликтах на территории Корейского полуострова

В период IV—VII веков, т.е. эпохи Трёх государств в Корее и, соответственно, режима Ямато на Японском архипелаге, возникает активное взаимодействие между этими государствами.

Политическая ситуация в Корее на тот момент характеризовалась борьбой Когурё, Пэкче и Силла между собой, а также постоянным давлением снаружи — со стороны Китая. В этих войнах и политических интригах принимало участие и Ямато. Отдельные крупные кланы, а затем и правители Ямато начинают вмешательство в жизнь Кореи, оказывая свое влияние на политическую расстановку сил. Эти взаимодействия принимали разные формы — как мирные (обмен и торговля) так и военные (сбор дани и военные экспедиции).

Наиболее прочные связи у Ямато установились с южной частью Кореи, а именно с небольшим полунезависимым владением Имна (яп. Мимана), которое было подвластной территорией Ямато, а также одним из трёх главных корейских государств —

Пэкче (яп. Кудара), служившим главным каналом для передачи информации с материка.

Пэкче, будучи не самым сильным государством на территории Корейского полуострова, остро нуждалось в поддержке извне, и Ямато стало его главной опорой в борьбе с Силла и Когурё. Уже в 369 г. в ответ на просьбу вана Пэкче были отправлены японские войска [2, с. 59]. Чтобы сдерживать натиск Силла, военные отряды заняли бассейн реки Нактонган на востоке, а на западе дошли до южных границ Пэкче, захватив территории от реки Сёмчин до реки Кымган. Эта территория находилась во владениях корейского племенного союза Кая, который не мог противостоять Ямато. Таким образом, японцы захватили этот район, не занятый ни Пэкче, ни Силла, и создали княжество Мимана (Имна). На всей его территории были созданы миякэ, а руководство осуществлялось за счёт японского управления (Нихон-фу) [3, с. 15]. В каждом районе был назначен начальник, которому подчинялись чиновники, отправленные в каждую общину.

Но положение Имны было нестабильным: политическое и экономическое значение этой территории превратило её в желанный объект для завоевания. На какое-то время, японцам удалось сохранить своё влияние в Имне и взимать дань, но уже в 400 г. войска Когурё потеснили японский гарнизон, предварительно разбив Пэкче в 396 г. В 415 г. пала столица Пэкче и был убит пэкческий ван, а принц Пэкче был вынужден скрываться на северо-западе Имны. В 513 г. шесть районов, расположенных на юго-западе Имны были захвачены Пэкче [1, с. 13]. Таким образом, вся западная часть владения была выведена из-под японского влияния, оставалась лишь небольшая территория на востоке. В первой половине VI века появился ещё один претендент на владение Имной — государство Силла, освободившееся от контроля Когурё. В 530 г. Силла захватила устье реки Нактонган, и японские войска были вытеснены окончательно [1, с. 23]. Впоследствии территория Имны была поделена между Пэкче и Силла, но, Ямато получало дань за Имну вплоть до 646 г [1, с. 148].

Иным путем развивались отношения Ямато с Пэкче. Находясь в ослабленном состоянии из-за межгосударственных

распрей, Пэкче нуждалось в помощи со стороны. В летописях неоднократно упоминается о посольствах из Пэкче с дарами и просьбами о помощи Ямато. В «Нихон сёки» часто упоминаются имена ванов Пэкче и их наследников, а также даты смерти и крупных событий. Кроме того, Ямато, по-видимому, считало Пэкче своим вассалом и взимало с него дань. Китайская летопись Сунь-Шу¹ даже указывает на то, что царь Ямато — предположительно, Юряку (457—479 гг.) — обращался к правителю Китая Шунь-ди с просьбой даровать ему титул правителя Пэкче [3, с. 14].

Позднее Ямато оказывало поддержку Пэкче в борьбе с возвысившейся Силлой и танским Китаем. Как сообщает летопись Самгук Саги², в 554 г. Ямато выслало тысячу воинов и сто коней для помощи Пэкче в битве с Силлой в Квансане в долине реки Кучон, в которой погиб ван Мённон [2, с. 706].

Конец попыткам Пэкче восстановиться положила битва при реке Пэккан в 663 г. [2, с. 741] В ней встретились объединившиеся войска танского Китая и Силлы против пэкческих войск и сил Ямато. Силласцы одержали победу, что привело к полному разгрому Пэкче, после чего японцы отказались от дальнейшего вмешательства в корейскую политику на данном этапе.

Основные причины военных нападений Японии на территорию Корейского полуострова в IV—VII вв.

Вероятнее всего, первостепенной целью, которую преследовало Ямато в своих походах, являлось завоевание богатств и земель, что было выгодно для царей Ямато, а также для вождей завоевательных экспедиций. К этому приводила и борьба среди кланов: естественно, что тот клан, который обладал большей военной мощью, а соответственно, был в состоянии успешно совершить завоевательный поход, имел большую силу.

В период контроля над Имной большинство японских походов в Корею организовывалось правителем Ямато, а также начальниками, руководившими управлениями Имны в Корее, и было направлено на сохранение господства на этой территории. Японцы присылали подкрепление в моменты, когда требовалось остановить попытки Силлы захватить эту область.

Процесс культурного заимствования зачастую происходил насильственным способом, и одним из главных результатов военных походов был захват населения в плен. Как уже было подробнее описано в главе о культурном заимствовании, японцы высоко ценили Корею как культурный «мост» и канал доступа к достижениям китайской цивилизации. Именно поэтому в случае отказа корейцев добровольно прислать мастеров или ученых в Ямато, японцы предпочитали путь нападения. Из походов они возвращались с пленными — корейскими учеными, владеющими китайской грамотой и искусствами. Кроме того, среди заложников были и ремесленники, которые способствовали ускорению хозяйственного развития Ямато.

Также, можно обнаружить ещё одну причину — государственный престиж. В летописях часто встречаются упоминания о том, что японцы считали территорию корейских государств исконно своей. В «Нихон сёки» упоминается эпизод, когда Опотомоно Опомурази Канамура решает передать 4 уезда Имны, запрошенные Пэкче, но жена останавливает его речью: «Когда государь Помуда находился во чреве матери, великие боги Суминоэ даровали ему золотые и серебряные страны, лежащие за морем³. Наши заморские владения были приобретены давно. И к тому есть основания. Если же отделить часть земли и отдать ее другим, это будет нарушением прежних границ. И как тогда можно избежать упреков в будущем в течение многих поколений?» [1, с. 12].

Кроме того, претензии правителя Ямато на трон корейских государств, явственно свидетельствуют о том, что он считал свою власть на их территории законной.

Любое из государств на одном из этапов своего существования доходит до критической точки, когда территориальному расселению приходит конец. И каждое государство решает этот вопрос по-своему. Для Японии эта проблема является наиболее острой в силу своего островного расположения. Тем не менее, на рассматриваемом мною этапе данный вопрос ещё не являлся критическим, поэтому характер завоеваний нельзя назвать масштабным. Японские походы в Корею были обусловлены многими факторами, среди которых не только стремление к за-

воеванию земель и богатств, но и желание самоутвердиться на политической арене, а также интенсивные попытки привнести в свою культуру достижения континентальной цивилизации. Корея расположена на пути к государству, от которого Япония находилась в вассальной зависимости — к Китаю, поэтому траектория движения Ямато не могла быть иной.

Заключение

Подводя итоги, нельзя не отметить, что взаимоотношения, сложившиеся между Ямато и государствами Корейского полуострова в IV-VII веках, весьма специфичны.

Можно проследить как влияние корейских переселенцев на политическую расстановку сил между кланами Сога и Мононобэ, так и роль, которую сыграло Ямато в войнах между Тремя государствами.

С одной стороны, очевидно плодотворное партнерство государств: частые обмены посольствами и дарами между правителями Ямато и Пэкче; активное культурное сотрудничество; помощь, оказываемая японцами Пэкче в борьбе с Силлой и танским Китаем. Однако это сопровождалось и агрессивными действиями со стороны Японских островов: захватническими экспедициями и военными походами в Корею, а также завоеванием одной из её территорий — Имны (Миманы) — на довольно продолжительный срок.

Взаимоотношения между Ямато и корейскими государствами в представленный период отличались переменчивостью и многообразием, и их характер в значительной мере повлиял на внутригосударственную жизнь обеих сторон.

Примечания:

¹Сунь-шу («История династии Сун», «Книга Сун») — летопись династии Лю Сун (420—479 гг.), написанная китайским политическим деятелем Шэнь Юэ, жившим в первой половине VI века. Сун Шу состоит из ста свитков, включающих в себя описания обычаев и традиций, биографии императоров, а также исторические трактаты.

²Самгук саги (Хроники трёх государств) — историческая хроника периода Трёх государств в Корее, написана в 1145 году под руководством придворного историка Ким Бусика. Летопись Самгук Саги включает в себя тома, посвященные Силле, Когурё и Пэкче, хронологические таблицы, описания традиций и обрядов, а также биографии правителей.

³Имеются в виду Когурё, Пэкче, Силла и Имна.

Источники и литература

Источники:

1. Нихон сёки — Анналы Японии — СПб.: Гиперион, 1997.
2. Ким Бусик. Самгук саги. — М.: Вост. лит., 2001.

Литература:

3. Конрад Н.И. Лекции по истории Японии. Древняя история (с древнейших времен до переворота Тайка, 645 г.) — М.: История, 1974.
4. Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Наука, 1988.
5. Воробьев М.В. Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир — М.: Наука, 1980.
6. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009.
7. Cheol S.K. (2000). Relations between Kaya and Wa in the third to fourth centuries AD. *Journal of East Asian Archeology* 2(3-4), 112-122.
8. Dora P. Crouch, June G. Johnson Traditions in Architecture: Africa, America, Asia and Oceania — Oxford University, 2001.
9. Hong Wontack Ancient Korea-Japan Relations: Dating the Formative Years of the Yamato Kingdom (366-405 CE) by the Samguk-sagi Records and Reinterpreting the Related Historical Facts — *The Open Area Studies Journal*, 2009, 2, 12-29.

Большова Е.В.

Особенности земельно-правового регулирования в государстве *Рицурё*: (VIII—XII вв.)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы земельно-правового регулирования государства рицурё: (японской монархии, сложившейся в VIII—XII вв. на основе актов писаного права): законодательное закрепление государственной собственности на землю; внедрение и функционирование надельной системы; трансформация земельных отношений в направлении развития частной земельной собственности вотчинного типа.

Ключевые слова: *эпоха рицурё; источники земельного права, государственная и частная земельная собственность, надельная система землепользования, частные феодальные владения (сё:эн).*

Главнейшей характеристикой эпохи *рицурё*: (VIII—XII вв.)— периода действия в Японии писаного права, основывавшегося на принципах китайской системы права династии Тан (618—907 гг.) — стало стремление к централизации страны, модификации административной системы, созданию единого правового пространства. При этом регламентация земельных отношений в *рицурё*: *кокка* («государстве, основанном на законах» [10], представлявшем собой политическую систему японского государства, сложившуюся в рассматриваемую эпоху) являлась одним из важнейших вопросов правового регулирования.

Источники земельного права *рицурё*:

Основы правового регулирования в сфере земельных отношений заложил не относящийся собственно к законодательству

рицурё:, но закрепивший базовые принципы политико-правовой реформы «Манифест Тайка» (646 г.), который, упразднив родовые земельные владения, фактически провозгласил верховную государственную собственность на землю (ст. I) и введение наделной системы (ст. III) [1]. Это обеспечивало возможность установления единого порядка землепользования и налогообложения, создания единой казны (т.е. формирования экономической базы при проведении политики централизации) [8, р. 3; 9, р. 30].

Важнейшим источником земельного права рассматриваемой эпохи (как с точки зрения иерархии нормативных правовых актов, так и в содержательном плане) стал законодательный свод «*Тайхо: рицурё:*» (вступил в силу в 702 г.), с 757 г. действовавший в редакции «*Ё:ро: рицурё:*» (составлен в 718 г.). Установлению режима земельных отношений в данном кодексе посвящен Закон IX «*Тайхо: Ё:ро: рё:*» — свода административного законодательства; земельно-правовые нормы содержатся также в его законах VIII и XVII.

Краткость формулировок и нечеткость норм кодекса вызвали необходимость текущего правотворчества, а также толкования права: эти процессы начались еще в первой половине эпохи Нара (710—794 гг.) и активизировались в эпоху Хэйан (794—1185 гг.).

Следующий вид источников земельного права *рицурё:* — акты текущего правотворчества (*кякусики и синсэй*). Показательно, что уже в период от составления до введения в действие «*Ё:ро рё:*» были приняты акты по типу *кякусики*, вносящие в него изменения, так что фактически свод, вступавший в силу, включал в себя ряд устаревших норм [5, с. 87].

Различия между *кяку* и *сики* состояло в том, что первые, изменяя и дополняя *рё:*, были общеобязательными для всех подданных японского императора (можно назвать их законодательными приложениями к *рё:*); вторые представляли собой форму ведомственного законодательства, определявшего правила работы чиновников органов управления (т.е. по сути являлись служебными инструкциями). *Кякусики* играли важную роль в регулировании земельных отношений: форму *кяку* имели, например, указы о запрете знати пахать целину (711 г.), о вечном владении поднятой целиной (743 г.), о запрете знати захваты-

вать целинные земли в собственность (784, 798, 801 гг.); *сики* очерчивали круг обязанностей чиновников *Мимбусё:* (Министерства народных дел) по управлению земельными участками.

Со второй половины X в. традицию *кяку* продолжили нормативные акты типа *синсэй* [5, с. 92], к которым относились, например, указы о разграничении государственных и вотчинных земель, об упорядочении вотчин (1045, 1055 гг.)

С течением времени роль законов в государстве *рицурё:* начала падать, а текущее нормотворчество, ориентированное на местную специфику и оперативно реагировавшее на изменения в жизни общества, заняло главенствующее положение.

В 834 г. был введен в действие наделенный той же силой, что и «*Тайхо: Ё:ро: рё:*» и *кякусики*, дополнявшие его, комментарий к законам *рё:* «*Рё:-но гигэ*» («Свод законов-*рё:* с официальными пояснениями») [5, 86]. Позже, уже по частной инициативе, было осуществлено еще одно толкование — «*Рё:-но сюгэ*» («Собрание комментариев к законам *рё:*»). Ценность комментариев законодательства состояла в том, что они формировали единый подход к толкованию правовых норм, и это существенно облегчало практику правоприменения.

Особенности земельно-правового регулирования *рицурё:* кокка

Организация земельных отношений на основе законодательства *рицурё:* (представлявшего собой, как уже упоминалось, право рецептированное), принципиальным началом которой являлась государственная собственность на землю, не соответствовала японской традиции и означала кардинальную перестройку всей земельной сферы.

С точки зрения характера землепользования (закрепленности земельных участков за различными категориями населения на определенных основаниях [6, 47]) действовавшие нормативные правовые акты позволяли выделить три типа земель — государственные, общественные и частные [7, р. 416].

К общественным землям (*коти*) относились леса, реки, горы, болота, пустоши, пастбища, находившиеся в совместном пользовании.

Государственные земли (*канти*) — в основном пахотные [7, 416], состоявшие из вошедших в государственный земельный фонд в ходе осуществления реформ Тайка бывших общинных, императорских и частных заливных полей. Именно из их числа происходило выделение подушных надделов(*ко:бундэн*) [6, 47].

Кроме подушных надделов, предоставлявшихся всему населению страны, за исключением лиц, не имевших права на землю (дети до пяти лет, монахи — ст. 3¹), предусматривалось наличие привилегированных надделов: ранговых (*идэн*)— ст. 4; должностных (*сикидэн*), предоставлявшихся на условиях несения государственной службы — ст. 5, 31—32; наградных (*ко:дэн*), т.е. надделов за заслуги — ст. 6; жалованных по особому указу императора (*сидэн*) — ст. 12. Землю получали и некоторые учреждения (например, почтовые станции — ст. 33). Нераспределенные государственные поля сдавались в аренду (ст. 11, 19).

В области Кинай(столичный район, включавший провинции Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзуми, Сэцу) существовал особый вид государственных земель — дворцовые поля, обрабатывавшиеся в порядке трудовой повинности (ст. 36). Получаемый с них урожай использовался для питания императорского двора[2, с. 252].

В соответствии с «Рё:-но гигэ»частными (*сити*) признавались ранговые, жалованные, подушные надделы и поднятая новь [2, с. 250]. Правовой режим этих земель не был одинаковым: если первые три категории выдавались в пользование, то последняя к середине VIII в. стала отдаваться в вечное владение, что, по сути, означало частнособственнический статус обработанной целины (хотя частной собственности на землю «Тайхо: Ё:ро: рё:» не предусматривал [3, с. 237]).

Аналогичный режим имели наградные надделы «за великие заслуги», получавшиеся на праве неограниченного наследования (ст. 6). К частным землям фактически относились усадебные и садовые участки: владельцы осуществляли в их отношении три основных правомочия собственника (владение, пользование, распоряжение) — однако с рядом особенностей. При ликвидации двора (в связи с эпидемиями, войнами и т.д. [2, с. 247]) садовый участок возвращался в казну (ст. 15); отчуждение

усадебных, садовых участков и аренда последних допускались лишь с санкции местных властей (ст. 17, 19). Но продажа амбаров с усадебного участка при наличии доказательств их принадлежности владельцу земли разрешения властей не требовала [2, с. 248], что говорит об особом правовом статусе земель в *рицурё: кокка* даже по отношению к иной недвижимости.

Несмотря на довольно детальную законодательную регламентацию земельных отношений, аграрную политику *рицурё: кокка* сложно назвать успешной. Внедрение надельной системы сталкивалось с трудностями. В центральных провинциях (т.е. в местностях, где этот процесс происходил наиболее последовательно) земли не хватало, и приходилось нарезать участки в соседних провинциях или лишать надделов отдельные категории населения. В некоторых местностях надделение не производилось (например, в провинциях Осуми и Сацума — до 730 г.), и крестьяне пахали целину; когда же дело дошло до надделения, они отказывались от превращения поднятой целины (не облагавшейся или облагавшейся налогами в малой степени) в надделы. Не выдерживались двойные ставки надделения землями под паром; местные чиновники захватывали лучшие земли и распределяли среди крестьян неплодородные, устанавливая на них налог, как на хорошие. Срок передела не выдерживался в ряде провинций по 45, 70 лет [4, с. 42; 3, с. 235—236].

Центральная власть предпринимала попытки наладить функционирование надельной системы. В условиях постоянной нехватки получаемых налоговых поступлений указами 711 и 713 г. подтверждался запрет самовольного захвата свободных земель, соответственно, знатью и буддийскими монастырями(поскольку доходы от их обработки в казну не поступали) [3, с. 235].

С целью разрешения «аграрного вопроса» в 715 г. был издан указ о поощрении разработки целинных земель; в 723 г. — о передаче поднятой нови в пожизненное владение лицам, освоившим ее с применением старых ирригационных систем, и «во владение на три поколения» лицам, создавшим новую ирригационную систему. В 743 г. эти установления заменил принцип «вечного частного владения освоенной целиной»

[6, с. 51—52; 9, р. 37]. Но, во-первых, это вело к фактическому узакониванию бессрочных прав на землю; во-вторых, в условиях применения в Японии подушной системы налогообложения увеличение надела не влекло роста налога и, соответственно, дохода казны. Таким образом, внедрявшаяся система землепользования работала нечетко, а меры по увеличению наделных земель, в итоге, способствовали росту земель частных.

Аристократия и чиновничество, осознававшие возможность получения поднятой нови в частное владение, использовали все пути для участия в распашке целины. Рост *сё:эн* (частных феодальных владений [5, с. 93; 9, р. 37]) — как светских, так и монастырских (несмотря на запрет передачи участков буддийским храмам и монастырям, количество храмовых земель уже в VIII в. сильно увеличилось за счет пожертвований частных лиц и пожалований от правительства) — был основной характеристикой экономики эпохи Хэйан [6, с. 76—77]. Меры центральной власти, направленные на пресечение расширения вотчинного землевладения (указы 784, 798, 801 гг. о запрете захвата пустошей) и попытки передела земель с целью наделения крестьянства (810, 828, 879, 902 гг.), с XI в. сменились мероприятиями по признанию и упорядочению вотчин (указы 1045, 1055, 1069, 1075 гг. и др.), а также разграничению государственных и частных земель [6, с. 79, 82, 84, 92—94; 11, с. 87]. Все *сё:эн*, права на которые подтверждались документально на 1045 г., признавались законными и получали иммунитет (налоговый и административный); остальные же ликвидировались с конфискацией земель в государственную собственность [11, с. 87]. Однако и этими способами поддержать аграрный строй, основывавшийся на законодательстве *рицурё*: было уже невозможно: к середине XII в. политика ограничения вотчинного землевладения фактически перестала проводиться, а указы об упорядочении *сё:эн* были заморожены [6, с. 96]. Таким образом, в X в. в Японии перестала существовать наделная система, а в XI—XII вв. указы об упорядочении вотчин и составленные в результате их реализации реестры *сё:эн*, юридически оформили систему феодального землевладения: законодательно определенная экономическая основа *рицурё*: *кокка* была полностью разрушена.

Подводя итоги, отметим, что изложенный материал позволяет выделить особенности земельно-правового регулирования в «государстве, основанном на законах», как формального, так и материального (содержательного) характера. К первой группе следует отнести:

— регламентацию земельных отношений на основе норм писаного права;

— издание актов текущего правотворчества, призванных вносить изменения/дополнения в земельное законодательство *рицурё*:, до вступления в силу второй редакции законодательного свода (так называемое «опережающее» подзаконное правовое регулирование);

— придание силы закона комментариям законодательства.

Во вторую группу особенностей включаются:

— реализация (в той или иной мере) на основе законодательных установлений принципов наделной системы землепользования, основанной на государственной земельной собственности — VIII—X вв. (схема «практика следует за правом»);

— юридическое закрепление фактически складывавшихся отношений в условиях развития частной собственности на землю — XI—XII вв. (схема «право следует за практикой»).

И, поскольку последняя тенденция развивалась вне (а точнее — вопреки) правовой идеологии *рицурё*:, возобладание этой тенденции означало закат «государства, основанного на законах».

Примечания:

¹ Здесь и далее приводятся нормы Закона IX «*Тайхо Ё:ро рё:*».

Источники и литература

Источники

1. Манифест Тайка // Законодательные акты средневековой Японии / пер. К.А. Попова. — М.: Наука, 1984. — 108 с. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/frametext.htm (дата обращения: 12.02.2013).

2. Свод законов «Тайхорё». 702—718 гг. I—XV законы / вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. — М.: Наука, 1985. — 368 с.

Литература:

На русском языке:

3. Воробьев М.В. Земельное законодательство Японии в VIII—X вв. (сравнительно-правовая характеристика) / Япония: экономика, политика, история. — М.: Наука, 1989. — 275 с.
4. Воробьев В.М. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. — М.: Наука, 1990. — 384 с.
5. Еремин В.Н. История правовой системы Японии. — М.: РОС-СПЭН, 2010. — 293 с.
6. Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье: VII — XII вв. Исторические очерки. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 208 с.

На английском языке:

7. Cambridge History of Japan. Vol.I / Ed. by J.W. Hall, M.V. Jansen. — Cambridge: CUP, 2008. — 577 p.
8. Ryosuke I. A History of Political Institutions in Japan. — Tokio, 1980. — 172 p.
9. Steenstrup C. A history of law in Japan until 1868. — Leiden, 1996. — 202 p.

На японском языке:

10. Дайдзирин (Толковый словарь японского языка). — URL: <http://www.weblio.jp/content/%E5%BE%8B%E4%BB%A4%E5%9B%BD%E5%AE%B6> (дата обращения: 24.04.2013).
11. Нихон хо:сэйси (История правовой системы Японии) / под ред. Асаго Хироси, Ито Такао, Нобухиро Уэда, Фумио Дзинбо. — Токио, 2010. — 458, 21с.

КУЛЬТУРА

Пасивкина С.А.

Роль топонимов в стихотворениях «Дневника шестнадцатой ночи» монахини Абуцу (1221?—1283)

Аннотация

Представленная статья освещает значение географических названий в средневековом путевом дневнике «Идзаёи никки» (十六夜日記, «Дневник шестнадцатой ночи», 1279—1283), написанном монахиней Абуцу (阿仏尼). Отправившись в путешествие, с целью разрешить судебное дело, японская писательница часто упоминала топонимы в слагаемых по пути стихотворениях. Таким образом, она не только указывала на то место, где физически находилась, но и давала выражение своим мыслям и чувствам через скрытый смысл устоявшихся топонимических образов.

Ключевые слова: *топоним, путевой дневник, монахиня Абуцу.*

Ориентирование в пространстве всегда было важным элементом в жизни японского человека. Каждому жителю островного государства безусловно необходимо было ощущать себя в конкретном пространстве. Это можно проследить при анализе многих литературных памятников. Для большого числа произведений, начиная с ранних стихотворений, собранных в древних поэтических антологиях, до средневековых дневников, описывающих путешествия по стране, свойственна характерная черта — указание определенного набора топонимов. Благодаря частому упоминанию в литературных памятниках со временем такие места становились общеизвестными. Для человека, отправившегося в путь по Японии, было чрезвычайно важно показать своё уважение к постепенно сложившейся традиции. Так распространилась целая система наиболее часто употребляемых и известных всем образованным людям топонимов, получивших название *мэйсё* (名所).

Наиболее ранним дошедшим до современности источником японской поэзии, в котором упоминаются топонимы, считается антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»; 万葉集, 759). Это собрание японских песен состоит из 20 книг-свитков, в которых содержится более 4500 стихотворений, написанных в период от конца IV до середины VIII века. По словам Н. И. Конрада, этот памятник следует рассматривать как «антологию национальной поэзии древней Японии» [6, с. 116], потому что это единственное собрание, для составления которого были отобраны как произведения знатного населения, так и песни, созданные простыми жителями японских островов, в результате чего состав и содержание антологии стали очень разнообразны. Важно отметить, что уже в «Манъёсю» можно выделить две книги, XIV и XVI, посвященные местным традициям восточных земель (*адзума-ута*) и описаниям центральной части острова Хонсю (*сакамори-но ута*) соответственно. Кроме того, упоминаются топонимы, которые впоследствии станут распространенными и известными как *мэйсё*: провинции Ивами, Исэ, Саруга, Сагами; дороги Адзума, Хаконэ; горы Асигара, Аусака, Такаси, Фудзи; бухты Вака, Таго, Наруми; реки Ясукава, Кикугава; и многие другие. По замечанию А.Н. Мещерякова, «складывается впечатление, что именно топоним является одним из основных элементов “несущей” конструкции поэтического произведения» [7]. Все эти географические обозначения при описании в «Манъёсю» (как в самих стихотворениях, так и в поясняющих комментариях) начали приобретать определенные образы-символы, которые стали развиваться в более поздних поэтических собраниях, что и является свидетельством зарождения такого понятия как *мэйсё*. Необходимо отметить, что влияние «Манъёсю» на последующую поэтическую и прозаическую традицию неопределимо: на основе этого сборника составлялись императорские антологии, а использованные образы нередко встречались в более поздних дневниках и эссе.

Среди памятников классической японской литературы, в которых часто упоминаются топонимы, также можно выделить собрание новелл «Исэ-моногатари» («Повесть из Исэ»; 伊勢物語, 922). Этот сборник представляет собой объединение 125 отрывков, которые могут показаться самостоятельными

историями, однако, по мнению Н.И. Конрада, возможно проследить и единую сюжетную линию, которая проходит через всю повесть: историю любви аристократа Аривару-но Нарихира [6, с. 210]. Все новеллы являют собой соединение прозаического вступления или комментария со стихотворением. Такое описание помогало поэту рассказать о причинах создания пятистишия. Так получает распространение новая тенденция: добавление к стихотворению *танка* вступления-комментария. Несмотря на то, что «Исэ-моногатари» определяют как прозаическое произведение, все стихотворения несут очень важную функцию, являясь своеобразным эмоциональным выражением прозаической части. По складывающейся традиции многие *танка* строятся вокруг определенного топонима, который несёт в себе главный образ всего стихотворения. Отрывки из «Исэ-моногатари» позднее входили в императорские поэтические антологии, и наряду с романом «Повесть о Гэндзи» часто цитировались.

В период Хэйан получает распространение новая практика составления поэтических антологий по приказу императора. В их состав стали входить стихотворения образованных аристократов. За всю историю было собрано более двадцати антологий, но наибольшей известностью пользуются две из них: «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен Японии»; 古今和歌集) и «Синкокинвакасю» («Новое собрание старых и новых песен»; 新古今和歌集).

Первая поэтическая антология «Кокинвакасю» была составлена по приказу императора Дайго (884, 897—930). Из её названия следует, что собирались *танка* разных периодов времени: так самое раннее стихотворение относится к VIII, а самое позднее — к X веку. Все *танка* (1100) разделены на 20 свитков-книг в соответствии с тематикой: времена года, любовь, разлука, и т.д. «Именно в эпоху “Кокинвакасю” окончательно закрепляется эстетическая основа японской поэзии, особое эстетическое мироощущение, которое в течение двенадцати веков будет доминировать в душе художника “высоких” жанров», — отмечает российский востоковед А.А. Долин в комментарии к своему переводу антологии [2, с. 17]. Считается, что именно после составления «Кокинвакасю» стихотворная форма *танка* стала доминирующей

в поэтическом искусстве. Как и в «Манъёсю», многие стихотворения строились на топонимах — при помощи игры слов в них часто скрывали основной смысл стихотворения.

Вторая по значимости придворная антология «Синкокин-вакасю» была составлена в начале XIII века знаменитым поэтом и культурным деятелем Фудзивара-но Садаиэ (Тэйка) (1162—1241). В антологию вошли 1979 стихотворений *танка* (всего 20 свитков), которые представляли лучшие произведения японских поэтов за пять столетий — с VIII по XII век. Приказ для её составления отдал император Готоба (1180, 1183—1198, 1239). Отличительной чертой «Синкокинвакасю» является более спокойное выражение чувств, любование природой и тонкое чувствование эфемерности человеческой жизни. Многие *танка* посвящены природе, а соответственно часто упоминаются и разные топонимы. Не только красота природы, но и полная гамма чувств автора воспроизводится благодаря употреблению того или иного названия местности. Техника и мастерство составления *танка* достигает своего наивысшего уровня. Глубокое смысловое содержание передается многочисленными способами, в том числе употреблением игры слов в названиях топонимов. По мнению И.А. Борониной, «многие топонимы напоминали о красотах природы той или иной местности, и эти ассоциации как бы дополняли и расширяли содержание поэтического произведения» [4, с. 21]. В это время, когда на смену очарованию вещи (*моно-но аварэ*), пришла скрытая красота (*ю:ээн*), особое значение приобрели изображение своих эмоций намеками, игрой слов, указаниями на образ, который вызывал определенный ассоциативный ряд (например, мокрые рукава говорили о бесконечной печали лирического героя и его автора). Для этого хорошо подходили многие топонимы, потому что в японском языке много омонимичных чтений. В рамки строгого канона (5-7-5-7-7 слогов построчно), придерживаться которого должен был каждый поэт, вкладывалось большое количество образов, символов, каждое из слов несло в себе скрытый смысл. Сложилась система методов и способов выражения чувств, одним из них и было использование топонимов.

Традицию упоминания *мэйсё* можно проследить в дневниках, посвященных путешествиям. Ярко эта тенденции видна на

примере «Дневника шестнадцатой ночи» монахини Абуцу, которая начала писать своё произведение в 1279 году, когда решила отправиться в военную столицу Камакура по вопросу судебной тяжбы со своим пасынком Фудзивара-но Тамэудзи (1222—1286). Абуцу была женой Фудзивара-но Тамэиэ (1198—1275) — наследника самого влиятельного на тот момент поэтического рода, бравшего своё начало от Фудзивара-но Сюдзэй (1114—1204) и его сына Фудзивара-но Садаиэ, составителя антологии «Синкокинвакасю». Поскольку Абуцу считала себя и своих детей основными претендентами на владение крупной земельной собственностью и большой библиотекой, собранной за века и содержащей великие произведения времени, она решила оспаривать наследство у старшего сына своего мужа.

«Дневник шестнадцатой ночи» считается путевым, потому что одно из названий, данных произведению уже после смерти автора, так и переводится — «Дорожные записи Абуцу» (阿仏紀行). Однако в действительности дневник трудно отнести к одному конкретному жанру, поскольку он состоит из 4 разных частей: вступления, в котором Абуцу обоснует свою поездку; описания самого путешествия из Хэйан в Камакура; переписки Абуцу с родственниками, друзьями и знакомыми во время её проживания в Камакура и *нагаута* (длинная песнь), представляющей из себя краткое изложение пережитых монахиней событий. Считается, что дневник был собран сыном Абуцу из разных материалов уже после её смерти.

В представленной статье особое внимание уделяется путевой части, описывающей путешествие монахини из города Хэйан в Камакура. Из императорской столицы Абуцу выехала на 16 день 10 луны 1279 года, поэтому произведение получило название «Дневник шестнадцатой ночи». Через две недели вместе со своими спутниками она прибыла в Камакура. По пути в 500 километров Абуцу прошла через многие места, известные своими образами по другим литературным памятникам. Большинство из них, начиная от Аусака на границе императорской столицы до горы Фудзи, имеют большое значение для японской традиции. Кроме того, можно выделить три роли, которыми обладают топонимы в поэзии Абуцу: во-первых, монахиня обращалась к

самому географическому месту; во-вторых, упоминание топонима было своеобразной отсылкой к великому памятнику древности; в-третьих, известные места обеспечивали автора разнообразными средствами для выражения своих чувств.

Значение первой роли прослеживается в каждом стихотворении путевой части. Абуцу писала *танка*, связывая его с впечатлением от определенного географического места или важного воспоминания. В первую очередь она описывала обстоятельства написания *танка*, свои мысли в прозаическом комментарии, а затем уже вводила к нему стихотворение, которое являлось стержнем каждого отрывка по подобию «Исэ-моногатари». Особый интерес представляют примеры стихотворений, в которых отображены вторая и третья роли.

Уже в первом стихотворении путевой части Абуцу упоминает место, которое со времен «Манъёсю» называлось Заставой Встреч. Отправляясь в путь, путешественники не были уверены в своем обратном возвращении, поэтому они как будто доверяли себя холму Аусака (あう — встретиться).

さだめなき	Хотя и не знаю,
^{いのち} 命はしらぬ	Как сложится судьба
^{たび} 旅なれど	В пути моём,
^{また} 又 ^{さか} あふ坂と	Уезжая, надеюсь
たのめてぞ行 [5]	Снова увидеть холм Встреч ¹

Уезжая, люди обращались к этому склону, считая его название своеобразным намёком: если это холм Встреч, то и я вернусь сюда снова. Этот образ находит отражение и в «Кокинвакасю», и в «Исэ-моногатари».

Река Фудзи, которую также упоминает монахиня, является важным топонимом лично для Абуцу.

^{わが} 我 ^き ことも	Если бы господину
君 ^{きみ} につかへん	Не служили
ためならで	Дети мои,
^{わた} 渡 ^ふ らましやは	Переправлялась бы я
せきの藤川 [5]	Через пограничную реку Фудзи?

Первым этот топоним использовал Фудзивара-но Садаиэ, отец мужа Абуцу в сборнике «Фудзикава хякюсю» (藤川百集, 1224) [8, р. 156]. После него Тамэиэ тоже написал *танка*, упоминая это место. Таким образом, аллюзия на более ранние стихотворения позволяет Абуцу утверждать свое право на поэтическое достояние дома Микохидари.

По пути Абуцу не могла не указать мосты Яцухаси, образ, впервые использованный в Исэ-моногатари [1, с. 46] — классическом произведении, которое часто цитировала монахиня:

さゝかへの	Как ножки
くもであやうき	Маленького краба,
^{やっはし} 八橋を	Опасные мосты Яцухаси.
^{ゆう} 夕ぐれかけて	Лишь когда наступил вечер,
^{わた} 渡りぬる哉 [5]	Смогли мы перейти

Местность представляла собой восемь небольших рек, через которые были перекинута мосты, что напоминало маленького японского краба сасакани. Однако это место вызывало ассоциации опасности во время разлива рек, поэтому в японской литературе со временем появился устойчивый эпитет (*макура-котоба*), обозначающий опасность, который и использовала Абуцу.

В своем дневнике Абуцу посвятила несколько *танка* и горе Фудзи:

^{たが} 誰かたに	Кто же
なびきはてゝか	Развеял тебя?
ふじのねの	Край дымки
^{けむり} 煙 ^{すえ} の末の	От пика Фудзи
みえずなる覧 [5]	Перестал виднеться вдаль
^{くち} 朽はてし	Захотят ли они
^{ながら} 長柄 ^{はし} の橋を	Перестроить и
つくらばや	Прогнивший мост Нагара,
ふじの煙 ^{けぶり} も	Если и дымка от Фудзи
たゝずなりなば [5]	Не возносится больше...

Гора Фудзи и мост Нагара отсылают читателя к известным отрывкам антологии «Кокинвакасю» [9, р. 333]. Мост Нагара был таким же сильным образом, как гора Фудзи. С древности они являлись двумя важными поэтическими символами. Мост Нагара был напоминанием о ветхости, непостоянстве этого бренного мира. Гора Фудзи во время написания «Кокинвакасю» еще была действующим вулканом, и когда в молодости Абуцу проезжала это место, она видела дымку, которая пропала теперь. Интересен тот факт, что упоминание Абуцу дымки от пика Фудзи является единственным доказательством ее авторства записок "Утатанэ-но ки", в которых описаны годы юности монахини.

Важную роль топонимы играли как способ выражения образа через омонимичные чтения иероглифов. В таком случае слова часто записывались *каной*, и поэтому могли быть поняты как в прямом, так и переносном значении. В следующем стихотворении содержится скрытое указание Абуцу на её неутолимую печаль:

いと <small>なほ</small> 猶	Ещё сильнее
袖 <small>そで</small> ぬらせとや	Намочу рукава:
宿 <small>やど</small> りけん	Решили на ночлег остаться там,
まなく <small>しぐれ</small> 時雨の	Где бесконечный дождь идет
もる山にしも [5]	В Морияма — Мокрой горе.

В название горы Морияма Абуцу привнесла смысл глагола *мору* (もる) — «протекать, сочиться». В японской поэзии дождь, капли, как и мокрые рукава, всегда ассоциировались со слезами, печалью лирического героя. Для Абуцу это чувство вызвано долгой разлукой с её детьми.

Интересный образ в стихах Абуцу получила бухта Наруми:

祈 <small>いの</small> るぞよ	Молю, чтобы
わが思 <small>おも</small> ふこと	То, о чем думаю, сбылось
鳴 <small>なるみ</small> 海がた	На побережье Наруми.
かたひく <small>しお</small> 汐も	Боги, в чьей власти и волны,
神 <small>かみ</small> のまに <small>まに</small> [5]	Будьте ко мне благосклонны

Постоянно думая о судебной тяжбе и желая её скорого разрешения в свою пользу, Абуцу использовала первую часть слова Наруми со смыслом глагола *нару* (成る) — «становиться».

Еще одним важным образом, который использовала Абуцу, является Путь Сикисима:

おのづから	О естественно
つたへし <small>あと</small> 跡も	Переданном нам наследии
有 <small>あり</small> ものを	И сложившейся ситуации,
神 <small>かみ</small> はしるらん	Наверное, знают божества
しき <small>しま</small> 嶋の道 [5]	И укажут мне путь к Поэзии

Слово Сикисима служило для обозначения государства Ямато, и со временем приобрело смысл японской поэзии — *вака* (和歌). Таким образом, путь Сикисима — это «дорога», по которой проходила поэтическая традиция Японии в своем развитии. И Абуцу берет на себя роль вслед за божествами провести по этой «дороге» наследие поэтического дома Микохидари.

Монахиня Абуцу — выдающаяся женщина своей эпохи. Для того, чтобы доказать свою принадлежность к великому поэтическому роду и получить право наследования на поместье Хосокава и, что более важно для нее, на большую библиотеку, которая собиралась на протяжении трёх поколений дома Микохидари, она не только возбудила судебную тяжбу, но и утвердила свое положение с помощью «Дневника шестнадцатой ночи». Во время написания путевой части этого дневника Абуцу часто обращалась к известным местам — *мэйсё*, которые стали инструментом для выражения трех важных идей монахини: указать на ту местность, где она проезжала, дать читателю отсылку на известный классический памятник японской литературы и передать свое поэтическое мастерство, скрывая в *танка* несколько разных значений.

Литературный памятник Абуцу важен для понимания значимости поэзии в Японии XIII века. «Дневник шестнадцатой ночи» дает представление о том, что стихотворная форма изложения мыслей оставалась важным инструментом диалога в японском обществе. Однако вследствие того что монахиня затронула темы, не свойственные женщинам той эпохи, её произ-

ведение долго не получало признания, хотя оно и явилось первым полноценным женским путевым дневником и последней влиятельной работой, написанной женщиной, на следующие несколько столетий.

Примечания:

¹ Стихотворения из «Дневника шестнадцатой ночи» даны в переводе автора статьи.

Источники и литература:

Источники:

1. Исэ-моногатари / пер. с яп., ст. и примеч. Н. И. Конрада. — М.: Наука, 1979.
2. Кокинвакаю: Собрание старых и новых песен Японии: в 3 т. / пер. со старояп. и предисл. А. Долина. — М.: А/О Издательство «Радуга», 1995.
3. Манъёсю («Собрание мириад листьев»): в 3 т. / пер. с яп., вступ. ст., коммент. и прилож. А. Е. Плускиной. — М.: Наука, 1971-1972.
4. Синкокинсю («Японская поэтическая антология XIII века»): в 2 т. / пер. с яп., предисл. и коммент. И. А. Бороной. — М.: Корал Клаб, 2000.
5. 阿佛. いさよひの日記. [Электронный ресурс]. URL: <http://www2s.biglobe.ne.jp/~Taiju/isayoi.htm> (дата обращения 26.11.2013).

Литература:

6. Конрад. Н. И. Японская литература: от «Кодзики» до Токутоми. — М.: Наука, 1974.
7. Мещеряков А.Н. Культурные функции японских топонимов, 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Meshcher.htm> (дата обращения 20.04.2014).
8. Laffin Ch. Rewriting medieval Japanese women: politics, personality, and literary production in the life of Nun Abutsu. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2013.
9. Reischauer Edwin O. The Izayoi Nikki (1277–1280) // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1947. — Vol. 10, No. 3/4.

Ячник М.М.

Автостереотип Южной Кореи в южнокорейской русскоязычной прессе 2000-х гг. (на основе анализа журнала «Koreana»)

Аннотация

В процессе межэтнического общения одну из главных ролей играют этнические стереотипы, и одним из инструментов формирования этих стереотипов являются средства массовой информации. В данной статье анализируется то, как Южная Корея репрезентует себя в экономической, политической и культурной сферах на страницах русскоязычной версии журнала «Koreana» — одного из главных южнокорейских печатных изданий, предназначенного для иностранной аудитории. Результатом проведенного исследования стало заключение о том, что в выбранном источнике Южная Корея представлена только в позитивном ключе: создается образ одной из ведущих стран мира, преодолевшей все исторические вызовы и достигшей экономического благополучия, но не забывшей о важности сохранения собственной уникальной традиционной культуры.

Ключевые слова: национальный автостереотип, самоидентификация Южной Кореи, российско-южнокорейские отношения, средства массовой информации.

Введение

Одним из факторов, влияющих на процесс межэтнического общения, является существование соответствующих стереотипов — специфических образов этносов. Стереотипы подготавливают их носителя к встрече с объектом представления, помогают осуществлять реагирование на действия противоположной стороны.

В современном мире страны могут влиять на формирование собственного образа у представителей иноэтничной общности. СМИ — один из инструментов трансляции желаемого образа своей страны с целью создания благоприятного климата для развития сотрудничества: то, какой образ страны транслируется в фильмах, сериалах, музыке и печати, целевой аудиторией которых являются жители других стран, играет одну из решающих ролей в формировании стереотипа данной страны в иностранном сообществе.

Одним из примеров описанных процессов является современное состояние российско-южнокорейских отношений. Россия является выгодным партнером для Южной Кореи; российская аудитория испытывает на себе нарастающее влияние «халлю» (корейской волны), растет экономическое и политическое сотрудничество стран: на территории РФ открываются филиалы южнокорейских фирм, подписано соглашение о безвизовом режиме. Более того, для Южной Кореи отношения с Россией важны и потому, что на ее территории проживает большое количество этнических корейцев. В силу перечисленных факторов для южных корейцев важно сформировать привлекательный образ своей страны у русскоязычной аудитории. Одним из средств достижения данной цели является распространение своих печатных изданий в России. Образ страны, транслируемый с их помощью, является автостереотипом Южной Кореи — представлением этноса о самом себе.

Автостереотип — часть общего процесса самоидентификации нации. Вопрос же национальной идентичности необходим для понимания основных принципов, лежащих в основе построения общества страны: наиболее значимые для национальной идентичности общественные и исторические феномены являются отражением культуры народа в целом, его представления о своем идеальном образе. Зная, как нация позиционирует себя, можно выстраивать более эффективную политику сотрудничества с ней, что является актуальным для Российской Федерации в свете развития отношений между Россией и Южной Кореей в последние годы.

Источники

Источником для проведенной работы выступила «Koreana» — южнокорейское ежеквартальное печатное издание, основной целью которого является распространение информации о различных аспектах культуры Южной Кореи среди населения других стран. Издателем журнала является Korea Foundation (Корейский Фонд) — организация, занимающаяся распространением корейской культуры и поддержкой корееведения по всему миру. Поскольку Корейский Фонд подотчетен Правительству Республики Корея, следует предположить, что основная линия печатного издания не будет расходиться с мнением властей Южной Кореи по вопросам, освещаемым журналом.

Первый выпуск журнала вышел в 1987 году на английском языке; сейчас издание распространяется еще на восьми языках: испанском, японском, китайском, немецком, французском, арабском, русском, индонезийском. Для русскоязычной аудитории журнал стал издаваться с 2005 года. Согласно данным Korea Foundation, ежегодно журнал расходуется тиражом 89000 копий в не менее чем 160 странах [3]. Журнал является самым распространенным и популярным южнокорейским изданием на территории РФ.

Методика

Для анализа вышеупомянутых источников применяются два основных методологических подхода: контент- и дискурс-анализ.

При использовании метода контент-анализа прослеживается частота упоминания значимых языковых элементов: Южная Корея, корейская нация, история, культура, традиции страны. Однако традиционный контекстуальный анализ принято сочетать с применением одного из методов «понимающей» социологии — «интен-анализа». Суть его заключается в том, что анализируется не сам контент (содержательные блоки информации), а интенции, субъективная направленность на определенный объект (в нашем случае — интенция авторов статей по отношению к Южной Корее). Выявление в тексте эмоционально

окрашенных положительных или отрицательных интенций и их интерпретация являются способом распознавания истинной направленности текста и целей его автора [2, с. 2].

Второй подход заключается в дискурс-анализе, то есть анализе особого способа понимания и отражения окружающего мира или его конкретного аспекта. В рамках теории Эрнеста Лакло и Шанталь Муфф применяется критический подход к пониманию и работе с дискурсом как с совокупностью фиксированных значений в пределах специфической области. Критический анализ закрепляет за дискурсом особую активную роль в конструировании социального мира [1, с. 26]. Применение данного подхода заключается в анализе и интерпретации выражений и конструкций, которыми пользуется автор для передачи тех или иных соображений по поводу интересующего исследователя объекта.

Сочетание обоих подходов позволяет сделать наиболее полный вывод об образе Южной Кореи, транслируемом на страницах журнала «Koreana».

Основная часть

Рассмотрим описание автостереотипа Республики Корея, представленного на страницах журнала, разделив его на смысловые тематические блоки: политика, экономика и культура.

Политика

На страницах журнала Южная Корея представлена как страна, сумевшая прийти к демократии, преодолев трудности военной диктатуры. Из года в год авторы, давая исторические справки или апеллируя к историческим фактам, упоминают тяготы послевоенных лет и противопоставляют их современному положению дел: «Корея, пройдя последовательно через этапы модернизации, абсолютной бедности, военной диктатуры, всплеска демократизации и социальных потрясений... построила демократическое государство [11]; «Корея смогла улучшить свой имидж как открытого и свободного государства» [4]. Таким образом, издание явно стремится показать Южную Корею

как демократичное государство, стоящее рядом с развитыми ведущими державами мира.

Когда в материале «Koreana» речь заходит о правительстве, то о нем никогда не пишется в негативном ключе, отсутствует прямая критика. Например: «Корейское правительство тоже оказывает поддержку би-боям, которые дают новый импульс волне халлю» [6]. Если автор и упоминает о некоторых промахах, которые власть могла допустить, то подчеркивается, что это мнение не самой редакции, а третьей стороны (обычно иностранцев): «Лидеры зарубежного бизнес-сообщества подвергли критике нашу страну за чрезмерное вмешательство в дела корейских профсоюзов, гражданских организаций и правительства...» [6]. Однако, даже в подобных негативных высказываниях употребляется слово «страна», а не «государство»: если второе подразумевает под собой только властные структуры, то первое включает в себя и население. К тому же критические комментарии сопровождаются описанием позитивной деятельности властей. Таким образом, дается образ государства как слаженной структуры, которая существует в гармонии и понимании со своим народом, всячески помогая ему развиваться.

Говоря о Южной Корее как участнике международного политического процесса, журнал представляет страну как одного из сильнейших и влиятельнейших игроков политической арены: «Корея фактически взяла на себя ведущую роль в деле решения таких общих для всего мирового сообщества проблем, как борьба с изменением климата, реформа мировой финансовой системы, искоренение бедности, прекращение военных конфликтов и др.» [14]. Для издания важно поставить Республику Корея (РК) в один ряд с ведущими странами мира, подчеркивая ее равноправие и независимость.

Экономика

Если говорить об экономической составляющей автостереотипа, то Южная Корея репрезентуется как одна из стран-лидеров в системе международных экономических отношений: «Корея с блеском провела саммит АТЭС... подтвердив статус страны, входящей в десятку ведущих экономических держав

мира» [4]; «наша страна получила... уверенность в том, что она может играть не только роль политического противовеса в Северо-Восточной Азии, но и ведущую роль на мировом рынке» [4]. Также часто упоминается постоянное развитие техники и технологий: «В Европе Корея известна... благодаря ее достижениям в области информатики» [7]. С гордостью подчеркивается то, как новейшие технологии касаются всех частей жизни общества: «только корейские музеи обладают самыми передовыми в мире технологиями надлежащей упаковки и многократного безопасного перемещения музейных реликвий» [10]; «в концепции НЦБ, являющейся универсальной цифровой библиотекой... соединились передовые ИТ-технологии, в создании и использовании которых Корея опережает многие развитые страны, высокий уровень ИТ и компьютерной грамотности корейцев» [10]; «Стремительное развитие технологий мобильной связи и эволюция мобильных телефонов уже давно изменили привычную картину мира... в Корее это явление имеет всеобъемлющий характер» [11].

Как и в случае с политикой, часто подчеркивается, как страна сумела преодолеть плачевное состояние прежних лет и прийти к сегодняшнему успеху: «Корея, некогда самая бедная страна в мире, территория которой была сплошным пепелищем, а души ее жителей — бездной отчаяния, превратилась в страну, на которую направлены взгляды мирового сообщества и которая вышла на 13-е место по уровню экономического развития» [11]. Способность Южной Кореи к изменениям, развитию является очень важной составляющей образа, транслируемого на страницах издания: возможно, это объясняется желанием продемонстрировать потенциал страны и сформировать представление о ней как о выгодном партнере, который сможет подстроиться под любые условия и помочь другим достичь успеха.

Культура

В описании культурной жизни Южной Кореи на страницах «Koreana» красной нитью проходит идея о том, что, несмотря на ее стремительное развитие, основой культуры страны являются традиции, которые живы до сих пор. Наблюдается посто-

янное подчеркивание важности преемственности традиции, их актуальность, практическая пригодность и по сей день.

Специфической чертой практически всех статей издания является попытка найти в Корее нечто уникальное, непохожее на другие страны: «трудно найти другую страну, в которой бы... получила столь широкое распространение так называемая «культура аттестационных экзаменов» [12]; «корейская летняя «забава», состоящая в том, чтобы в жару, сидя в закрытом помещении... с удовольствием поесть горячий суп, точно не имеет аналогов» [16]; «наша страна вновь подтверждает уникальность статуса корейской нации в культурно-историческом пространстве мира» [6]. Возможно, причиной этому выступает то, что для жителей многих стран образ Кореи достаточно размыт по сравнению с представлениями о Китае и Японии, в тени которых страна пребывала долгие столетия. Желание продемонстрировать свою уникальность и даже превосходство над соседями объясняет множество замечаний об оригинальности тех или иных проявлений корейской культуры. Более того, создание образа Кореи как страны с самобытной, не имеющей аналогов культурой помогает привлечь туристов и исследователей.

Подчеркивание уникальности дополняется постоянным поиском области, где Южная Корея занимает лидирующую позицию. В каждом выпуске на протяжении почти 10 лет встречаются утверждения, подобные этим: «хангыль — лучшая из мировых систем письменности» [8], «Корея... держит первое место в мире в том, что касается разнообразия целей использования мобильных телефонов» [12], «никто в мире не любит крабов так, как жители Корейского полуострова» [15].

Скорее всего, этот вечный поиск подтверждения силы государства необходим для нации и развития национального самосознания: для формирования положительного автостереотипа победы и лидерство помогают создать образ сильной, независимой страны. В силу указанных исторических обстоятельств, для южных корейцев важнее всего, в первую очередь, доказать свое превосходство над Японией и Китаем. Потому встречаются многочисленные замечания по поводу заимствований соседними странами из корейской культуры. Разница между

Кореей и другими азиатскими странами подкрепляется их негативными образами; особенно яростно критикуется Япония: и история отношений между двумя государствами, и нынешние конфликты. Но не будем вдаваться сейчас в сложный вопрос японско-южнокорейских отношений; отметим лишь то, что напряженные отношения с японской стороной (особенно проблема территориальных споров) — это общая черта как РК, так и РФ, и критика Японии в южнокорейской прессе может вызвать положительную реакцию у российской аудитории.

Как уже было сказано, Южная Корея ищет в своей истории примеры силы и мощи страны, однако это не такая простая задача: к сожалению, нелицеприятных моментов в ней гораздо больше. Потому, рассуждая о величии страны, авторы статей выражают надежды на то, что все хорошее и прекрасное еще впереди. Отметим, что это нетипичный подход для Азии: благодаря влиянию конфуцианства, где прошлое хранит образ идеального государства, а традиции и ритуалы являются инструментами для поддержания устоявшихся порядков, для восточной культуры нетипично стремление вперед в исторической перспективе. Такой западный подход к развитию, представленный в издании «Koreaana», делает страну более близкой к европейским и русским читателям.

Корейская нация

Одним из самых главных элементов стереотипа о стране является описание национального характера. Рисунки психологический «автопортрет», корейцы подчеркивают коллективизм, вытекающую из него малую дистанцию между людьми во время общения: «в корейцах до сих пор развит, весьма сильно развит дух коллективизма, когда «мы» всегда выше, чем одиночное «я» [10]. Кроме того, часто упоминаются дружелюбие и открытость корейцев: «в Корее принято помогать друг другу, поддерживать в трудный час и сорадоваться», «распространенное мнение о корейцах как о дружелюбном, сердечном народе» [15], «детская простота и душевность, присущая корейцам» [16]. Но в то же время корейский характер описан как стойкий, способный

противостоять всем невзгодам и стремиться к благоденствию (в сочетании с коллективизмом — имеется ввиду счастье не одного человека, а всего народа): «такой сильный и в то же время гибкий национальный характер помог всего за 60 лет добиться таких колоссальных успехов» [16]. Таким образом, «корейцы — сочетание прагматичности и поэтичности» [13] — представлены как нация, привлекательная как для межличностного общения, так и для ведения совместных дел.

Еще один интересный момент: Южная Корея — это строго мононациональная страна с абсолютным этническим большинством, представленным корейцами. Однако журнал «Koreaana» выдвигает идею о том, что «корейское общество быстрыми темпами превращается в мультикультурное общество» [9], и перед ним стоят задачи воспитания более толерантной позиции к культурному и расовому разнообразию и привития корейцам новой системы ценностей и новых гражданских качеств — «качеств гражданина мультикультурного общества» [9]. В качестве аргумента используются результаты опроса (заметим, что сведения о дате и службе, проводившей опрос, отсутствуют), согласно которым «на самом деле корейское осознание себя как нации основано не на этническом национализме, а, скорее, на политических и юридических моментах» [9]. Таким образом, полноценным гражданином РК может стать не только этнический кореец.

Часто встречающиеся рассказы о том, как выходцы из России, Индии, Непала и других стран стали гражданами Республики Корея, являются иллюстрацией к вышеназванной тенденции. В заключении таких статей их главных героев называют «корейцами» и подчеркивают их важность для южнокорейского общества, не забывая упомянуть тот позитивный опыт, который они получили во время жизни в Южной Корее. Постоянная рубрика «Корея в зеркале моей души», в которой публикуются рассказы иностранцев о своих впечатлениях о Южной Корее, служит тем же целям: она подчеркивает то, как иностранцы могут влиться в южнокорейское общество, найти в нем что-то близкое себе.

Позиционируя себя как мультикультурное общество, Южная Корея выполняет следующие цели: создает притягательный

образ себя для туристов и желающих найти работу тут или сменить место жительства, а также уравнивает Республику Корея в статусе с ведущими странами мира, которые в своем большинстве являются многонациональными, провозглашая наличие в своей стране тех же тенденций и проблем, что и у них.

Выводы

Главной целью журнала является предоставление привлекательного, позитивного образа страны для создания выгодного мнения о ней среди целевой аудитории для построения межгосударственных партнерских отношений. Печатное издание «Koreana» транслирует образ Южной Кореи как гармонично развившейся до уровня мирового экономического и политического лидера страны, которая смогла преодолеть множество исторических вызовов и сейчас удачно справляется со всеми трудностями современного мира. С другой стороны, для авторов журнала также важно подчеркивать самобытность корейской культуры, ее древность и независимость от окружающих стран. Таким образом, подводя итог, автостереотип Южной Кореи в издании «Koreana» можно охарактеризовать как рекламный, не претендующий на полную достоверность, а репрезентирующий страну лишь с выгодной стороны, что может повлиять на формирование у русскоязычной аудитории соответствующего представления о ней.

Источники и литература:

Литература:

1. *Йоргансен Марианне В., Филлипс Луиза Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А.А. Киселева. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008.
2. *Шайхитдинова С.К., Сагитова Л.В., Ходжаева Е.А.* «Черный дипломат», «гости столицы» и другие. К методу диагностики латентной ин/толерантности в периодической печати // «Другой» в пространстве коммуникации, сб. науч. ст. / под ред. С.К. Шайхитдиновой. — Казань: Изд-во КГУ, 2007.

Источники:

3. Koreana: о журнале // Koreana [Official source] URL: <http://www.koreana.or.kr/koreana/koreana1.asp?lang=en> (дата обращения 18.04.2014).
4. Koreana. — Том 2, № 1. — весна 2006 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://koreana.kf.or.kr/1_Russian/view.asp?article_id=6410 (дата обращения 20.04.2014).
5. Koreana. — Том 2, № 3. — осень 2006 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://koreana.kf.or.kr/1_Russian/view.asp?article_id=6855 (дата обращения 25.04.2014).
6. Koreana. — Том 2, № 4. — зима 2006 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://koreana.kf.or.kr/1_Russian/view.asp?article_id=7009 (дата обращения 23.04.2014).
7. Koreana. — Том 3, № 1. — весна 2007 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://koreana.kf.or.kr/1_Russian/view.asp?article_id=7339 (дата обращения 20.04.2014).
8. Koreana. — Том 3, № 3. — осень 2007 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://koreana.kf.or.kr/1_Russian/view.asp?article_id=6855 (дата обращения 05.04.2014).
9. Koreana. — Том 4, №2. — лето 2008 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_list.asp?page=1&field=&searchString=&line_cnt=10&lang=ru&nt=&fcs_mid=0000598 (дата обращения 27.04.2014).
10. Koreana. — Том 5, №2. — лето 2009 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=366&lang=ru&nt=&page_type=list (дата обращения 18.04.2014).
11. Koreana. — Том 6, №2. — лето 2010 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_list.asp?fcs_mid=0000579&lang=ru (дата обращения 29.04.2014).
12. Koreana. — Том 6, № 3. — осень 2010 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=928&lang=ru&nt=&page_type=list (дата обращения 13.04.2014).
13. Koreana. — Том 6, №4. — зима 2010 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_list.asp?page=1&field=&searchString=&line_cnt=10&lang=ru&nt=&fcs_mid=0000598 (дата обращения 23.04.2014).

14. Koreana. — Том 7, №2. — лето 2011 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=843&lang=ru&nt=&page_type=list (дата обращения 18.04.2014).
15. Koreana. — Том 9, №1. — весна 2013 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=2725&lang=ru&nt=&page_type=list (дата обращения 21.04.2014).
16. Koreana. — Том 9, №2. — лето 2013 [Electronic resource] // Koreana [Official source] URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=2937&lang=ru&nt=&page_type=list (дата обращения 15.04.2014).

Беляева А.В.

Этнокультурные традиции в современной телевизионной рекламе КНР

Аннотация

Данная статья ставит своей целью выявление этнокультурных компонентов в современной телевизионной рекламе Китая. Проанализирована рекламная продукция разных товаров в КНР, выявлены ее специфика, а также основные отличия от западной телевизионной рекламы. На основе проведенного исследования автором предлагается выделить три типа рекламы в Китае.

Ключевые слова: *современная реклама КНР, культурные стратегии КНР, этнокультурный компонент, этнокультурная доминанта.*

Современные культурные стратегии, посредством которых КНР внедряется в систему глобальной коммуникации, реализуются в области телевизионной рекламы, которая с помощью специфических средств позволяет включать рекламный продукт в контекст традиционной культуры. Предмет рекламы (даже весьма далекий от собственно культурной сферы) в современных китайских видеороликах часто представлен в «культурной упаковке», насыщенной традиционными символами и образами. Культурные стратегии Китая направлены на формирование и закрепление в общественном сознании базовых ценностей и традиционных моделей социального взаимодействия. Особое внимание современная реклама в КНР уделяет принципу сыновьей почтительности *сяо*, и в большинстве видеороликов обнаруживаются многообразные формы презентации этого фундаментального принципа.

Правительство КНР официально признало культуру страны, основанную на конфуцианских морально-этических ценно-

стях, народных традициях, — важным составляющим элементом «мягкой силы». Однако сфера влияния культурных стратегий не ограничивается только распространением на граждан КНР. Основная их задача — определить место китайской культуры в глобальном коммуникационном пространстве как с целью осуществления экспорта китайской продукции, так и для распространения по всему миру китайских культурных ценностей, то есть сделать свою культуру, идеологию, систему ценностей более привлекательной и доступной для других субъектов международных отношений [2]. Влияние культурных стратегий затронуло и такую сферу, как реклама, которая приобрела в связи с этим свою специфику. В отличие от западной рекламной модели, ее цель заключается не только в привлечении потребителя для реализации товаров и услуг, но и для пропаганды через средства массовой информации национальных традиций и ценностей, формируя и поддерживая чувство уникальности, историчности и гордости у граждан за свою Родину. Таким образом, она решает двойную задачу: с одной стороны, она стремится воздействовать на носителей китайской культуры, чтобы активизировать у них этнокультурные и этнопсихологические доминанты мировоззрения и картины мира, сформировать и развивать чувство национального единства и гордости за достижения своей культуры и цивилизации; с другой стороны, с ее помощью формируется на международной арене образ современного Китая, который идет в ногу с новейшими глобальными процессами и достижениями, бережно сохраняя свою культурную уникальность и традиции. Исходя из этого, целевую аудиторию китайской рекламы можно разделить на три группы: 1) граждане КНР, 2) китайцы, проживающие за рубежом, 3) иностранцы.

Основным источником, использованным в ходе данного исследования, является сайт Chinese Central Television [1], на котором представлен широкий спектр рекламных роликов, презентуемых на телевидении Китая. Вместе с рекламным роликом прилагаются данные о его источнике (обычно это телеканал), дата и время его выхода в эфир, а также название рекламируемой продукции. Анализ представленных на сайте рекламных роликов позволяет выявить основные тенденции

телевизионной рекламы КНР, ее функции, задачи и объект, классифицировать их, используя разные методы и подходы, а также выяснить основные отличия от западной рекламы. В ходе данного исследования всего было проанализировано 93 рекламных ролика.

В основе **методологии** изучения данной темы лежит описательный метод, который позволяет дать краткую характеристику каждого просмотренного ролика, на основе которой можно выстроить классификацию, и структурно-типологический метод, с помощью которого выявляется типология рекламы, а также сравнительный метод для выявления различий между рекламой Запада и Китая.

Проанализировав тематику и сюжеты рекламных продуктов, представленных на сайте Chinese Central Television, можно выделить несколько основных типов современной рекламы в КНР:

1) Перевод западной рекламы (9 роликов из 93, или 10 %). Такой вид обычно используется при продвижении западных товаров; рекламные ролики зачастую полностью копируют содержание западной рекламы. Это связано с тем, что заказ на рекламу обычно делает зарубежный производитель товара, предоставляя единый для всех стран сценарий рекламного ролика. Например, если посмотреть рекламу шампуня Head and Shoulders компании Procter & Gamble в Китае [1], то принципиальных отличий от западных аналогов обнаружить не удастся.

2) Национальная реклама китайских товаров на западный манер (59 роликов из 93, или 63 %). В таком виде рекламы обычно представлены новые высокотехнологичные товары. Снятая по образцу западных рекламных роликов, она нацелена прежде всего на то, чтобы показать потенциальному покупателю, что китайское производство не уступает западному ни в качестве, ни в инновациях. Она призвана в первую очередь создавать имидж отечественному производству и стимулировать спрос на национальную продукцию. Также данные рекламные ролики помогают понять, как выглядит западная культура в сознании китайцев, как они рисуют себе западную картину мира и как видят себя в этой картине. К данным рекламным роликам можно отнести, например, рекламу национального автомобиля Geely [1]

(吉利汽 jílìqìchē *цзилицичэ*), китайской государственной автомобилестроительной компании FAW [1] (中国一汽车 zhōngguó yīqì *чжунго ици*), автомобильной марки Chery [1] (奇瑞 qínghuā *цижуи*), ноутбуков марки Hasee [1] (神舟电脑 shén zhōu diànpǎo *шэньчжоу дяньняо*), а также рекламу стиральной машинки национальной компании электроники и техники LittleSwan [1] (小天鹅 xiǎotiān'ér *сяотяньэ*), кондиционеров производителя бытовой техники Midea [1] (美的 měidì *мэйдиди*) и т. д. Кроме того, на западный манер может рекламироваться и обычная продукция, не связанная с технологиями или инновациями вообще. Например, реклама компании «Вахаха» [1] (娃哈哈 wáhāhā) — китайского производителя напитков, а также известного производителя китайского бутилированного чая «Каншифу» [1] (康师傅 kāngshīfu) и реклама китайского пива, которое производится в г. Сыпин, марки Ginsber [1] (金士百 jīnshìbǎi *цзиньшибай*).

3) Национальная реклама китайских товаров (25 роликов из 93, или 27 %). Этот вид рекламы представляет в рамках данного исследования особенный интерес, его смело можно назвать «реклама с китайской спецификой», так как именно здесь наиболее явно проявляются культурные и традиционные характерные черты. Этот тип можно, в свою очередь, классифицировать следующим образом:

а) проанализировать рекламу исходя из того, какие этнокультурные особенности и традиции в ней представлены. Это могут быть самые разные аспекты культурной сферы: начиная от традиционной архитектуры и заканчивая конфуцианскими ценностями. Однако наиболее часто встречаемые компоненты следующие:

- письменность (48 %);
- музыка (44 %);
- национальный костюм (28 %);
- принцип сыновней почтительности *сяо* (24 %);
- традиционные интерьер и декор (24 %);
- архитектура и памятники (20 %);
- традиционная символика (16 %);
- предметы быта (12 %);
- национальный танец (8 %);

- традиционные технологии (8 %);
- обычаи и праздники (8 %);
- традиционные боевые искусства (4 %);
- отсылка к «Китайской мечте» (4 %).

б) проанализировать, с помощью чего эти этнокультурные особенности и традиции показаны в рекламе. Здесь также применяются самые разнообразные способы и методы:

- текст (48 %);
- изображение иероглифов (48 %);
- аудио (традиционная музыка) (44 %);
- отсылка к традиционной культуре, то есть демонстрация предметов материальной культуры (32 %);
- аудиотекст (28 %).

В данном типе рекламы этнокультурные особенности проявляются по-разному: это может быть как и целый ролик, посвященный определенному традиционному празднику или же полностью насыщенный этнокультурными компонентами, так и рекламный ролик, который с первого взгляда может показаться созданным полностью на западный манер, однако в нем все-таки на несколько секунд есть отсылка к национальным традициям. Кроме того, в рекламе может быть представлена как одна определенная традиция или культурный компонент, так и целый синтез нескольких составляющих.

Например, рекламный ролик компании пищевых продуктов «Паньпань» [1] (盼盼食品 pànpànshípǐn *паньпань шипинь*), полностью насыщен культурными компонентами. На протяжении всего ролика, метраж которого составляет 14 секунд, играет традиционная китайская музыка, а сама мини-история ролика посвящена знаменитому китайскому Новому году, или Празднику весны (春节 chūnjié *Чуньцзе*). В первом кадре появляются дети в традиционных праздничных красных нарядах *ципао*, также в ролике представлена традиционная архитектура и неизменные атрибуты праздника — фигуры драконов и красные китайские фонари. В конце ролика дети идут поздравлять своих бабушку и дедушку, вручая им в качестве подарка продукцию данной компании, что является проявлением принципа сыновней почтительности *сяо*.

Очень интересно представлена реклама банка «Хуася» [1] (华夏银行 huáxià yínháng хуася иньхан). Сам ролик — это мультфильм, в котором летает дракон на фоне традиционного китайского дома, украшенного красными фонарями, и традиционного китайского сада. На дальнем фоне возвышается огромное здание данного банка с его эмблемой.

В рекламе лекарства традиционной китайской медицины также представлены самые разнообразные виды традиционного искусства и культуры: звучит традиционная музыка, демонстрируются приемы ушу, которые способствуют поддержанию бодрости духа и здоровья, каллиграфические надписи, пейзажи, показана традиционная архитектура, а молодые люди одеты в традиционную одежду. Кроме того, в рекламе есть указание на то, что лекарство сделано по секретной древней китайской технологии (国家秘密技术 guójiā mìmìjìshù гоцзя мими цзишу).

В рекламе алкоголя марки «Сифэн» [1] (西凤酒 xīfēngjiǔ сифэнцзюй) также содержатся этнокультурные компоненты: здесь можно услышать звуки традиционной музыки, увидеть каллиграфию, а также традиционный танец девушки, одетой в китайское платье ципао.

Ярким примером того, как культурный компонент лишь в незначительной степени проявляется в рекламном ролике, служит реклама страховой ассоциации «Чжунго баосянь ханье сехуэй» [1] (中国保险行业协会 zhōngguóbǎoxiǎnhángyèxiéhuì). Здесь в рекламе, которая, казалось бы, сделана на западный манер, есть несколько кадров с отсылкой к китайской традиции: в рекламе показывают крестьянина в стилизованной под традиционную шляпе, который пьет из пиалы, держа ее двумя руками. В конце ролика показывают пожилых людей, которые в традиционном китайском парке играют в го.

Таким образом, реклама на телевидении КНР представлена совершенно разными типами, однако достаточно значительный процент (27 %) занимает реклама с ярко или слабо выраженным культурным и традиционным компонентом, показанным в различных вариациях и формах, а также разными методами и способами.

В заключение, стоит отметить, что использование рекламы в качестве одного из инструментов реализации культурных

стратегий является достаточно эффективным средством. Телевизионная реклама привлекает широкие массы населения вне зависимости от социального происхождения, национальности, уровня образования и т. д.

Реализация культурных стратегий КНР в рамках современного рекламного телевизионного пространства позволяет закреплять в общественном сознании базовые ценности и традиционные модели социального взаимодействия, а также создавать на международной арене позитивный имидж экономически и культурного развитого Китая.

В результате данного исследования были решены основные задачи, которые позволили создать общее представление о телевизионной рекламе КНР, а также выявить ее специфику:

— выявлена основная роль культурных стратегий КНР, которые в том числе затронули и рекламную телевизионную сферу государства, в системе глобальной коммуникации;

— проанализированы основные рекламные ролики различной китайской продукции, на основе данного анализа были выявлены ключевые цели китайской телевизионной рекламы: помимо привлечения потенциального покупателя — продвижение основных культурных и морально-этических ценностей, а также установлены три основных типа коммерческой рекламы в КНР: 1) перевод западной рекламы; (обычно рекламируются западные товары; рекламный ролик полностью копирует содержание рекламы. Это связано с тем, что заказ на рекламу обычно делает производитель товара, предоставляя единый сценарий); 2) национальная реклама китайских товаров на западный манер; (обычно рекламируются новые высокотехнологичные и инновационные товары); 3) национальная реклама китайских товаров.

Дальнейшее исследование в рамках данной темы ставит своей целью ответ на вопрос: для чего так активно используют этнокультурные компоненты и доминанты в телевизионной рекламе КНР? Для этого необходимо проверить следующие гипотезы:

— является ли использование традиционных культурных ценностей стратегически продуманной политической линией КПК;

— связано ли это с тем, что рекламируемый товар настолько укоренился в традиционной культуре, что использование цен-

ностей является неотъемлемой и необходимой составляющей в рекламе;

—связано ли это с тем, что применение ценностей, традиций, семиотической системы и языка, который принят у широких народных масс населения, делает товар более близким на ментальном уровне, что способствует его более успешной реализации.

Источники и литература

Источники:

1. Chinese Central Television [Офиц. сайт] URL: <http://www.cntv.cn/> (дата обращения: 15.12.13)

Литература:

2. Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая [Электронный ресурс] // Журнал «Полис» [Офиц. сайт] URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/4/11.pdf> (дата обращения: 15.12.13)

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гершинкова Ю.В.

Исламский фактор как неотъемлемый компонент современного европейского общества

Аннотация

В статье исследованы некоторые особенности положения мусульманских диаспор в Европе и подходы к их интеграции в западное общество на примере трех европейских стран — Великобритании, Франции и Германии. Проанализированы трансформация ценностей мусульманских диаспор в пользу исламского фундаментализма с одной стороны, и развитие исламофобии, охватившей европейские общества в начале XXI века, — с другой. На основе исследования определены возможные пути будущего развития Европы с учетом меняющегося этнокультурного состава региона.

Ключевые слова: ислам, Европа, мультикультурализм, исламофобия, исламский фундаментализм.

Вот уже на протяжении четырнадцати веков, со времени возникновения в Аравии ислама и его распространения на некогда христианские земли Восточного и Южного Средиземноморья, ислам и христианство существуют в непосредственной близости друг с другом — всегда как соседи, нередко как соперники и иногда как враги. Ислам и христианство можно назвать братскими религиями с великим общим наследием, а также общим, но, скорее, оспариваемым друг у друга, поприщем. Обе религии видят себя в качестве обладателя высшего откровения Господня, которое следует нести и распространять среди остального человечества. При этом как ислам, так и христианство, считают себя главными и в том, и в другом, что делает их соперниками. Это стало одной из главных причин раздоров и конфликтов, начиная с первых религиозных войн — джихада и крестовых

походов, завоевания Пиренейского полуострова и реконкисты, и заканчивая последующими усилениями и ослаблениями Османской империи в Европе и европейских владений в исламском мире [7, с. 7—8].

С образованием в Европе мусульманских диаспор в новейшее время, европейское общество вновь вплотную столкнулось с исламом. Согласно данным американского исследовательского центра PewResearch, число мусульман в Европе увеличилось с почти 30 миллионов в 1990 году до 44 миллионов в 2010 году. Кроме того, прогнозируется, что численность мусульманских диаспор в Европе будет продолжать расти в течение последующих 20 лет, и наиболее видимые перемены произойдут, прежде всего, в трех европейских странах — Великобритании, Франции и Германии, где уже на сегодняшний день проживает значительная часть мусульманского населения [16]. Этим фактом обусловлен выбор данных стран как наиболее ярких примеров для исследования, хотя подобная проблематика начинает все более четко ощущаться и в других европейских странах, таких, как, Бельгия, Австрия, Швеция и др.

Массовый приток мусульман в Европу пришелся на вторую половину XX в. и был обусловлен, в основном, экономическими причинами. Дело в том, что Запад нуждался в восстановлении городов и центров, ущерб которым был нанесен в годы Второй мировой войны, а делать это планировалась за счет поощрения миграции непрофессиональной и низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, прежде всего, из мусульманских стран. Однако если в Великобританию и Францию мусульмане приезжали из бывших колоний этих государств, то иммиграция мусульман в Германию шла согласно заключенным между немецким и иностранными правительствами трудовыми договорами о найме.

С возникновением крупных мусульманских общин и, соответственно, растущей разнородностью населения, перед европейскими правительствами встала задача выработки механизмов интеграции иммигрантов, религиозные взгляды и культурный уровень которых отличались от местного населения.

Применявшийся Великобританией метод интеграции мусульман долгое время основывался на политике мультикульту-

рализма. Этот подход ставит своей целью повышение толерантности и обеспечение равенства в обществе, позволяя различным этническим группам сохранять свои культурные традиции и ценности [9, с. 33].

Основной принцип интеграции мусульман во французское общество уходит корнями во Французскую революцию 1789 года и ее республиканские идеалы, гарантирующие свободу исповедания, при этом отделяющие религию от государства. Позднее французский закон 1905 года, известный как «Закон о секуляризации» (фр. *laïcité*) окончательно утвердил идею отделения церкви от государства [9, с. 10].

Германия в вопросах интеграции мусульман представляет собой нечто среднее между сравнительно щедрым обеспечением интересов мусульман в Великобритании и стремлением Франции ограничить влияние ислама на все стороны жизни французского государства и общества [12, с. 130].

Европейские страны издавна принимали слегка различные подходы по отношению к своим иммигрантам и меньшинствам, а также к их интеграции в местные общества. Однако всех их объединяло стремление к созданию мультикультурного общества в рамках евро-христианской демократии, которое в итоге привело к полному переосмыслению общества, личности и иммиграции.

С течением времени стало очевидно, что ни один из применяемых в государствах Европы методов интеграции нельзя назвать полностью успешным с точки зрения предотвращения обособления отдельных этнических, языковых и религиозных сообществ, существующих внутри культуры большинства. Лидеры Великобритании, Франции и Германии признали провал политики мультикультурализма [9, с. 6]. В 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что «концепция культурного многообразия», в рамках которой «люди могут счастливо жить вместе, не сработала, и иммигрантам стоило прилагать больше усилий, чтобы интегрироваться». Подводя итог, Меркель еще раз подчеркнула, что «мультикультурализм в Германии полностью провалился» [11]. В 2010 г. премьер-министр Великобритании Джеймс Кэмерон выступил с речью, где раскритиковал

идею мультикультурализма и объявил о ее провале: «В рамках политики мультикультурности мы поощряли существование различных культур независимо, обособленно друг от друга и отдельно от большинства» [4]. Позднее президент Франции Николя Саркози присоединился к позиции Кэмерона и Меркель, провозгласив концепцию мультикультурализма неудачной. В 2011 г. на пресс-конференции саммита Европейского союза он заявил, что «мы были слишком озабочены индивидуальностью человека, который прибывал, и недостаточно обеспокоены самобытностью страны, которая его принимала» [18].

Рост численности мусульман и распространение мусульманской культуры на Западе среди прочего привели к возникновению и развитию в Европе такого явления, как исламофобия. На данный момент отсутствует как юридически закрепленное определение исламофобии, так и ее детерминация с точки зрения социологии, поэтому стратегия и меры по борьбе с этим явлением предприняты в рамках концепций о расизме и расовой дискриминации, повсеместно одобренными правительствами и международными организациями [10, с. 13]. Традиционно исламофобия определяется как «беспричинная враждебность, страх и ненависть к исламу, мусульманам и исламской культуре, а также активная дискриминация по отношению к этой группе как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [15, с. 18]

В декабре 2007 года в Стамбуле состоялась первая международная конференция по исламофобии, по итогам которой участниками было заявлено, что исламофобия представляет собой «крупнейшее предательство, совершенное против мира во всем мире», являясь по сути настоящей «дискриминацией и нарушением прав человека», что требует от национальных и международных механизмов принятия решений и создания законов против исламофобии» [17, с. 8—9].

Первые яркие проявления исламофобии последовали вслед за событиями 11 сентября 2001 года. Взрывы электропоездов в Мадриде и убийство исламистским радикалом голландского режиссера Теодора ван Гога в 2004 году за созданный им фильм «Покорность» (Submission), теракты в лондонском метро в июле

2005 года, а также дебаты, вызванные публикацией в 2005 году в датской газете карикатур, изображавших пророка Мухаммеда и др., только увеличили исламофобские настроения в европейском обществе [13, с. 103; 10, с. 3].

После террористических актов 2001 г. в Великобритании были зафиксированы случаи, когда на мусульман нападали с кулаками и зонтами на автобусных остановках, публично обливали алкоголем, оплевывали, забрасывали овощами и фруктами [7, с. 4]. Особенной жестокости были подвергнуты мусульманские женщины, отчасти ввиду того, что их внешний вид говорил о приверженности исламской вере. Так, в Германии, как и в Великобритании и Франции с мусульманок демонстративно срывали хиджабы [13, с. 104].

Наряду с этим множество мечетей, исламских культурных центров и мусульманских школ превратились в мишени для нападений и разгромов. Наиболее ярким примером подобного вандализма явилось надругательство над мечетью в английском городе Эксетер, где головы семи свиней были посажены на острия здания с тем, чтобы кровь животных была размазана по внешней стороне здания и у его входа [8, с. 4]. Вместе с тем во Франции зарегистрированы случаи осквернения мест захоронения мусульман, а в Германии имели место жестокие нападения и поджоги точек питания и других типов собственности, хозяевами которых являются мусульмане [10, с. 69—75].

Существование исламофобии как явления довольно противоречиво. В современном западном обществе существует и отличное от вышеизложенного представление о причинах возникновения и действительном предназначении исламофобии.

Согласно этому представлению, термин «исламофобия» был создан в начале 90-х гг. XX века в стенах Международного института исламской мысли, основанного на средства организации «Братьев-мусульман» в США. Так, концепция исламофобии была сформирована и распространена намеренно как оружие, направленное против критики в адрес мусульман и с целью ее ослабления. При этом основной задачей проекта было обеспечить возможность расценивать любое осуждение и противодействие исламу и мусульманам, в том числе исламским экстреми-

стам, как проявление исламофобии в отношении мусульман в целом [14, с. 19—23].

Так или иначе, растущие исламофобские настроения, неспособность правительств стран Европы обеспечить создание единого мультикультурного общества, с одной стороны, и нежелание мусульманских диаспор ассимилироваться с доминирующим социумом — с другой, вынуждает мусульман с большим рвением отстаивать свою веру. Мусульманское общество периодически выражает недовольство, при этом делает оно это в привычной и общедоступной форме — через религию. Будь то политические, экономические или социальные проблемы, выступая против них, мусульмане будут апеллировать к религиозным понятиям и лозунгам. Это напрямую связано с универсальностью религии в жизни мусульман и ее основополагающим положением. Представление о том, что власть и религия — это различные институты с собственными законами, иерархией и юрисдикцией, основано на христианском Священном Писании и христианской истории, поэтому типично для христианских народов, тогда как в исламе религия изначально неотделима от государства [7, с. 95, 213—215].

Находясь в западном обществе, мусульмане нередко обособляются и склоняются к экстремизму и терроризму. Существует информация, что такие террористические организации, как «Аль-Каида», «Союз исламского джихада», «Хамас», «Хезболла», «Ансар аль-ислам», а также сомалийская исламистская группа «Аш-Шабаб», ведут активную деятельность в европейском пространстве. Они используют Европу как логистическую базу, а местную мусульманскую молодежь рекрутируют для совершения террористических актов по всему миру [6, с. 8]. Однако не только террористические организации нацелены на привлечение европейских мусульман, но и часть мусульман, проживающих в странах Европы, проявляют интерес к организациям экстремистского толка, в пропаганде которых они слышат близкие им отклики о сложности ассимиляции с западным социумом, о трудностях завоевания престижного положения в чужом обществе и т.д. Мусульмане осознают, что достичь того благополучия, в котором живут англичане, французы или немцы,

довольно тяжело, и к тому же это требует непосильного труда, притом умственного, тогда как большинство иммигрантов остаются на низкооплачиваемых и малопрестижных позициях в сфере промышленности и услуг, и в целом сталкиваются с высокими уровнями безработицы. Кроме того, дискриминация по признаку расы, национальности и отношению к религии, от проявлений которой страдают мусульмане, также является препятствием на пути их интеграции в европейское общество [5; 10, с. 44].

Мусульмане Европы оказались на перепутье — наследие предков постепенно утрачивается, а навязываемая альтернатива западного образа жизни кажется им чуждой. В связи с этим, мусульманская молодежь все чаще обращается к работам мусульманских философов и идеологов, среди которых Хасан аль-Банна, Сейид Кутб, Хасанат-Тураби, а также Абу Аль-ала Маудуди, представлявших Запад в виде гегемонистской силы и считавших провозглашаемые западным обществом модернизацию и секуляризм вредоносными для мусульман. В частности, Хасан аль-Банна говорил, что «наша вера — бесспорна и несомненна» и есть только одна идея, чтобы «спасти мученический мир, направить потерявшихся, и вести людей по правильному пути, и эта идея — истинный ислам, не подверженный изменениям, где нет зла и заблуждений для тех, кто ему следует» [2]. По мнению Сейида Кутба, за исламом — будущее, и исламский путь — это «универсальная истина, существующая перед человечеством», которая определяет «извечные вселенские законы, функционирующие со времени появления мироздания, и сейчас, и в будущем при нарушении или столкновениями с этими законами люди ввергаются в муки, гибель и наказания» [3, с. 5]. Абу Аль-ала Маудуди писал, что «наш принцип — это подчинение Аллаху, а не секуляризм; Аллах — высший судья, тот, кому подчиняются, король, а его законы — те, что определили для людей образ жизни, для государства — право, которое применяется на земле» [1, с. 242].

Таким образом, исламский фундаментализм современности представляет собой новый призыв для мусульман обратиться к истокам и развивается как в странах мусульманского Востока, так и внутри мусульманских общин в Европе. Он обусловлен

широкомасштабным наступлением Запада и «вестернизацией» быта, нравов, норм и традиций мусульманского общества, а также настойчивыми призывами европейских правительств ассимилироваться с местным социумом. Однако стоит различать умеренных фундаменталистов от фундаменталистов-радикалов. Если первые призывают к сохранению религиозной, социокультурной и этнонациональной идентичности мусульман и отстаивают необходимость делать это исключительно мирным путем, то вторые ратуют за жестокие методы насилия и террора в стремлении уничтожить западную цивилизацию с ее «тлетворным» влиянием [6, с. 217—218].

Осложняет интеграцию мусульман в европейское общество представление о месте религии в жизни человека, в том числе о связи религии с властью. Если для европейцев характерна модель отделения церкви от государства, то в мусульманском дискурсе идея исламского государства имеет особое значение — также, как создание исламского порядка и правосудия на основе шариата. Ислам представляет собой не просто религию, а целую систему ценностей, правил и норм, регулирующих повседневную жизнь мусульман, при этом культура ислама выделяется тем, что не имеет деления на светскую и духовную [5]. Понятие власти и государства у мусульман сродни религиозным, неразрывно связаны друг с другом и, по сути, в идеале должны быть сведены к установлению теократической политической системы, в рамках которой религия и власть образуют собой единое целое. Объединение верующих разной расово-этнической принадлежности и социального положения под единой религиозной идеологией в одну общину стало крупнейшей силой ислама, препятствующей всякому изменению менталитета и стиля жизни, преобразований мировосприятия и внутреннему расколу, даже при наличии ряда религиозных течений внутри ислама [6, с. 13].

Можно сказать, что политика мультикультурализма, на которую возлагали большие надежды европейские правительства в рамках политики интеграции постоянно растущих мусульманских общин, провалилась. Излишняя озабоченность западных стран этнической, культурной и религиозной идентичностью иммигрантов привела к образованию закрытых обо-

собленных обществ, не стремящихся приобщаться к культуре большинства.

В ходе прогноза будущего сценария развития отношений между европейским обществом и мусульманскими диаспорами, исследователи выделяют, как правило, три возможных варианта, два из которых являются крайними вариантами — это исламизация Европы или отказ европейцами от мусульман, и третий, весьма призрачный, но все же наиболее желаемый — изыскание точек соприкосновения с целью создания единого общества, где сосуществование двух культур станет возможным. На данный момент сложно предположить, какой именно путь изберет Европа и возможен ли синтез двух цивилизаций. Несмотря на то, что критическая точка в отношениях между мусульманами и местными обществами Европы пока не достигнута, можно предположить, что для урегулирования существующих разногласий и конфликтов необходимо участие обеих сторон — европейцам следует избавиться от образа ислама как врага и проявлять особую озабоченность и терпимость по отношению к мусульманским общинам как части европейского социума, а мусульманам, в свою очередь, необходимо направить больше усилий на интеграцию в западное общество. Возможно, то, какой станет Европа, и как будут развиваться мусульманские общины на Западе, станет более очевидным в течение нескольких последующих лет, когда курс эволюции континента станет более четким, а европейско-мусульманские отношения окончательно сформируются.

Источники и литература

Источники:

1. Абу Аль-Ала аль-Маудуди. Фи муваджхат ат-тахадийят аль-муасыра (В противостоянии современным вызовам). — Тунис: Дар аль-калам, 1980.
2. Аль-Банна Х. Рисаля иля шабаб (Послание к молодежи) // Аль-маркяз аль-и'алямий ли аль-ихван аль-муслимин би ад-Дакахлия (Информационный центр «Братьев мусульман в Дакахлии»). 2013. URL: <http://www.dakahliaikhwan.com/viewarticle.php?id=19232> (дата обращения 24.05.2014).

3. Кутб, с. Аль-мустакбаль лихаза ад-дин (Будущее этой религии) [Электронный ресурс] // Минбар ат-таухид уа аль-джихад (Платформа объединения и джихада). URL: https://docs.google.com/file/d/0BwSf_0bx00XdeEI4X192TUVwQ1k/edit?pli=1 (дата обращения 24.05.2014).
4. Cameron, D. Speech on radicalization and Islamic extremism // NewStatesman. 2011. URL: <http://www.newstatesman.com/blogs/the-staggers/2011/02/terrorism-islam-ideology> (дата обращения 18.05.2014).

Литература:

5. Захарченко, А. Исламские общества внутри Евросоюза? // Международные процессы. — 2007. — № 2. URL: <http://www.intertrends.ru/fourteen/007.htm> (дата обращения 17.05.2014).
6. Ланда Р. Политический ислам: предварительные итоги. — М.: ИБВ, 2005.
7. Луис Б. Ислам и Запад. — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.
8. Ansari H. Muslims in Britain // Minority Rights Group International. 2002. URL: http://www.wnss.agh.edu.pl/other/materialy/90_2011_03_31_10_03_41_MRG_%20muslimsinbritain.pdf (дата обращения 11.05.2014).
9. Archick K. Muslims in Europe: Promoting Integration and Countering Extremism / K. Archick, P. Belkin, с. Blanchard, с. Ek, D. Mix // Congressional Research Service Reports. 2011. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33166.pdf> (дата обращения 12.05.2014).
10. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia. Muslims in the European Union. Discrimination and Islamophobia // European Monitoring Centre. 2006. URL: http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/156-Manifestations_EN.pdf (дата обращения 11.05.2014).
11. Evans, S. Merkel says German multicultural society has failed // BBC News. 2010. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11559451> (дата обращения 18.05.2014).
12. Fetzer J. Muslims and the State of Britain, France, and Germany / J. Fetzer, с. Soper, — Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
13. Gottschalk P. Islamophobia: Making Muslims the Enemy. — USA: Rowman and Littlefield Publishers, 2007.
14. Horowitz D. Islamophobia. Thought Crime of the Totalitarian Future / D. Horowitz, Spencer R. — USA: David Horowitz Freedom Center, 2011.
15. Open Society Institute at Home in Europe project. Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities // Open Society Institute. 2010. URL: www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-europe-20110214_0.pdf (дата обращения 18.05.2014).

16. Pew Research Religion & Public Life project. The Future of Global Muslim Population. Region: Europe // Pew Research Center. 2011. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-regional-europe/> (дата обращения 16.05.2014).
17. The OIC Observatory on Islamophobia. First OIC Observatory Report on Islamophobia // The Organization of the Islamic conference. 2008. URL: http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0CCkQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.oic-un.org%2Fdocument_report%2Fobservatory_report_final.doc&ei=KYtwU77vNMOB4gS00IHIDA&usg=AFQjCNE-qPspqMDyHUa1GOceLe2t0LgUJg&sig2=jO34mtxo5B38A (дата обращения 20.05.2014).
18. The Telegraph. France. Nicolas Sarkozy declares multiculturalism had failed // The Telegraph. 2011. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8317497/Nicolas-Sarkozy-declares-multiculturalism-had-failed.html> (дата обращения 18.05.2014).

Шипилов А. Ю.

Перспективы ирано-американского сближения после прихода к власти Хасана Роухани

Аннотация

Предметом статьи стало рассмотрение перспективы потепления в отношениях между Ираном и США при новом президенте ИРИ Хасане Роухани. Заключение промежуточного соглашения по иранской ядерной программе вызвало оптимистические прогнозы. В статье проанализировано влияние политической системы ИРИ, основных политических кланов и внешней обстановки на возможность подобного исхода.

Ключевые слова: *Иран, вelayят э-факих, Роухани, консерваторы, прагматики, реформисты, экспорт революции.*

В современной ближневосточной проблематике к числу наиболее острых относятся противоречия между Исламской Республикой Иран (ИРИ), с одной стороны, и суннитскими монархиями Персидского залива, а также США и Израилем — с другой. Возможность Ирана получить ядерное оружие угрожает кардинальным изменением регионального баланса сил и представляется недопустимой для стран Запада, имеющих сложную историю отношений с республикой после революции 1979 г. В результате высокой напряженности отношений между Ираном и Западом во второй половине 2000-х гг. ожидалось проведение военной операции НАТО против режима в Тегеране по примеру иракской кампании 2003 г. [6, р. 485—486]. Однако существенное исчерпание военных ресурсов США и их союзников в ходе афганской и иракской кампаний, а также наращивание оборонного потенциала Исламской Республики способствовали тому, что этот сценарий не осуществился. Новое

обострение в отношениях между Ираном и Западом произошло в ходе гражданской войны в Сирии, где организации-клиенты американских суннитских союзников из Персидского залива, Саудовской Аравии и Катара с одной стороны и иранские союзники в Сирии и Ливане с другой (сирийское правительство, Хезболла, группа Ахмеда Джибриля) оказались по разные стороны конфликта. Тем не менее, в 2013 г., после прихода к власти в Тегеране Хасана Роухани, произошли события, благоприятствовавшие нормализации отношений между Ираном и США. В результате сегодня ирано-американские отношения близки как никогда к моменту свержения шаха Мухаммеда Реза Пехлеви в 1979 г.

Однако до сих пор американские дипломатические представители, включая госсекретаря Джона Керри, отмечают недостаточную степень трансформации иранской государственной системы и ее готовности идти на уступки западным требованиям, половинчатый характер внутренних реформ [3]. В данной статье сделана попытка оценить потенциал дальнейшего сближения двух стран, от чего зависит региональная стабильность в будущем.

Идеологические основы внешней политики Ирана

Прежде всего, для оценки возможности американо-иранского сближения необходимо понять ограничения, которые накладывает на внешнеполитический курс государственное устройство ИРИ. Иранская государственность, сложившаяся после Исламской революции 1979 г., опирается на политическое учение духовного лидера аятоллы Хомейни. По его концепции, основным принципом государственного устройства, является *вelayят э-факих* [15, р. 212]. Согласно шиитской теологии, обязанности духовного руководства шиитской общины возлагаются на *муджтахидов*, экспертов в области исламского права, которым разрешается трактовать Коран и Сунну и формулировать на их основе новые правовые положения [12, р. 154]. Изначально этот принцип включал в себя лишь духовную власть, право трактовать исламский закон, советовать светским

правителям, издавать *фетвы* и заниматься поддержкой неимущих [8, р. 82—87; 17, р. 7]. Такой позиции до сих пор придерживаются многие шиитские богословы. В рамках шиитской ветви ислама духовенству традиционно отводится более высокий статус (в том числе, политический), чем в странах с преобладанием суннизма. Тем не менее, шиитские богословы редко вмешивались в вопросы управления государством.

Однако имам Хомейни после конфликта с шахским режимом в 1963—1964 гг. в результате «Белой революции» (реформ в духе вестернизации), а также после своего изгнания в Ирак выдвинул иную трактовку *велайят э-факих*, утверждая, что духовенство и исламские ученые больше подходят для прямого управления страной, чем светские лидеры [11, р. 89]. Именно этот принцип оказался доминирующим в Иране после революции 1979 г., и на его основе построена структура государственной власти, что отражено в Конституции ИРИ 1979 г. Основные полномочия по управлению государством, определению общей политической линии и контролю за ее соблюдением находятся в руках *рахбара*, верховного лидера, выбираемого из числа наиболее авторитетных шиитских правоведов, *марджия*. Сам *рахбар* избирается и затем утверждается Советом экспертов, состоящим из 86 праведных и ученых *муджтахидов*, избираемых на восьмилетний срок прямым всенародным голосованием. Кроме того, существует Совет стражей, который проверяет на соответствие шариату законы, принимаемые парламентом, и утверждает кандидатов на все выборные должности, включая членов Совета экспертов. Для разрешения противоречий между Советом экспертов, парламентом и Советом стражей создан Совет целесообразности, состоящий из 34 членов, назначаемых *рахбаром* каждые 5 лет. При этом в Иране существуют и выборные государственные институты, члены которых избираются всеобщим голосованием. Парламент, *маджлис*, состоит из 290 делегатов, избираемых на пятилетний срок, и выполняет традиционные законодательные функции (при контроле со стороны Совета стражей). Президент республики избирается на 4 года. Однако, по конституции ИРИ, президент не является верховным главнокомандующим, не контролирует силовую внешнюю

политику. Верховный Национальный Совет Безопасности, армия, Корпус Стражей Исламской революции (КСИР) и министерство разведки и национальной безопасности находятся под контролем *рахбара*, а не президента или кабинета министров. Президент может быть отстранен от должности при импичменте в парламенте, а затем подтверждении такого решения *рахбаром* (как первый президент ИРИ Абольшасан Банисадр). Глава правительства может участвовать в выработке внешней политики, но только под контролем *рахбара* [2].

Очевидно, что текущие изменения в иранской внешней политике зависят не столько от пришедшего к власти Хасана Роухани, сколько от *рахбара*, Али Хоменеи, находящегося на своем посту с 1989 г., и от прочих представителей духовенства. При этом доминирующей внешнеполитической концепцией в ИРИ остается доктрина Хомейни, зафиксированная в конституции и опирающаяся на прошлый негативный опыт военно-политического, экономического и культурного вмешательства стран Запада в иранские (персидские) и в целом исламские вопросы. Таким образом, преобладание радикальной хомейнистской идеологии в иранской государственной системе препятствует сближению между ИРИ и США. В этом случае отход от принципов Исламской революции, а также сокращение влияния духовенства станут почти неизбежными.

Однако в среде шиитских богословов, как в Иране, так и за его пределами, в последние десятилетия сформировалась оппозиция господствующему курсу. Так, против трактовки Хомейни понятия *велайят э-факих* выступили такие уважаемые личности, как Муса Садр, возглавлявший в 1960—1978 гг. общину ливанских шиитов и налаживавший взаимодействие между Сирией и антишахской оппозицией, [9, р. 376]; духовный глава иракских шиитов аятолла Али Систани, считающийся шиитскими общинами за пределами ИРИ более авторитетным исламским богословом, нежели иранский *рахбар* Али Хоменеи [6, р. 445]. Наряду с этим внутри Ирана существует духовная оппозиция нынешнему *рахбару* и среди сторонников Хомейни, например, в лице его соперника в борьбе за пост *рахбара* в 1989 г. Мохаммеда-Реза Гольпайгани [13, р. 207—208]. Поэтому

далеко не всех представителей духовенства можно отнести к числу сторонников существующего иранского режима, что приводит к постепенному «размыванию» основных положений хомейнизма. Для борьбы с диссидентами в среде духовенства создан Специальный суд для духовенства, возобновивший работу в 1987 г. Тем не менее, оппозиционное духовенство пользуется в Иране большей защитой по сравнению с прочими группами диссидентов, что позволяет им влиять на политическую ситуацию в стране (как в ходе «Зеленой революции» 2009 г.). Эта часть духовенства занимает достаточно умеренные позиции во внешнеполитических вопросах, что могло бы в перспективе способствовать американо-иранскому сближению. Однако, несмотря на имеющиеся богословские противоречия внутри шиитской общины, пока нельзя говорить об их существенном росте, и действующая в Иране религиозная доктрина продолжает доминировать и является серьёзным препятствием для такого сближения.

Основные группы влияния внутри руководства ИРИ

Помимо скрытых доктринальных расхождений в среде иранского духовенства, в ИРИ существуют и другие противоречия. Наиболее существенными в связи с будущим американо-иранских отношений представляются разногласия между «консервативным» и «прагматичным» блоками в среде иранского руководства [7, р. 69]. «Консерваторы» в иранском правящем кругу ориентированы на последовательное применение принципов Хомейни во внутренней и внешней политике. Они выступают против реформ государственных институтов ИРИ и увеличения роли светских должностных лиц в управлении страной. С точки зрения этой группы руководства, основной обязанностью иранского государства является сохранение завоеваний Исламской революции, предотвращение отклонения от «верного пути», ограждение государства и общества от деструктивного влияния немусульманских сил, прежде всего, Запада. Поэтому, по их мнению, внешняя политика Ирана должна быть направлена на защиту независимости и экономической

самостоятельности страны, а также на поддержку угнетаемых масс за ее пределами. При этом США и Израиль наряду с суннитскими монархиями Персидского залива рассматриваются в качестве основной внешней угрозы, что делает недопустимыми любые попытки снизить уровень конфронтации и пойти на уступки. В основе такой непримиримости лежит традиционное представление о враждебном суннитском окружении, возникшее в ходе шиитизации Персии при Севефидах в XVI в. [6, р. 155]. Эта риторика используется «консервативным» блоком и в условиях современных экономических проблем, связанных с проведением изоляционистской политики, и является важным оправданием такой политики. Идеологические установки «консерваторов» сделали их сторонниками роста социальных расходов и перераспределения национального богатства в пользу беднейших слоев населения, их основной базы поддержки, что увеличивает нагрузку на экономику [6, р. 492]. Конфронтация с Западом для «консерваторов» является важным источником легитимности и их поддержки в широких массах. Поэтому данная группировка внутри иранского руководства объективно выступает против любого сближения с Западом.

Применение «консервативной» идеологии способствовало успеху в становлении Исламской республики, а также мобилизации в ходе ирано-иракской войны. Однако этот подход не предложил выхода из сложной экономической ситуации, в которой Иран оказался к концу войны в условиях международной изоляции. Поэтому к 1990-м гг. в иранском руководстве сформировался круг сторонников более взвешенной политики в отношении внешнего окружения, а также экономических реформ [7, р. 69]. В частности, новый блок выступил в поддержку плана Международного валютного фонда по структурным изменениям в хозяйственной системе страны, по либерализации экономики, укреплению рыночных принципов и частичной приватизации государственных предприятий. В рамках данного подхода была желательна и нормализация отношений с Западом с целью снятия с Ирана экономических санкций. Поскольку экономическая политика реконструкции Ирана после войны с Ираком, проводимая умеренными сторонниками перемен, не

привела к значимым результатам, к концу 1990-х гг. они разделились две основные группы оппонентов «консервативного» курса. «Прагматики» оказались нацелены на постепенное разрешение противоречий с Западом и реформы преимущественно в экономике, а «реформисты» проявили готовность к более решительным переменам в государственной системе управления, сближению с Западом и политическим реформам [7, р. 70]. Как «реформисты», так и «прагматики» на практике продвигали решения, идущие вразрез с учением Хомейни и принципами Исламской революции. Но при этом «прагматики» в основном опираются на предпринимателей, представителей деловых кругов, страдающих от санкций, а также духовенство, традиционно связанное с торговцами и имеющее собственные коммерческие интересы. В интересах этих групп была экономическая либерализация и облегчение режима санкций, однако рисковать собственным статусом в обществе и, особенно в духовной иерархии, ради борьбы за политические реформы «прагматики» были не готовы. «Реформистское» движение в основном представлено интеллигенцией, студентами, профессурой и прочими группами, не связанными с государством, либо с коммерсантами и поэтому более радикальными в стремлении к политическим, а не только экономическим преобразованиям. Таким образом, к началу XXI в. внутри иранского правящего слоя выделились основные группы со своим видением политического курса. Поэтому для оценки потенциала сближения с США стоит посмотреть на баланс сил между этими группами и их позиции по конкретным вопросам внешней политики.

Международная обстановка и баланс сил внутри Ирана

Основным пунктом расхождений внутри иранского руководства в первые послереволюционные годы стал вопрос об экспорте революции в условиях крайне тяжелой внешней обстановки — разрыва с США и войны с Ираком [14, р. 34—36]. Противостояние с Израилем по идеологическим причинам и война с Ираком толкнули Иран к более тесному партнерству с Сирией, не пошедшей на сепаратные соглашения с еврейским

государством и выступавшей против режима Саддама Хусейна. В этот же период наиболее привлекательным местом для экспорта Исламской революции казался Ливан, где с 1975 г. шла гражданская война, и одной из сторон конфликта стало многочисленное, но наиболее бедное шиитское население. В гражданской войне в Ливане шииты были представлены движением «Амаль», созданным Мусой Садром и критически относившимся к революции в Иране. Однако успехи революции могли не только усилить влияние Тегерана в Ливане, но и укрепить позиции местных шиитов. В 1982 г., после вторжения Израиля в Ливан, иранские инструкторы были допущены в долину Бекаа для тренировки шиитских вооруженных формирований и передачи оружия. К этому же периоду относят создание ядра более радикальной и проиранской шиитской организации в Ливане, Хезболлы. Успехи на иракском направлении позволили Хомейни и его сторонникам направить более существенную помощь ливанским единоверцам без серьезных затруднений.

Однако после 1982 г., с затягиванием войны против режима С. Хусейна, внутри иранского руководства возникли существенные разногласия по поводу степени участия в ливанском конфликте [14, р. 34—35]. Причем представители элиты, ставшие в 1990-е гг. «реформистами», настаивали на более активном вмешательстве в дела Ливана, тогда, как «консерваторы» проявляли большую осторожность. Сам аятолла Хомейни, олицетворявший консервативную тенденцию, придерживался более умеренной позиции, не желая напрямую развязывать в Ливане полномасштабный конфликт с Израилем и его союзниками (Францией и США), не завершив войны с Ираком. Поэтому, с его точки зрения, следовало ограничиться финансовой помощью ливанским шиитам, поставками боевой техники и крайне ограниченного контингента инструкторов. Иранский же посол в Дамаске Ходжатолислам Али-Акбар Мохташеми-Пур выступал за более активное участие в ливанской войне и способствовал организации иранских тренировочных лагерей и перевалочных пунктов в сирийской и ливанской частях долины Бекаа. В дальнейшем Мохташеми-Пур служил советником у президента-«реформиста» Мухаммеда Хатами [14, р. 35].

Активный экспорт революции в Ливан продвигал и семейный клан аятоллы Хусейна Али Монтазери — формального наследника Хомейни [9, р. 203]. Опубликованное в 1985 г. открытое письмо шиитской организации Хезболлы угнетенным Ливана и мира, по утверждениям американских исследователей, написано иранским чиновником, оказавшимся впоследствии в среде соратников Хатами [14, р. 37]. Захват американских заложников группировкой «Исламский джихад», аффилированной с Хезболлой, также был осуществлен с одобрения наиболее экспансионистских представителей иранской стороны (клана Монтазери). Итак, за более активную внешнюю экспансию и увеличение контингента бойцов КСИР в Ливане выступали люди, позднее оказавшиеся на стороне «реформистов».

Отходу будущих «реформистов» от политики экспансионизма способствовала секретная оружейная сделка Иранас США и Израилем (Иран-Контрас). Иран нуждался в оружии для продолжения затянувшейся войны с Ираком, а США стремились освободить заложников, находившихся в руках проиранских группировок в Ливане [5, с. 374—375]. Поэтому в середине 1980-х гг. США в обход эмбарго поставили в Иран несколько партий противотанковых и противовоздушных зенитно-ракетных установок. Эта сделка получила одобрение Хомейни, однако вызвала недовольство родственника аятоллы Монтазери, Мехди Хашеми, курировавшего работу с ливанскими шиитскими радикалами. Хашеми передал осенью 1986 г. секретную информацию о сделке просирийской ливанской газете «Аш-Шираа», что вызвало международный скандал. В результате в 1989 г., незадолго до своей смерти, Хомейни лишил Монтазери статуса своего преемника, что впоследствии поставило последнего во главу оппозиционного духовенства. В целом гражданская война в Ливане не привела к ожидаемым Тегераном результатам, что разочаровало сторонников экспансии. В условиях экономического кризиса после затянувшейся войны с Ираком эти люди и сформировали основу «прагматических» и «реформистских» групп внутри иранского руководства.

Со смертью Хомейни у бывших экспансионистов появилась возможность частично осуществить свою программу на

практике. В 1989 г., с приходом на место *рахбара* Али Хаменеи, наиболее адекватным для выхода из экономического кризиса оказался «прагматический» курс, и в результате президентом страны стал сторонник этого курса Али Рафсанджани, занимавший этот пост до 1997 г. [7, р. 69]. Однако после первых послевоенных лет бурный экономический рост за счет восстановления экономики сменился стагнацией из-за низких мировых цен на нефть — основной продукт иранского экспорта. Для выхода из сложившейся ситуации на президентский пост Советом стражей был допущен Мухаммед Хатами, стоявший на наиболее реформистских позициях и, как тогда казалось части иранской элиты, способный нормализовать отношения с Западом и вывести экономику страны из международной изоляции. Как при Рафсанджани, так и при Хатами имело место смягчение внешнеполитической позиции страны по многим международным вопросам. Так, примерно с 1992 г. произошло смещение акцентов в иранской критике США и Израиля [10, р. 87—88]. Если до этого еврейское государство рассматривалось в рамках официальной иранской идеологии как марионетка США и инструмент неколониального вмешательства в ближневосточные вопросы, то в 1990-е гг. уже США рассматривались как объект сионистских манипуляций против мусульманского мира и, в частности, Ирана. Это создало для руководства Ирана возможность перенести основную ответственность за дестабилизацию региона на Израиль и создать предпосылки для сближения с США. Значительно сократилось военно-политическое влияние ИРИ в Ливане и Ираке, Хезболла обрела большую самостоятельность и ориентировалась скорее на Сирию [14, р. 40—41]. С приходом к власти Хатами смягчение внешней политики Ирана продолжилось. После терактов 11 сентября 2001 г. иранский президент выразил соболезнования США в связи с гибелью людей, и в течение двух недель в ходе пятничных молитв в Тегеране не звучали антиамериканские лозунги [14, р. 45]. Иран принял активное, хоть и неформальное участие в подготовке Боннских соглашений 2001 г. по будущему Афганистана после американского вторжения. В конце своего президентства Хатами даже неофициально встретился с израильским президентом

Моше Кацавом на похоронах папы Иоанна Павла II [19, р. 15]. В этот период с иранской стороны имелся наибольший потенциал для сближения.

Однако и тогда реформистский курс президента во внешней политике был ограничен *рахбаром*. Али Хаменеи выступил против участия Ирана в вооруженной борьбе с движением «Талибан» и Аль-Каедой на стороне США [14, р. 45]. После вывода израильских войск из южного Ливана в 2000 г. Иран (по инициативе *рахбара*) продолжил поддерживать вооруженную борьбу Хезболлы вопреки желанию Сирии стабилизировать ситуацию и избежать новой израильской реакции к югу от Бейрута [14, р. 43—44]. В 1988—2002 гг. Иран предоставил финансовую помощь Хезболле на сумму 96 млн долл. [14, р. 41]. Таким образом, даже наиболее реформистски настроенная часть иранского руководства была ограничена в возможности сближения с США. Причинами этому были интересы консервативного духовенства, необходимость поддерживать дружественные вооруженные антиамериканские и антиизраильские структуры за рубежом, а также основополагающие принципы иранской государственности.

Так или иначе, движение Ирана в сторону Запада не было оценено руководством США, и президент Дж. Буш в рамках ежегодного послания к Конгрессу в январе 2002 г. отнес Иран наряду с Ираком и КНДР к «оси зла» — государствам-спонсорам терроризма, создающим угрозу мировой стабильности [14, р. 45]. Попытки Хатами снять эти обвинения путем ограниченного сотрудничества с США по вопросам безопасности не привели к каким-либо результатам. После американского вторжения в Ирак в 2003 г. США и Израиль не раз по спорным поводам угрожали ИРИ аналогичным вооруженным ударом [5, с. 373]. Кроме того, реформистский курс Хатами не привел к снятию санкций США с Ирана и, таким образом, не решил эту экономическую проблему, несмотря на ускорившийся с 2000 г. подъем благодаря росту мировых цен на нефть. В результате в Иране возникли предпосылки для возвращения к власти «консерваторов», что помогло выиграть президентские выборы 2005 г. Махмуду Ахмадинежаду. Его приход к власти характе-

ризовался резким усилением антиамериканской и антиизраильской риторики, сворачиванием реформ и международным напряжением вокруг возобновленной иранской ядерной программы. Кроме того, иранская помощь в значительной степени способствовала успешным для Хезболлы боевым действиям против Израиля летом 2006 г. [6, р. 457—458]. Таким образом, внешние реалии способствовали отходу иранского руководства от политики сближения с Западом.

Изначально «консервативный» сдвиг в иранской политике был обусловлен нежеланием администрации Дж. Буша пойти на диалог с Тегераном. Затем, с приходом в Белый дом в январе 2009 г. Барака Обамы, позиция США в отношении Ирана потенциально могла измениться в случае поражения Ахмадинежада на президентских выборах в июне 2009 г. Однако для возвращения Ирана к «реформистскому» курсу серьезных причин в тот момент не было. Темпы экономического роста при Ахмадинежаде были не ниже, чем при Хатами, за исключением «кризисного» 2008 г. [22]. Кроме того, сторонники основного кандидата от оппозиции Мир-Хусейна Мусави были чересчур враждебно настроены в отношении верховного лидера. Мусави, поддержанный Хатами и дочерью Рафсанджани, будучи премьер-министром, противостоял Али Хаменеи в период нахождения последнего на посту президента ИРИ в 1981—1989 гг. [21]. По итогам второго тура победу одержал Ахмадинежад, и проведенный по требованию Мусави и с согласия *рахбара* пересчет 10 % голосов подтвердил результаты выборов. Это привело к выступлениям оппозиции против самого *рахбара*. Кроме того, «Зеленое движение» сторонников Мусави поддержал лидер оппозиционного духовенства аятолла Монтазери, способный нанести ущерб легитимности действующего *рахбара*. Поэтому Хаменеи, вопреки своему традиционному прагматизму, в данном случае поддержал Ахмадинежада, что обусловило сохранение напряженности в американо-иранских отношениях.

Однако с началом «Арабской весны» ИРИ была вынуждена в условиях международных санкций затратить значительные ресурсы на поддержку сирийских и ливанских союзников (руководство Сирии, чьи позиции пошатнулись с началом антипра-

вительственных выступлений, и связанную с ним Хезболлу). Начиная с 2012 г., в Иране произошло прекращение экономического роста (2011 г. — 3 %, 2012 г. — -1,9, 2013 г. — -1,5 %), что также негативно сказалось на облике «консервативного» блока, возглавляемого М. Ахмадинежадом [18]. При этом американская администрация по-прежнему оставалась более терпимой к Ирану, чем во время правления предшественников Обамы, частично освобождая себя от взятых ранее стратегических обязательств на Ближнем Востоке по «распространению демократии». Поэтому на президентских выборах 2013 г. победу одержал Хасан Роухани, умеренный представитель реформистского крыла руководства ИРИ.

Перспективы политики Х. Роухани

С началом его правления связаны беспрецедентные шаги по сближению с США, включая телефонный разговор с Б. Обамой в сентябре 2013 г. (первый контакт на подобном уровне между двумя странами после Исламской революции) и Женевское соглашение по иранской ядерной программе в ноябре того же года. Однако сохраняются серьезные сомнения по поводу того, приведет ли это к дальнейшей нормализации отношений двух стран. Как было показано ранее, несмотря на подчиненное положение президента в иранской государственной иерархии по отношению к *рахбару*, позиция всенародно избранного главы государства во многом отражает доминирующие в руководстве тенденции, исходя из сложившейся внешней и внутренней ситуации. Поскольку *рахбар* обладает формальными и скрытыми рычагами влияния на то, кто будет избран, и на основные принимаемые президентом шаги, можно отметить, что проводимый иранским президентом курс поддерживается и верховным *рахбаром*. Поэтому избрание президентом Хасана Роухани вполне отражает общую направленность иранского руководства на смягчение внешнеполитического курса в отношении США. Нынешний президент ИРИ в начале 2000-х гг. занимал пост секретаря Верховного Совета Национальной Безопасности при более либеральных Рафсанджани и Хатами, и поэтому

скорее относится к группе «прагматиков» [16, р. 3]. Так, в 2003—2005 гг. будущий президент играл ведущую роль в переговорах с МАГАТЭ по иранской ядерной программе. Сейчас Роухани выступает за расширение частного сектора иранской экономики. Его нахождение у власти в Иране более приемлемо для Запада, поскольку он олицетворяет «прагматическую» тенденцию в иранской политике, ставшую доминирующей после «Арабской весны». Так что, несмотря на системные ограничения иранской политики, связанные с государственной идеологией, могут возникнуть условия для некоторого потепления в отношениях Исламской Республики с Западом.

Однако международная обстановка препятствует активному сближению Тегерана с Западом даже в рамках доминирования «прагматиков» в иранском руководстве. Так, несмотря на конструктивную позицию по урегулированию сирийского конфликта, Иран не был допущен на Женевскую конференцию по данной проблематике в январе 2014 г. США испытывают все большие трудности по сохранению собственного влияния на Ближнем Востоке и других регионах мира на фоне роста международного авторитета других центров силы. Поэтому в обозримом будущем возможности США поддерживать международное давление на ИРИ, скорее всего, существенно сократятся. Это увеличивает целесообразность нормализации двухсторонних отношений для США, но снижает заинтересованность иранской стороны. Существенное сближение с США и их союзниками, прежде всего, с Израилем, вряд ли возможно в ближайшие годы, поскольку помимо иранской ядерной программы, по которой в 2013 г. было достигнуто частичное соглашение, остаются неразрешенными основные региональные противоречия, где Иран и союзники Запада косвенно соперничают.

Причем Х. Роухани далеко не самый дружественный по отношению к Западу представитель «прагматического» лагеря. В ходе «Кедровой революции» в марте 2005 г. в Ливане Роухани выступил от лица иранского руководства, отвергнув обвинения в эскалации ливанского кризиса в адрес сирийской стороны и выдвинув их в адрес Израиля (по причине оккупации ферм Шаббаа) [14, р. 47]. После недавнего прихода к власти в ИРИ

нового президента антиамериканская риторика иранского духовенства существенно не изменилась, что видно по речи Хоменеи от 20 ноября 2013 г. на встрече с командирами добровольческой милиции Басидж, наиболее последовательных сторонников хомейнистской идеологии внутри страны [4]. Переговоры по иранской ядерной программе после прорыва ноября 2013 г. зашли в тупик. Сам Роухани, выступая за большую открытость ИРИ внешнему миру, придерживается курса на преимущественное сотрудничество с КНР (товарооборот между двумя странами частично происходит в юанях и не подпадает под режим санкций) [1], [20]. США и их европейские союзники интересуют иранское руководство в основном в связи с возможностью снятия международных санкций. Так что общий потенциал подобного сближения выглядит скромно.

Итак, возможность полномасштабного потепления в ирано-американских отношениях ограничена рядом факторов, вытекающих из общего устройства государственной системы ИРИ, внутривнутриполитического баланса сил и текущей международной обстановки. Зафиксированные в иранской конституции идеологические принципы имама Хомейни предполагают контроль основных политических вопросов представителями духовенства, а также выстраивание внешней политики на основе религиозных принципов, что изначально затрудняет любую возможность тесных отношений с неисламскими государствами. Кроме того, готовность Ирана к содержательному диалогу с Западом зависит от соотношения сил «консервативной», «прагматической» и «реформистской» групп внутри руководства страны. А доминирующая позиция внутри иранской элиты, в свою очередь, зависит от сложившихся вокруг страны международных реалий. Нынешний президент ИРИ относится к умеренным «прагматикам», однако политика страны все равно в первую очередь зависит от *рахбара*. Поэтому в условиях международных перемен последнего года иранское руководство уже вряд ли пойдет на уступки Западу, что видно по динамике переговоров по ядерной программе. Поэтому существенное сближение между двумя странами, ожидаемое после Женевских соглашений, пока едва ли возможно.

Источники и литература

Источники:

1. Сайт президента Ирана <http://www.president.ir/en/>
2. Iran Chamber Society: The Constitution of Islamic Republic of Iran, <http://www.iranchamber.com/government/constitutions/constitution.php>
3. John Kerry interview to CNN, 5th of February, 2014; <http://www.youtube.com/watch?v=5De4ITcf7P4>
4. Supreme Leader's Speech in Meeting with Basij Commanders_2013/11/20 <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=11328>

Литература:

5. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета. 2012. 414 с.
6. Mansfield P. A History of the Middle East: 4th Edition/Revised and updated by Nicolas Pelham. London: Penguin Books. 2013. 567 p.
7. Rakel E.P. International Comparative Social Studies, Volume 18: Power, Islam, and Political Elite in Iran: A Study on the Iranian Political Elite from Khomeini to Ahmadinejad. Leiden-Boston: Brill, 2009. 332 p.
8. Vaezi A. Shia Political Thought. London: Islamic Centre of England. 2004. 215 p.
9. Fortis L. Iran's Mediterranean shores // Rivista di Studi Politici Internazionali (RSPI). 2010. V. 77. No. 3. P. 373—381.
10. Hooglund E. Iranian Views of the Arab-Israeli Conflict // Journal of Palestine Studies. Autumn 1995. V. 25. No. 1. P. 86—95.
11. Hosseini H. Theocracy Versus Constitutionalism: Is *Velayat-e-Faghih* Compatible with Democracy // Journal of Iranian Research and Analysis. 1999. V. 15. No 2. P. 84—96.
12. Kreidie L.H. The Rise of Iran: An Identity Fight to Challenge the Existing Power Establishment Contesting US Hegemony, Israeli, and Sunni Powers in the Middle East // International Journal of Liberal Arts and Social Science. November 2013. V. 1. No. 3. P. 150—168.
13. Roy O. The Crisis of religious legitimacy in Iran // Middle East Journal. Spring 1999. V. 53. No 2. P. 201—216.
14. Samii A.W. A Stable Structure on Shifting Sands: Assessing the Hizbullah-Iran-Syria Relationship // The Middle East Journal. V. 62. No. 1, Winter 2008. P. 32—53.
15. Tezcur G. M., Azadarmak 'i T. Religiosity and Islamic Rule in Iran // Journal for the Scientific Study of Religion. 2008. V. 47. No 2. P. 211—224.

16. Uygur H. Iran's Nuclear Ambitions and Turkey // SETA Policy Brief. February 2008. No. 7. P. 1—7.
17. Amanat A. From *ijtihad* to *wilayat-i faqih*: The Evolving of the Shi'ite Legal Authority to Political Power // Logos. Issue 2.3. Summer 2003 <http://www.logosjournal.com/amanat.pdf>
18. CIA World Factbook. Iran <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>
19. Delp B.T. Ethnographic Intelligence (ETHINT) and Cultural Intelligence (CULINT): Employing under-utilized strategic intelligence gathering disciplines for more effective diplomatic and military planning // Institute for Infrastructure and Information Assurance (IIIA) Technical Paper 08—02_James Madison University. April 2008. P. 1—20 http://www.jmu.edu/iiia/wm_library/CulturalIntelligenceTR08-02.pdf
20. Dorraj M., Currier C.L. Lubricated With Oil: Iran—China Relations In A Changing World // Middle east policy council. Summer 2008, Volume XV, Number 2 <http://mepc.org/journal/middle-east-policy-archives/lubricated-oil-iran-china-relations-changing-world>
21. Maljoo M. The Green Movement Awaits an Invisible Hand // Middle East Research and Information Project (MERIP). June 26, 2010 <http://www.merip.org/mero/mero062610>
22. World Bank Data <http://data.worldbank.org/country/iran-islamic-republic>

Маркелов А.А.

Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении коллективной безопасности в Центральной Азии

Аннотация

В статье анализируются различные подходы, сложившиеся в современной науке относительно сущности такой международной организации, как Шанхайская организация сотрудничества. Выявляется степень значимости ШОС в создании системы коллективной безопасности в Центральной Азии; рассматриваются причины, по которым организация занимает одну из ведущих позиций в центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Центральная Азия, коллективная безопасность, перспективы ШОС, сотрудничество ШОС.

Центральная Азия издавна была регионом, привлекающим пристальное внимание мировых сверхдержав. С течением времени геополитическое значение Центральной Азии в мировой политике ничуть не ослабло. В связи с намеченным на 2014 год выводом из Афганистана войск Международных сил содействия безопасности новый виток актуальности приобретает вопрос об уровне обеспечения региональной безопасности в государствах Центральной Азии. Данная проблема затронет интересы ряда стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества: Китай, Таджикистан и Узбекистан непосредственно граничат с Афганистаном, а на Киргизии и Казахстане, так же, как и на России, она скажется опосредованно. Несомненно, наряду с усилением внешних угроз в центральноазиатском регионе, связанных не только с проблемами безопасности, но и с эскалацией «Новой

Большой игры» — соперничества между лидирующими мировыми державами (Россия, Китай, США), не может не нарастать внутреннее напряжение в государствах Центральной Азии [3, с. 5].

В связи с вышесказанным, актуальность заявленной темы связана, во-первых, с особой ролью, которую играет центрально-азиатский регион в международных отношениях, и, ввиду этого, с необходимостью тщательного анализа реалий, происходящих в его пределах. Во-вторых, актуальность данной работы связана с обостряющейся проблемой обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. В-третьих, с чрезвычайной научно-практической потребностью выявить сущность такого международно-объединения, как Шанхайская организация сотрудничества.

Затронутая в настоящем исследовании проблематика и прежде пристально изучалась специалистами по международным отношениям. Так, Г.А. Тусупбаева и Т.Т. Шаймергенов в статье «Роль международных структур в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии: перспективы для ШОС и НАТО» [8] выдвигают тезис, что «Китай, Россия и США, являясь супердержавами, теоретически преследуют одну задачу — обеспечение безопасности в регионе, но на практике данные структуры преследуют противоположные цели, что в достаточной степени осложняет ситуацию в регионе» [8]. Также всесторонне исследует данный вопрос Е.Б. Арсланова в статье «Шанхайская организация сотрудничества как институт обеспечения региональной безопасности» [2]. В статье ШОС проанализирована с точки зрения теории комплекса региональной безопасности Б. Бузана и О. Уэйвера. Методологической основой стала «матрица анализа» комплекса региональной безопасности. Анализ условий формирования интеграционных процессов в рамках ШОС осуществляется через призму внутривнутриполитических процессов и межгосударственных отношений государств-членов ШОС. Главной проблемой развития интеграционных процессов данного комплекса региональной безопасности, по мнению исследователя, является отсутствие идентичности и разнаправленность интересов стран-членов ШОС [2, с. 62].

Что касается иноязычных работ, следует упомянуть несколько парадигм, сложившихся в зарубежной науке. В одних

исследованиях ШОС является составной частью Евразийского комплекса безопасности, включающего государства бывшего СССР [13, с. 2—3]; в других ШОС называют макрорегиональным комплексом безопасности, включившим в себя субкомплекс — Центральную Азию [10, с. 478]; большинство же зарубежных сторонников теории комплексов региональной безопасности рассматривают ШОС как малоэффективную структуру сотрудничества в области безопасности [12, с. 21—22]. Среди зарубежных работ, посвящённых этой тематике, также стоит отметить статью, над которой работали исследователи из Стокгольмского международного института исследования проблем мира Э. Бейлис и П. Дюнай «The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution» [11].

ШОС как комплекс региональной безопасности: взгляды и подходы

Проблемы, связанные с обеспечением международной безопасности, в наше время являются одним из приоритетных направлений сотрудничества государств в рамках международных и региональных организаций. Что касается ШОС, то именно вопрос безопасности и организации системы противодействия так называемым трем «силам зла» (терроризму, религиозному экстремизму, сепаратизму) явился важнейшим толчком к созданию данной организации и объединению усилий стран-участниц (России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана) в поддержании мира на обширной евразийской зоне, ими занимаемой. Это подтверждает следующий факт: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом стала одним из первых по времени подписания документов организации. В последние годы вопрос обеспечения безопасности в регионе стал еще более актуальным, будучи дополненным такими составляющими, как экономическая безопасность, безопасность природных ресурсов и даже сохранение самобытности в сфере культуры, что также в той или иной мере затрагивает сферу безопасности [5, с. 95—96].

Ниже выявляется роль ШОС в обеспечении коллективной безопасности в центральноазиатском регионе на основании анализа существующих точек зрения по данной тематике.

Вначале следует упомянуть две основные концепции, которые сложились в современной научной среде по вопросу о сущности ШОС в контексте проблем международной безопасности.

Некоторые исследователи подчеркивают ключевую роль ШОС в поддержании коллективной безопасности в связи с распадом биполярной системы международных отношений. К их числу относится Н.А. Комлева и ее статья «Шанхайская организация сотрудничества — поиск глобального равновесия» [6]. Крах мировой социалистической системы во главе с Советским Союзом привел к появлению нового геополитического феномена — отсутствию противовеса капиталистической системе во главе с США. Н.А. Комлева отмечает, что современный этап развития характеризует так называемая Поствестфальская система международных отношений, отвергшая принцип государственного суверенитета и принцип невмешательства во внутренние дела государств, которая вылилась в своеобразную диктатуру одного наиболее влиятельного геополитического блока — так называемого Унилатерала, ядром которого явились страны «большой семёрки» во главе с США [6, с. 44]. Как следствие, считает автор, образовалась реальная угроза стабильности и безопасности как ресурсоносным государствам, так и в целом большинству стран мира. Это произошло в результате отсутствия геополитического противовеса Унилатералу, а значит, и возможности сдерживания последнего [6, с. 46].

По мнению Н.А. Комлевой, именно ШОС вполне способна стать «геополитическим балансиrom» [6, с. 47] Унилатерала в евразийском регионе. Среди причин, по которым это может произойти, автор называет экономическую значимость стран-членов ШОС, в первую очередь, России и Китая: их богатство природными ресурсами и экономическую мощь. В качестве примера конкретных действий, направленных на нейтрализацию интересов Унилатерала, исследователь приводит следующий: проект транспортного коридора от Шанхая до Санкт-Петербурга был принят ШОС после того, как Европейский союз и

США поддержали проект транспортного коридора из Европы в Азию TRACECA (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) [6, с. 47].

Однако данное мнение не может считаться единственно верным. Существует также точка зрения на сущность ШОС, отстаивающая принципиально иную позицию, которая представляется более репрезентативной и поддерживается гораздо большим количеством экспертов. Так, по мнению исследователя И.Ф. Кефели, автора статьи «Пространство ШОС — пространство содружества» [4], ШОС не является геополитическим противником Запада и США, ибо это противоречит интересам членов организации, которые заинтересованы в сотрудничестве с последними по ряду пунктов. Более того, одним из характерных принципов ШОС является её ненаправленность против других государств и международных структур [1]. Иными словами, тезис об «антинаатовской» направленности ШОС вступает в диссонанс с декларативным положением, закреплённым в основополагающем документе организации — Хартии. При этом ШОС характеризуется наличием принципиально отличных от США взглядов на проблемы коллективной безопасности. Если США действуют, скажем так, «в лоб», избирая в качестве оружия давление на государства, поддерживающие террористический режим, то ШОС связывает международный терроризм с экстремизмом и сепаратизмом и действует, придерживаясь собственной концепции, которая гарантирует стабильность и территориальную целостность в Евразии [4, с. 57].

Не считают ШОС противником НАТО и исследователи из Стокгольмского международного института исследования проблем мира Э. Бейлис и П. Дюнай. В своей статье «The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution» [11] они отмечают, что большинство западных исследователей впадают в крайности, либо представляя ШОС как злокачественный альянс «анти-НАТО», либо вовсе отвергая её значимость как всего лишь создание видимости. Сами же они заключают, что ШОС, как и множество других международных организаций, имеет и сильные, и слабые стороны [11, с. 27—28]. По вопросу о сущности ШОС в контексте проблем международной безо-

пасности учёные подчёркивают, что эквивалентом НАТО скорее должна считаться Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), нежели ШОС [11, с. 28].

Схожую точку зрения ранее высказывали А.В. Лукин и А.Ф. Мочульский в работе «Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития» [7]. Их тезисы практически полностью совпадают с вышеизложенной позицией: «На Западе, особенно в Вашингтоне, по поводу ШОС высказывают два мнения: враждебное и скептически-безразличное» [7, с. 17]. Как отмечают авторы, одни западные исследователи рассматривают ШОС как форму, с помощью которой Китай и Россия предпринимают попытку сформировать антиамериканский альянс с целью создания противовеса внешней политике Соединенных Штатов; другие же полагают, что ШОС не способна причинить какой-либо вред, а сама организация — это не более чем пропагандистские меры по поднятию международного авторитета Пекина и Москвы, которые не могут что-либо противопоставить или добавить к деятельности антитеррористической коалиции во главе с США. Однако А.В. Лукин и А.Ф. Мочульский считают оба этих мнения по вопросу о сущности ШОС предвзятыми и не обоснованными. Во-первых, по их мнению, ШОС никогда не станет враждебным США союзом (по уже упоминавшимся причинам, а именно: противоречие между созданием подобного рода коалиции и коренными интересами стран-членов ШОС). Во-вторых, сравнение деятельности ШОС и США в сфере поддержания безопасности в Центральной Азии является некорректным, ибо разнятся фундаментальные основы этих двух видов деятельности: «Если в Вашингтоне на первое место ставят военные удары по международным террористическим центрам и наступление на государства, поддерживающие терроризм (на роль которых порой избираются любые неудобные Вашингтону режимы), то государства ШОС видят непосредственную связь международного терроризма с сепаратизмом и религиозным экстремизмом» [7, с. 19]. Как видим, данный тезис также аналогичен заключениям статьи И.Ф. Кефели. Более того, авторы подчёркивают, что чёткие определения терроризма, сепаратизма и экстре-

мизма содержались уже в Шанхайской Конвенции, заключённой странами ШОС в июне 2001 года, ещё до событий 11 сентября, в то время как общепринятых международных определений на момент написания их статьи (2005 год) не существовало.

Роль ШОС в обеспечении коллективной безопасности в Центральной Азии

Тем не менее, несмотря на диаметрально противоположность рассмотренных выше парадигм, в целом следует говорить о том, что на данный момент ШОС играет одну из ключевых ролей не только в сфере обеспечения коллективной безопасности в Центральной Азии, но и в сфере обеспечения коллективной безопасности всего евразийского региона. Об этом позволяют утверждать следующие факты. Во-первых, как уже отмечалось выше, одним из фундаментальных принципов, на котором зиждется сотрудничество стран-членов ШОС, являются совместные действия, направленные на укрепление безопасности. Отмечается, что организация ещё до событий 11 сентября 2001 года вступила на путь борьбы с международным терроризмом, проявив тем самым свою дальновидность и заинтересованность в мировой коллективной стабильности [9, с. 92]. Более того, это подтверждает тот факт, что в рамках ШОС создана Региональная антитеррористическая структура и на постоянной основе проводятся антитеррористические учения. Иными словами, приведенные конкретные примеры действий ШОС в области укрепления безопасности как нельзя лучше доказывают колоссальное значение организации в данной сфере.

Помимо этого, также имеется законодательная база для углубления сотрудничества в борьбе с терроризмом: кроме упоминавшегося уже основополагающего документа организации, заключен ещё целый ряд договоров о сотрудничестве и координации усилий: с Содружеством Независимых Государств (СНГ), Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС), Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), декларация о сотрудничестве с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), меморандум о взаимопони-

мании с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др. [2, с. 69—70] Таким образом, происходит постепенное правовое расширение влияния ШОС в области поддержания стабильности и порядка.

Значимость ШОС определяется ещё и совокупным демографическим и территориальным потенциалом входящих в неё стран, а также обозначившимся стратегическим партнёрством России и Китая. Это определяет роль ШОС в построении системы коллективной безопасности как в Средней Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе [4, с. 59].

Выводы

Шанхайская организация сотрудничества — региональная международная организация, созданная с целью координации усилий государств-членов в поддержании коллективной безопасности в Центральной Азии. ШОС является полноценным участником международных отношений и не представляет собой военный альянс, направленный против НАТО или любой другой международной структуры.

Несмотря на существующие противоречия и проблемы, роль ШОС в обеспечении коллективной безопасности в Центральной Азии со временем будет только возрастать. Во-первых, существует несколько компонентов, которые способствуют успешному сотрудничеству в сфере безопасности: наличие общих интересов у членов организации, юридически закреплённая правовая база, реальные действия, направленные на борьбу с терроризмом и др. Во-вторых, экономическая мощь двух главных членов ШОС позволяет организации иметь значительный вес при решении своих геополитических задач. В-третьих, так как ШОС представляет собой открытую организацию, вход в которую свободен для государств, разделяющих её основные принципы, не исключено, что число стран-участниц ШОС может увеличиться, а, следовательно, увеличится и степень влияния организации. Значимость данной организации продолжит неуклонно расти и по причине сложившейся тенденции к повышению роли регионального аспекта в решении глобальных проблем.

Источники и литература

Источники:

1. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=86> (дата обращения 24.05.2014).

Литература:

2. Арсланова Е.Б. Шанхайская организация сотрудничества как институт обеспечения региональной безопасности // Известия Уральского государственного университета. — 2010. — № 3(80).
3. Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года. — М.: МГИМО — Университет, 2013.
4. Кефели И.Ф. Пространство ШОС — пространство содружества // Известия Уральского государственного университета. — 2010. — № 3(80).
5. Кокарев К.А. К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19-21 мая 2008 г.). — М.: МГИМО — Университет, 2008.
6. Комлева Н.А. Шанхайская организация сотрудничества — поиск глобального равновесия // Известия Уральского государственного университета. — 2010. — № 3(80).
7. Лукин А.В., Мочульский А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития. — М.: МГИМО — Университет, 2005.
8. Тусупбаева Г.А., Шаймергенов Т.Т. Роль международных структур в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии: перспективы для ШОС и НАТО // Сборник материалов Третьей ежегодной алма-атинской конференции по вопросам безопасности и регионального сотрудничества. — Алматы, 2005. URL: http://www.russianlife.nl/analitika/sbornik_shajmergenov_tusupbaeva_1.htm (дата обращения 24.05.2014).
9. Хайюнь В. Укрепление сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19—21 мая 2008 г.). — М.: МГИМО — Университет, 2008.

10. Allison R. Regionalism, Regional Structure and Security Management in Central Asia // International Affairs. — 2004. — Vol. 80. — No 3. Regionalism and the Changing Intern. Order in Central Eurasia.
11. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // The Shanghai Cooperation Organization, Stockholm International Peace Research Institute, Policy Paper. — 2007. — No. 17.
12. Central Asia Security: The New International Context / Ed. By R. Allison, L. Jonson. — Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001.
13. Peimani H. Regional Security and the Future of Central Asia: The Competition of Iran, Turkey and Russia. — Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 1998.

Корзов Н. Н.

Экологическая безопасность энергетической политики Китая

Аннотация

В данной статье рассмотрены экологические проблемы, вызванные энергетической политикой Китая. Выявлены причины загрязнения окружающей среды; также рассматриваются источники загрязнения атмосферы. Проанализированы возможности перехода энергетики страны с угольного топлива на другие виды источников энергии. Дается прогноз состоянию окружающей среды в ближайшем будущем, и оцениваются перспективы угольной промышленности Китая.

Ключевые слова: энергетика, каменный уголь, возобновляемые источники, загрязнение атмосферы, экология Китайской Народной Республики (КНР).

Введение

Топливо-энергетический комплекс, начиная с 50-х годов XX века и по настоящее время, занимал и занимает особое место в экономике Китайской Народной Республики (КНР). Несмотря на то, что он за последние примерно 50 лет прошел извилистый, непростой путь, пережив периоды стагнации, спада и стабильного развития, отдельные его секторы и сам комплекс в целом всегда сохранял свое первостепенное значение в экономике Китая. На сегодняшний день от состояния топливно-энергетического комплекса зависит экономическое развитие практически каждой страны, энергетика является одной из самых важных отраслей в экономике не только Китая, но и многих государств по всему миру. Что касается угольной отрасли, то в топливно-энергетическом комплексе Китая этот вид ископаемого топлива занимает главное место.

Сейчас все больше и больше внимания уделяется возобновляемым источникам энергии — таким, как солнечной, приливной, ветровой и энергии биомассы, об угольной отрасли заботятся меньше. Популярность возобновляемых источников энергии неумолимо растет. Однако не стоит забывать, что каменный уголь всегда являлся и является столпом топливно-энергетической промышленности КНР.

Тем не менее, несмотря на большую мощь и высокий уровень развития угольной отрасли, поддержанию экологии в стране не уделялось особого внимания. Из-за этого с 50-х годов XX века появились серьезные проблемы, вызванные экологическими причинами. На данный момент, экологические проблемы широко обсуждаются, таким глобальным задачам, как поддержание должного уровня экологии в стране, должно уделяться особое внимание. К счастью, правительство КНР предпринимает решительные шаги по борьбе с загрязнением окружающей среды.

Экологические проблемы Китая

В топливно-энергетическом балансе Китая уголь занимает до 70 %. В течение ближайших 25 лет, более половины мирового потребления и производства угля придется на КНР.

Таблица 1

Производство угля в КНР, 2000—2013 гг., млрд т

Год	Произведено тонн угля
2000 г.	1,3 млрд т
2005 г.	2,19 млрд т
2006 г.	2,38 млрд т
2007 г.	2,53 млрд т
2008 г.	2,79 млрд т
2011 г.	3,5 млрд т
2013 г.	3,8 млрд т

Производство угля в стране возросло с 1,3 млрд т в 2000 г. до 2,19 млрд т в 2005 г., 2,38 млрд т в 2006 г. и 2,53 млрд т в 2007 г., в 2008 г. производство угля достигло 2,79 млрд т [1] В 2011 г. — 3,5 млрд т, в 2013 г. — 3,8 млрд т [2] (см. Таблицу 1). В настоящее время около 80 % производства электроэнергии страны, более 50 % топлива, которое используется в промышленности в целом, более 60 % сырья для химической промышленности обеспечиваются углем. 45 % мощностей национальных железных дорог КНР предназначены для перевозок каменного угля [6, с. 309].

Несмотря на активное привлечение иностранного капитала, выделение средств из государственного бюджета на развитие угольной промышленности, существует ряд серьезных проблем, которые стоят перед правительством КНР. Одной из таких проблем является влияние угольной промышленности на окружающую среду. Потребление угля является основной причиной загрязнения воздуха и выбросов в атмосферу парниковых газов. Из-за поступления большого количества *углекислого газа* в атмосферу Китай подвергается нарастающему давлению мирового общественного мнения. Преувеличение самоочищающей способности атмосферы, недостаточное внимание к ее защите, привело к тому, что в период индустриализации во второй половине XX века, в Китае уделялось недостаточное внимание окружающей среде. В настоящее время для увеличения возможностей энергосбережения Китай развернул решительные кампании, которые направлены на экономию энергоресурсов и сокращение вредных выбросов. Низкое качество атмосферного воздуха, широкое распространение кислотных осадков являются основными проблемами, связанными с экологией. Более того, увеличение запыленности атмосферы и постоянный смог серьезно сказались на здоровье населения.

Использование угля также оказывает влияние на загрязнение воздуха в помещениях. Для приготовления пищи и обогрева помещений около 75 % населения Китая используют уголь — это сильно влияет на здоровье жителей, а также вызывает значительное загрязнение воздуха в помещениях. В сельской местности загрязнение воздуха в помещениях от сжигания угля является основной причиной возникновения серьезных заболеваний

органов дыхания. В 2000 году число смертей от болезней органов дыхания в сельской местности составило 169,4 человек на 100 тыс. жителей [4, с. 107].

Наличие в воздухе твердых остатков после сжигания угля и сажа являются основными причинами загрязнения воздуха в городах.

Таблица 2

Выброс SO₂ в атмосферу после сжигания угля, 1995—2006 гг., млн т

Год	Количество выбросов
1995 г.	23,7 млн т
2001 г.	19,5 млн т
2006 г.	25,9 млн т

В 1995 году выброс SO₂ составил 23,7 млн т. В 2001 году выброс составил 19,5 млн т. В 2006 году — 25,9 млн т. 85 % этого загрязнения вызвано промышленным использованием угля, в результате чего довольно часто выпадают кислотные дожди [4, с. 107] (см. Таблицу 2). Также Китай является страной с наибольшим выбросом углекислого газа в атмосферу. Причиной этому является сжигание угля. В 2006 году выбросы углекислого газа достигли 14,3 млн т, что является максимальным показателем с 1995 года [2, с. 107].

Итак, основной проблемой, которая обуславливает экологические особенности энергетической стратегии Китая, является низкое качество атмосферного воздуха из-за загрязнения продуктами сжигания угля, распространение кислотных осадков. Смог и высокая степень запыленности атмосферы выступают основными причинами смертности населения, увеличения числа случаев заболеваний дыхательных путей.

Почему же сжигание и переработка каменного угля так влияет на загрязнение окружающей среды? Дело в том, что основная особенность данного вида ископаемого топлива Китая заключается в содержании большой доли серы в породе. Более того, уголь отличается высокой зольностью. От большого содержа-

ния серы и высокой зольности можно избавиться путем обогащения данного вида ископаемого топлива. В 90-е годы в Китае всего около 29 % добываемого угля проходило процедуру обогащения. Обогащение проходил лишь уголь, идущий на экспорт, при этом уголь, использовавшийся внутри страны, практически не подвергался обработке [7]. Также во многих городах Китая значительно превышает предел допустимой концентрации диоксид азота. Выбросы в атмосферу двуокиси серы достигают около 20 млн т, что ставит Китай по этому показателю на первое место в мире [4, с. 216]. Несмотря на то, что в Китае существуют множество источников энергии, самым доступным для разработки из них является уголь, на который и опирается энергетика КНР. Отсталая структура топливно-энергетического баланса является основной причиной загрязнения воздуха в городах и в сельской местности, что приводит к запылению атмосферы каменным углем и продуктами его сгорания. До 2015 года основные направления экологической политики Китая включают борьбу против «трех зол»: загрязнения атмосферы, загрязнения поверхностных и подземных вод, загрязнения окружающей среды бытовыми и промышленными отходами [4, с. 212].

Главный источник загрязнения атмосферы в Китае — это продукты, которые образуются при сгорании каменного угля. Китай потребляет 8—9 % мировой энергии, однако, наряду с этим, на его долю приходится 13,5 % мировых выбросов углекислого газа и 15,1 % двуокиси серы [4, с. 212]. Повышенному загрязнению атмосферы угольной пылью, а также продуктами сгорания угля способствуют:

- 1) особенности структуры топливно-энергетического баланса страны;
- 2) широкое использование энергетических ресурсов при низком уровне их очистки;
- 3) изношенное и устаревшее оборудование, используемое на предприятиях;
- 4) нерациональное использование, перевозка и хранение угля для промышленных и бытовых нужд;
- 5) застой воздуха и образование смога в городских кварталах, в результате непродуманной планировки;

б) отсутствие очистных сооружений и технических средств по улавливанию дыма от печей;

7) нахождение огромных складов угля под открытым небом, в результате чего происходит распространение угольной пыли по окрестной территории вследствие сильных ветров и обильных осадков [4, с. 213].

Почему же Китай продолжает использовать уголь как основной вид источника энергии, если он так сильно влияет на окружающую среду? Ведь существуют другие источники энергии, которые не наносят столь существенный ущерб экологии. Какие пути предпринимает правительство КНР для постепенного перехода от каменного угля на другие источники энергии? И возможно ли для Китая отказаться от каменного угля как основного источника энергии?

Возможность перехода энергетики Китая на другие виды источников энергии

На сегодняшний день все больше и больше внимания уделяется возобновляемым источникам энергии, негативное влияние которых на окружающую среду меньше, по сравнению с ущербом, наносимым в результате использования каменного угля. Возобновляемые источники энергии рассматриваются в Китае как самые перспективные. В основном это солнечная, ветровая, приливная и энергия биомассы. В настоящее время Китай в принципе обладает всеми необходимыми условиями для развития этих видов энергии; использование приливной энергии находится в стадии стабильного освоения [5, с. 169]. Береговая линия Китая тянется от устья реки Ялуцзян до устья реки Бэйлунхэ, ее протяженность составляет около 18 тысяч км, в сумме с островами береговая линия составляет более 32 тысяч км. Этого достаточно чтобы выработать 87 млрд кВт-ч.

Осваивается в КНР и солнечная энергия. В этой сфере активно работает целый ряд исследовательских университетов Китая: Тяньцзиньский университет, университет Цинхуа, Научный исследовательский университет кремниевых соединений в Шанхае и др. [5, с. 169]. Однако освоение солнечной энергии

находится еще в стадии разработки, и издержки производства энергии на солнечных электростанциях довольно велики. Говорить о том, что в будущем этот воспроизводимый, нетрадиционный вид источников энергии станет главной опорой энергетики Китая, еще рано. Безусловно, это направление энергетики будет стремительно развиваться, однако на современном этапе такой вид нетрадиционных источников энергии, как солнечная, пока еще не может называться одним из самых важных видов энергоресурсов в КНР.

Еще один вид возобновляемых источников энергии, который находится уже не в стадии освоения, а в стадии применения, — это ветровая энергия, которая применяется в Китае уже давно. Во многом из-за проблем обеспечения электроэнергией труднодоступных районов Китая этот вид энергоресурсов призван обеспечить энергией такие области. На сегодняшний день в Китае действуют около 10 млн ветрогенераторов. Использование ветровой энергии в Китае будет постепенно расширяться, так как производственные мощности позволяют каждый год выпускать около 30 млн новых генераторов [5, с. 170].

Другой вид возобновляемых источников энергии, применение которого возможно в более чем 100 районах Китая — это геотермальная энергия. Во многих регионах Китая, в основном в Тибете, были найдены геотермальные источники, на которые можно устанавливать мощные генераторы, способные вырабатывать большое количество энергии. Также в Китае существуют более миллиона установок для получения биогаза [5, с. 170].

Несмотря на хорошую базу для развития возобновляемых источников энергии, энергетика Китая по-прежнему базируется на угольном топливе. Осуществить полный переход на возобновляемые источники энергии для энергетики КНР невозможно ввиду многочисленных барьеров и преград, в первую очередь связанных с их ненадежностью.

Что касается газа, то в настоящее время Китай вкладывает огромные средства в геологоразведку, разработку месторождений, участие в газовых разработках по всему миру. Газовая промышленность в Китае становится одним из главных приоритетов энергетической политики. Правительство все больше и

больше задумывается о переходе на газовую электроэнергетику. По сравнению с углем более экологически чистый газ имеет ряд преимуществ, например: гораздо более быстрое строительство газоэнергетических предприятий; КПД газовых турбин значительно выше угольных; сокращение использования угля снижает нагрузку на железные дороги, которые перегружены в связи с перевозками угля; показатели энергоэффективности экономики КНР повышаются в случае замены угля природным газом [3].

Однако Китай не обладает столь обширными запасами газа, в отличие от угля, поэтому рассматривать газ как основу энергетики не следует, ввиду его малого количества на территории Китая и дороговизны производства геологоразведки данного вида топлива.

Рассматривая нефтяную отрасль, которая по важности занимает второе место в энергетике Китая, нужно сказать, что для КНР она является сравнительно молодой. Как ни странно это звучит, но большую долю на китайском нефтяном рынке вплоть до 1949 года занимали в основном американские компании, такие как «*American Mobil*», «*Texaco*», «*British Asia*». В настоящее время, Китай является одной из ключевых фигур на мировом рынке нефтепродуктов. Прежде всего, КНР является привлекательной экспортной площадкой для иностранных компаний. Растущий спрос на энергоносители внутри Китая и либерализация нефтяной отрасли придали импульс развитию сотрудничества с иностранными компаниями. Несмотря на то, что сейчас ресурсная база нефтяной отрасли Китая ограничена, импорта и сотрудничества со странами — нефтяными гигантами Китая достаточно, чтобы обеспечить себя этим видом топлива. По запасам нефти Китай довольно сильно уступает крупным игрокам на нефтяном рынке.

Выводы

Энергетика КНР еще долгое время не сможет отказаться от использования угля как основного энергоресурса. Можно предположить, что в связи с экологическими причинами добыча каменного угля будет ограничена, Китай продолжит приобретать месторождения за границей. Вряд ли следует недооце-

нивать роль угля, несмотря на его недостатки. В ближайшее время в Китае невозможно осуществить переход с угольного топлива, который на протяжении многих лет являлся и является основным источником обеспечения населения КНР энергией и опорой энергетического баланса Поднебесной. Доля угля в топливно-энергетическом балансе Китая будет сокращаться, однако перспективы угольной промышленности остаются большими, и этот вид ископаемого топлива будет продолжать играть главенствующую роль. В будущем пересмотреть роль угля как основного источника энергии в КНР будет трудно. Доля угля в структуре первичных энергоресурсов страны будет составлять более 50 %. В связи с этим экологические проблемы в Китае продолжают существовать. Однако из-за падения доли угля в топливно-энергетическом балансе Китая, загрязнение окружающей среды будет меньше.

Источники и литература

Источники:

1. Чжунго тунци чжайяо — 2007 (Китайский статистический ежегодник — 2007), Пекин, 2007.
2. Statistical Review of World Energy 2013. British Petroleum. — London: BP Statistical Review of World Energy, 2013. (Статистический обзор мировой энергетики компании «Бритиш петролеум»).

Литература:

3. Перспективы «Сланцевой революции» и проблемы энергетики Китая / М.С. Скрябина // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1.
4. Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / сост. В.В. Жигулева; отв. ред. А. В. Островский. — М.: ИДВ РАН, 2011.
5. Экономика Китая в XXI в. / Отв. ред. и предисловие М. Л. Титаренко. М.: РАН. Ин-т Дальн. Вост., 2004.
6. Пу Хунцзю, Лу Янчан, Лю Яохуа. Чжунго дяньли юй мэйтань (Электроэнергия и уголь в Китае). Пекин, 2004.
7. <http://www.worldcoal.org> World Coal Association

Чижова П.С.

Китайская и японская официальная помощь развитию в Африке южнее Сахары: сходства и различия

Аннотация

В статье приводятся основные сходства и различия официальной помощи развитию КНР и Японии в странах Африки южнее Сахары, а также рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование политики этих стран в регионе.

Ключевые слова: Япония, КНР, Африка, официальная помощь развитию.

Официальная помощь развитию (по определению Комитета по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР)) — это льготное финансирование, предоставляемое развивающимся странам (чей доход на душу населения ниже установленного минимума), а также международным организациям, целью которых является продвижение благополучия и экономического развития в странах-реципиентах [9, с. 203—204]. Основными ее видами являются: гранты, льготные кредиты и техническое сотрудничество. При этом помощь, предоставляемая государствам-реципиентам странами-донорами, должна соответствовать «следующим критериям:

- «ресурсы должны предоставляться официальными органами, включая центральные правительства и региональные власти, или правительственными агентствами;
- каждая операция (заем, грант): а) должна иметь основной целью экономическое развитие и повышение благосостояния развивающихся стран; б) должна иметь льготный характер и содержать грант-элемент не менее 25 %» [5, с. 58].

При этом «к ОПР не относятся военная помощь, финансирование силовых аспектов миротворческих операций, деятельность гражданской полиции, социальные и культурные программы, развлекательного характера, и другие официальные субсидии частным фирмам» [5, с. 58]. Кроме того, помощь оказывается только «демократизированным» странам.

Африка южнее Сахары — один из наиболее проблемных развивающихся регионов, в котором проживает свыше 900 млн людей. В основном его проблемы связаны с экономической отсталостью, неразвитостью медицины, низким уровнем жизни, политической нестабильностью и т.д. В связи с этим ведущие экономические державы оказывают официальную помощь развитию африканским государствам, находящимся южнее Сахары. В том числе, Япония и КНР. Однако, помощь, оказываемая обеими азиатскими странами, и подходы, которые они используют при ведении политики в Африке, имеют свои особенности.

Основные характеристики японской и китайской официальной помощи развитию представлены в таблице 1.

Став в 1964 г. членом ОЭСР, Япония начала оказывать ОПР в соответствии со стандартами ОЭСР и с целью «внести свой вклад в установление мира и развитие международного сообщества и, таким образом, обеспечить гарантии собственных безопасности и процветания» [1]. Японское агентство международного сотрудничества (JICA), один из основных акторов оказывающих ОПР, определяет идейную концепцию, стратегию и «миссии» японской помощи развитию следующим образом. Идейная концепция заключается во «всестороннем и динамичном развитии» [1]; стратегии — во «всесторонней помощи, непрерывном содействии, стимулировании развития партнерства, расширении обмена в исследовательской и образовательной сферах» [1]; а «миссии» — в «выступлении с глобальной программой, посвященной проблемам с водой, энергетикой, продовольствием, вопросам финансирования, борьбы с инфекционными заболеваниями и изменениями климата; следовании курсу стабильного снижения уровня бедности посредством всеобщего равного роста; повышении качества управления: упрочении политики, институтов, организаций и человеческих

Таблица 1

Основные черты японской и китайской ОПР

Основные черты	Япония	Китай
Членство в ОЭСР	1954 г. — присоединилась к плану Коломбо 1964 г. — член ОЭСР	Не является членом ОЭСР
Ограничения деятельности в предоставлении помощи	Действия в рамках ОЭСР + в соответствии с политикой США	Свобода действий, без оглядки на США и другие страны
Наличие условий для стран реципиентов	Следует общим принципам и положениям ОЭСР (демократизация, защита прав человека и т.д.) Отсутствие «связки» с товарами японского производства	Отсутствие условий при оказании денежной помощи «Связывание» кредитов (50 % товаров и услуг должны покупать у китайских производителей)
Цели ОПР	ОПР как «мягкая сила»	Китай поддерживает Африку, чтобы Африка поддержала Китай
Направления ОПР	Направлена на обеспечение безопасности личности, а также экономическое развитие (добыча полезных ископаемых, развитие инфраструктуры и др.)	Направлена на конкретные цели: добыча полезных ископаемых и развитие инфраструктуры, сельское хозяйство, строительство и др.
Составляющие ОПР	Половина ОПР — грантовая помощь (50,8 %); треть (29,8 %) — льготные займы; 19,4 % — техническое сотрудничество [5]	Гранты (наименьшая часть); льготные кредиты
Современные тенденции в ОПР	Сокращение объемов ОПР	Увеличение объемов ОПР

Составлено по: Iwata T. Comparative Study on “Asian” Approaches to Africa: an Introductory Reflection / *African Study Monographs*, 33(4), 2012.

ресурсов как основы для развития; обеспечении безопасности человечества: защита людей от потенциальных угроз и построение общества, в котором они смогут достойно жить» [1].

В 2012 г. из всей японской ОПР на долю Африки южнее Сахары пришлось 1,7 млрд долл. США (с учетом возвращенных средств), что составило треть всей ОПР [2], при этом 50,8 % — составила грантовая помощь, почти треть (29,8 %) — льготные кредиты и 19,4 % — техническое сотрудничество [1]. Основными странами-реципиентами среди африканских государств, расположенных южнее Сахары, были Демократическая республика Конго, Эфиопия, Танзания, Судан и Сенегал.

Япония предоставляет широкий спектр помощи по «развитию инфраструктуры Африки, <...> содействует развитию торговли, инвестиций и туризма, <...> оказывает поддержку в борьбе с бедностью, экономическим неравенством и последствиями конфликтов, <...> осуществляет экологическое сотрудничество» [1], а также способствует развитию взаимодействия между Африкой и другими регионами.

В то же время, стоит отметить, что, хотя Япония оказывает помощь фактически всем африканским странам южнее Сахары, ОПР ее четко диверсифицирована и имеет целевой характер. Японская ОПР направлена на конкретные страны с более-менее стабильной политической и экономической обстановкой.

Что касается КНР, то она не является членом ОЭСР, а, соответственно, не скованна никакими ограничениями в оказании ОПР. Основные принципы китайской помощи были определены еще Чжоу Эньлаем в 1964 г. и заключались в: «равенстве и взаимной выгоде; уважении суверенитета, помощи без условий; осуществлении на основе предоставления беспроцентных или льготных кредитов; содействии самообеспеченности стран, не приводящем к зависимости; быстром результате; использовании китайского оборудования; акценте на передаче технологий в рамках технического сотрудничества» [7].

Однако, стоит отметить, что помимо инструментов ОПР КНР также использует другие средства финансовой помощи, в частности кредиты для покупки китайских товаров на экспорт (exportbuyers' credits), официальные займы по рыночному курсу

Основные подходы в ведении политики в Африке Китая и Японии

	Япония	Китай
Сходства	1. Принцип «сотрудничество без интервенции» — Япония и КНР предоставляют Африке больше самостоятельности в отношениях, чем Запад.	
	2. «Ресурсная дипломатия» (по объему торговли с Африкой Китай находится на более высоком месте, чем Япония).	
	3. Асимметричность отношений (перекос в сторону богатых ресурсами стран).	
	4. Использование помощи развитию как инструмента дипломатии для получения политической поддержки наибольшего количества стран на международной арене. Организация конференций и саммитов (TICAD, FOCAC) в качестве площадки для проведения диалогов и консультаций по вопросам развития Африки.	
Различия	1. Скованность японской ОПР	1. Китайская помощь не имеет никаких ограничений.
	2. TICAD ¹ : конференция, на которой не объявляется о новых видах помощи (non-pledging conference) <ul style="list-style-type: none"> • место проведения — Токио (последние два саммита — Иокогама) • многосторонний форум — к участию, помимо Японии и Африки, привлекаются также другие международные акторы. 	2. FOCAC ² : <ul style="list-style-type: none"> • используется для объявления о новых видах помощи, кооперации и сотрудничества • место проведения — Пекин и Аддис-Абеба • более автономный форум: участниками являются только Китай и страны Африки.
	3. Общие характеристики: <ul style="list-style-type: none"> • низкая интенсивность контактов (редкие визиты официальных лиц); • узкопрофильная дипломатия; • отношения с ключевыми странами региона ('key-country' approach); • слабый интерес среди японских частных компаний (нестабильная обстановка в регионе); • незначительный торговый оборот 	3. Общие характеристики: <ul style="list-style-type: none"> • Активная (частые визиты китайских лидеров), широко-профильная дипломатия; • «всепогодная» дипломатия («all-weather» diplomacy); • основные акторы — китайские компании; • сотрудничество по модели «win-win»; • вовлеченность провинциальных китайских властей в осуществлении африканской политики (CAPFA³) • агрессивная экономическая политика

и стратегические кредиты по линии китайских компаний. Комбинирование ОПР и собственно китайских методов финансирования усиливает совокупный эффект от помощи [9, с. 206]. При этом, стоит отметить, что ОПР составляет меньшую долю во всей финансовой помощи, оказываемой Китаем, Африке.

Данные по китайской ОПР недоступны во всей полноте, однако в 2009 г. КНР выпустил первую whitepaper, посвященную официальной помощи развитию, в которой указывалось, что на долю Африки приходилось 46,7 % всей ОПР Китая [9, с. 207]. Основными реципиентами китайской финансовой помощи являются Судан, Ангола, Гана, хотя, стоит отметить, что КНР оказывает помощь всем африканским странам почти в равной степени.

Китайская помощь развитию имеет выражено прагматическую окраску: Китай осуществляет «ресурсную дипломатию», а также активную торгово-экономическую экспансию в странах Африки. Кроме того, если японская помощь действительно направлена на развитие, то китайская финансовая помощь не так явно способствует улучшению экономической и политической обстановки в регионе (например, в силу того, что китайцы привозят с собой не только заводы, но и персонал, таким образом, китайская помощь развитию не создает рабочие места).

Кроме того, она носит ярко политизированный характер, т.к. «за каждой крупной коммерческой сделкой с участием китайских компаний стоит политическое решение властей КНР» [4, с. 67]. Вследствие этого, как отмечает С.М. Витковский, «Китай, формально не вмешиваясь во внутренние дела, оказывает немаловажное влияние на политическую ситуацию в развивающихся государствах, поддерживая присущий некоторым из них изоляционизм, создавая экономические условия для консервации правящих диктатур» [4, с. 67], предоставляя кредиты для всех, невзирая на политический режим.

Что касается политики Японии и Китая в Африке, то основные сходства и различия, а также факторы, повлиявшие на ее формирование, представлены в следующих таблицах.

	Япония	Китай
	Япония действует с оглядкой на США и Европу.	Китай проводит независимую самостоятельную политику.
	Антивоенная направленность японской ОПР.	Экспорт оружия в Африку; военное сотрудничество.
	Интересы: <ul style="list-style-type: none"> • Дипломатические (поддержка на международной арене; содействие в становлении постоянным членом Совбеза ООН) • Обеспечение безопасности 	Интересы: <ul style="list-style-type: none"> • Дипломатические (для поддержки собственных интересов на международной арене; африканские страны не должны иметь дипломатических отношений с Тайванем) • Экономические (Африка — большой торговый и инвестиционный рынок; поставщик ресурсов)
¹ The Tokyo International Conference for Africa's Development ² The forum on China-Africa Cooperation ³ The Chinese-African People's Friendship Association — организация по сотрудничеству на местном уровне между Китаем и Африкой		

Составлено по: Aremu F.A. A Comparative Study of Japan and China's African Diplomacy in Contemporary Historical Context / *Ritsumeikan Center for Asia Pacific Studies*, 2008.

Налицо сходства японской и китайской политики в южно-африканских государствах: оба государства следуют политике невмешательства во внутренние дела стран-реципиентов, действуют в рамках «ресурсной дипломатии» (причем, в связи с этим возникает асимметричность отношений, связанная с перекосом в сторону богатых ресурсами стран), а также стремятся заручиться поддержкой как можно большего количества участников международного сообщества в лице 49 стран региона. Кроме того, в качестве площадки для диалога используются специально созданные форумы — ТИКАД (TICAD, The Tokyo International Conference for Africa's Development) и ФОКАК (FOCAC, The forum on China-Africa Cooperation).

В то же время, довольно значительными являются и различия в политике, проводимой двумя азиатскими странами в регионе. КНР более активно осуществляет политический диалог на всех уровнях (в том числе и региональном), политика ее направлена на большее количество стран региона (т.н. «всепогодная» дипломатия («all-weather» diplomacy)), а также сотрудничество осуществляется по модели «win-win», что означает, что китайская ОПР взаимовыгодна обеим сторонам (т.е. не является благотворительностью и тесно связана с бизнесом).

В то же время Япония, скованная обязательствами по ОЭСР и внешней политикой США, теряет позиции в регионе. И это объясняется следующими историческими, экономическими, внутри- и внешнеполитическими факторами (таблица 3).

Таблица 3

Факторы, оказавшие влияние на формирование политики Японии и Китая в Африке

Факторы	Япония	Китай
Исторический	Оккупация США → привязка внешней политики Японии к международной позиции США, в частности, и Запада, в целом	<ul style="list-style-type: none"> • Соперничество с США, СССР • Стремление вернуть Тайвань
Экономический	Высокотехнологичная, специализированная, дорогая японская продукция не находит большого спроса в странах Африки; Заинтересованность в стабильных поставках энергоносителей	Дешевая китайская продукция вполне подходит африканскому рынку, расширяя китайско-африканские торговые связи
Политический	Отсутствие харизматичного лидера и бюрократизация японской внешней политики	Формирование внешней политики, исходя из позиции харизматичного лидера партии
Внешнее давление	Политика с оглядкой на западные страны	Самостоятельная, автономная политика

Составлено по: Aremu F.A. A Comparative Study of Japan and China's African Diplomacy in Contemporary Historical Context / *Ritsumeikan Center for Asia Pacific Studies*, 2008.

Из таблицы можно заметить, насколько различны факторы, повлиявшие на формирование китайского и японского политических курсов в южноафриканских странах. Если политика Японии в послевоенный период формировалась полностью в соответствии с линией, выстраиваемой США, то КНР стала осуществлять активную политику в государствах Африки южнее Сахары, скорее, в ответ на соперничество с США и СССР, а также из стремления вернуть Тайвань. Кроме того, очевидна также и разница экономических целей: высокотехнологичная японская продукция не находит спроса в странах этого региона, в то же время Китай рассматривает Африку как один из потенциальных рынков сбыта своей продукции.

Подводя общий итог, можно сказать, что и Китай, и Япония используют ОПР как инструмент «мягкой силы». Однако, если Китай выделяет крупные кредиты любым странам, невзирая на политический строй, экономическую стабильность и др., то Япония в этом плане ему проигрывает, стремясь работать с наименьшими рисками и в наиболее стабильных регионах, а также ограничена принципами ОЭСР. Это сказывается и на индексе мягкой силы двух стран: для КНР в 2010 г. он составил 30,7 (самый высокий показатель среди развивающихся стран); то у Японии — 31,8 [3]. То есть разница между ними совсем небольшая и, вероятно, что уже сейчас КНР сравнялся или даже начал опережать Страну восходящего солнца, в силу не только широкомасштабной экономической помощи, но и различных мер, принятых в последние годы для усиления китайской мягкой силы (центры Конфуция и др.).

Политические интересы, преследуемые обоими государствами, также направлены на получения как можно большей поддержки на международной политической арене. Однако, цели, на которые направлена эта поддержка, различаются. В частности, Япония стремится войти в число постоянных членов Совета Безопасности ООН, а Китай — обеспечить полную изоляцию Тайваня, не допустить Японию в Совет Безопасности ООН. При этом КНР, в качестве союзника, для африканских стран является наиболее привлекательным, поскольку Китай, как постоянный член Совбеза ООН, обладает правом вето, и,

соответственно, может взять на себя роль проводника южноафриканских интересов в ООН.

Экономические цели, которые стремятся достигнуть Япония и КНР с помощью сотрудничества в странах Африки южнее Сахары, приблизительно одинаковы — ресурсы, продовольствие, рынки сбыта и т.п. В качестве основных направлений ОПР можно выделить такие области, как добыча полезных ископаемых и развитие инфраструктуры, сельское хозяйство, здравоохранение, телекоммуникации и т.п. Однако, если КНР, следуя своим прагматическим целям, более активно участвует в строительных и ресурсоразрабатывающих проектах, то Япония уделяет больше внимания развитию сельского хозяйства, медицины и инфраструктуры.

Далее можно заметить слабую заинтересованность японских компаний, а также низкую интенсивность официальных встреч на государственном уровне между представителями Африки южнее Сахары и Японии и скованность японской политики. В этом плане, в отличие от Страны восходящего солнца, действия которой завязаны на внешнеполитической позиции США и европейских стран, Китай проводит автономную политику в Африке, ликвидируя монополизм европейских стран и США. Китайские лидеры, в отличие от японских, активно посещают страны Африки, налаживая не только межгосударственные отношения, но и на местном уровне.

Кроме того, КНР осуществляет сотрудничество по модели «win-win», т.е. оказываемая им помощь не является благотворительностью, как в случае с помощью ОЭСР. Бизнес и ОПР тесно связаны. Помощь направлена на поддержание взаимной стабильности (т.е. по сути «консервацию» существующих, не всегда демократических режимов).

Интересно отметить, что Япония начала более активное сотрудничество со странами африканского континента в 70-е гг. Пик японской ОПР в Африку приходится на вторую половину 90-х гг. XX в., когда она являлась самым крупным донором. Сейчас ее путь в некотором роде повторяет Китай, формируя, однако, собственные механизмы и принципы помощи. Япония же уступает ему в этом регионе и преследует уже «не решение прагматических задач, а повышение своего морального реноме».

Источники и литература

Источники:

1. Профиль деятельности JICA. [URL]: http://www.jica.go.jp/english/publications/brochures/pdf/jicaprofile_russian_02.pdf
2. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan's ODA White Paper 2012. Assistance for Each Region: Sub-Saharan Africa http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2012/pdfs/030203_5.pdf
3. Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012. [URL]: http://emergingmarkets.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf

Литература:

4. Витковский С.М. Японо-китайское соперничество в странах «третьего мира» на современном этапе / Журнал международного права и международных отношений, №4, 2008, с.64-69.
5. Дедусенко А.Д. Анализ инструментов (актов) ОЭСР в сфере содействия развитию / Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, №4, 2009, с.55—64.
6. Ковригин Е.Б. Япония — Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия / Пространственная экономика, №3, 2012, с.9-33.
7. Попова Л.В. Китайская помощь развитию и ее влияние на систему глобального управления. [URL]: <http://worlddec.ru/content/conference/october2012/Popova%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%9E%D0%9F%D0%A0%20%D0%B8%20%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>
8. Aremu F.A. A Comparative Study of Japan and China's African Diplomacy in Contemporary Historical Context / Ritsumeikan Center for Asia Pacific Studies, 2008, pp.
9. Brautigam D. Chinese Development Aid in Africa: What, Where, Why, and How Much? / Rising China: Global Challenges and Opportunities, Jane Golley and Ligang Song, eds, Canberra: Australia National University Press, 2011, pp. 203-223.
10. Iwata T. Comparative Study on “Asian” Approaches to Africa: an Introductory Reflection / African Study Monographs, 33(4), 2012, p.209-231.
11. Lagerkvist J., Johnsson G. Foreign aid, trade and development: The strategic presence of China, Japan and Korea in sub-Saharan Africa / UI Occasional Papers, 5, 2011.
12. Welle-Strand A. Foreign Aid Strategies: China Taking Over? / Asian Social Science, 6(10), 2010.

Информация об авторах

1. *Беляева Анастасия Викторовна*— 3 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
2. *Большова Екатерина Владимировна* — 4 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
3. *Гершиноква Юлия Витальевна* — 4 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
4. *Заводиленко Арина Владимировна*— 3 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
5. *Квитко Екатерина Михайловна*— 3 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
6. *Корзов Николай Николаевич* —3 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
7. *Маркелов Александр Александрович*— 3 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
8. *Матросов Валерий Анатольевич* — 4 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
9. *Махмутова Мария Игоревна* — 3 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
10. *Пасивкина София Антоновна*— 2 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
11. *Чижова Полина Сергеевна* —4 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.
12. *Шипилов Александр Юрьевич*— 3 курс, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.
13. *Ячник Мария Михайловна*— 2 курс, отделение востоковедения НИУ ВШЭ.

ВОСТОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Сборник студенческих работ

Выпуск 1

Дизайн и обложка
Компьютерная верстка *Е. Конова*

Подписано в печать 00.11.2014.
Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 00 экз. Заказ № 5330.

ООО «Адвансед Солюшнз»
119071, г. Москва, Ленинский пр-т, 19, стр. 1